

АЛЕКСАНДР РУДЖА

ДОН ХУАН

Человек оказывается на Диком Западе девятнадцатого века. Все знания бесполезны, навыки не имеют смысла, в голове — ни одной разумной мысли. Остается одно — идти вперед, осваиваться в новом, равнодушном мире, резать глотки и снимать с трупов сапоги и патроны... Постойте, что значит «зачем резать»? Ну, просто деньги очень нужны. (Приквел к «Говорунам»).

Александр Руджа

Дон Хуан

Часть 1

Солнце. На меня давит солнце. И еще пыль. В нос залетает какой-то неприятный запах и там остается. Даже два запаха. Один тяжелый и влажный, почему-то вызывающий тревогу и смутное чувство вины. Другой спокойный и сухой, не слишком резкий, но вызывающий желание чихнуть. Черт! Это же дерьмо!

Я откашливаюсь и сплевываю в песок. На солнце, впрочем, это никак не влияет. Хорошо еще что старое, местами прохудившееся сомбреро эффективно препятствует моему превращению в подтаявшее мороженное, закутанное в грязное пончо.

Где-то из-за спины доносится мерное жужжание.

Что?

Так, погодите...

Какое еще солнце?

Какое дерьмо?

Откуда на мне сомбреро и пончо?

Спокойнее, парень, спокойнее — это не мираж и не галлюцинация. Такое бывает только у психов, а ты никакой не псих. Ты нормальный, кого угодно спроси. Кстати, где эти «кто угодно», я бы сейчас у них о многом поинтересовался — где я, кто я, что я здесь делаю и какого черта вообще вокруг творится.

Оборачиваюсь. Да, зря я это сделал. В десятке шагов — кровавое месиво, в котором смутно угадываются два застывших тела. Глотки перерезаны чем-то грубым, неровным, будто пилой, лохмотья плоти и внутренние органы буквально плавают в подсыхающих уже лужах.

Третий запах, который встречает меня в этом мире — запах рвоты.

Это не я.

Не я.

Впрочем, это и так понятно. На такое способны только психи, а я-то никакой не псих. Значит, пока я валялся в отключке, здесь прошел опасный маньяк, выпотрошил несчастных путешественников, но не тронул меня. Почему? Да хрен его знает, кто вообще разберет этих психов?

Руке горячо. В руке зажато горлышко от бутылки — знаете, из толстого зеленого стекла, раньше такие были, я помню. Сейчас кругом сплошной пластик, а ведь были времена... Отложим. С зазубренных хищных граней уже не капает, но густая красная жидкость успела сделать на песке небольшую лужицу.

Чертов маньяк, умудрился вложить мне в руку оружие убийства. Подставить хотел, наверное.

И что это значит? Конечно, за ним по пятам идет погоня, и он решил замести следы — навести погоню на первого попавшегося невинного человека (это я). А сам, выходит, задумал скрыться. Мерзавец, мало того, что псих и убийца, так еще и подлец.

Ответственно заявляю — этот номер у него не пройдет. Я выслежу и найду эту трусливую и кровожадную тварь, и передам в руки правосудия. А до тех пор мне придется от этих рук уворачиваться, пока они не забрали невинного.

Выбрасываю «розочку», обыскиваю тела — я должен отомстить за них, а для этого мне важен любой трофей. Пусто, ни монетки, ни перочинного ножика. Чертовски жаркая

пустыня. Пора придумать план действий. Кстати, это можно сделать и на бегу.

Первое — добраться до населенных мест и расспросить относительно сбежавшего маньяка-убийцы. Второе — разжиться оружием. Третье — понять, что вообще происходит вокруг меня. Провалы в памяти и потеря ориентации во времени и пространстве иногда бывают у психов, только я ведь не псих. А значит, всему найдется объяснение.

Рано или поздно.

Ориентируюсь по солнцу — жарит, не переборщить бы. Пойду на юг — это прямая линия между убитыми и мной. А поскольку неизвестный подлец всучил мне «розочку», то наверняка прошел мимо меня. Значит, юг.

Пустыня, пончо, сомбреро... не хватает только шестизарядного изобретения полковника Кольта и бутылки текилы. Я на Диком Западе. А еще точнее, наверное, где-то недалеко от границы с Мексикой. Калифорния? Техас? Нью-Мексико? Я паршиво ориентируюсь в расстояниях, и еще хуже — в эпохах. Ладно, неважно. Первые же люди, которых я встречу, наверняка прояснят и этот вопрос.

Городок показывается в прямой видимости как-то неожиданно — я даже не сразу понимаю, что здесь живут люди, просто пара дюжин домов, огороженных заборами из деревянных рам в обрамлении кактусов, каких-то обломков скал и полузасохших кривых деревьев. Людей, кстати, на улицах особо не видать, но оно и понятно — только псих станет в такую жару бродить по улицам.

Магазинчик со скромным названием «Пушки» я вижу сразу, он тут единственный, не считая салуна. Бедно живут люди. Внутри пусто и темновато, у потертой стойки скучает немолодой мужчина. Смотрит вежливо, но без приязни.

— Чем могу?

— Мне нужно оружие, — голос у меня хриплый, низкий. Плюс акцент. Испанский, что ли? — Что посоветуешь?

— Шестизарядник Кольта, понятное дело, — ни на секунду не задумывается продавец. — Тяжелый, мощный, надежный. Рекомендую всем проходимцам вроде тебя.

Тяжелый — это хорошо. Значит, в случае чего, можно будет и по башке кого-нибудь повернуть.

— Беру.

— Деньги покажи, да и бери себе, — продавец смотрит пристально. — Пятнадцать долларов за оружие. Патроны отдельно, по полдоллара штука.

Интересно, как у меня с деньгами? В пончо карманов нет, а под ними у меня только полотняные штаны, да рваная рубаха. Мадре де Дьос, да я богач! В секретном кармане штанов обнаруживается целый столбик монет — двадцать один серебряный доллар. Очко! К некоторым монетам присохло что-то бурое, но на ценность это не влияет.

Продавец неспешно пересчитывает деньги, вываливает на стойку пригоршню патронов из тяжелой латуни, самодельных, не фабричных.

— За задней дверью стрельбище, пристреляйся, если есть охота, — роняет он. — А нет, так вали. Нам тут таких, как ты, не нужно.

Кажется, я ему чем-то не понравился, но револьвер у меня, и с ним нужно познакомиться. Мистер Кольт, это я, я — это мистер Кольт. Но это слишком плохо, револьвер и вправду нужно бы пристрелять.

Стрельбищем это названо, конечно, сгоряча — обыкновенный задний двор, разгороженный низенькими заборчиками, вроде барьеров. Тут и там, шагах в двадцати,

стояли наряженные в пончо чучела с дырявыми шляпами на головах. Чучела мне не понравились, а еще больше — что по ним нужно было стрелять.

Быстро выяснилось, что с навыками стрельбы у меня так себе. Меткость, правда, была на уровне, пространство под шляпой поражалось легко, но вот то, что каждый раз нужно было взводить курок, оказалось непривычно. Я потратил три патрона из шести, заполучил неприятный звон в ушах, но привычки не выработалось. Может, через пару десятков выстрелов, что-то и изменилось бы, но у меня столько не было.

Что это означает? Обращаться к оружию только в крайнем случае.

И только выйдя со стрельбища в магазин, а оттуда — на улицу, я вспоминаю, что так ничего и не узнал относительно своего местонахождения. Что это за город? Чья это территория? Что слышно о неведомых убийцах, орудующих в паре миль к северу? Что-то я и впрямь отупел, но возвращаться к угрюмому оружейнику и допрашивать человека, владеющего целым магазином пушек было, наверное, не самой удачной идеей. Поэтому я просто перехожу улицу и направляюсь в подмеченный чуть ранее салун.

В ушах по-прежнему звенит, а в глазах пляшут странные темные пятна, похожие на человечков. Это от солнца, это пройдет. Очень сухая и пыльная местность, акклиматизация так просто не дается. Под вечер еще и расстройство желудка могу заработать. Это если я найду в этом салуне что-нибудь поесть.

Я толкаю двойные деревянные дверцы и вваливаюсь внутрь, там почти пусто, и настолько явно нет солнца, что в первый момент помещение кажется темной пещерой. Но самое главное не это. В голове словно щелкает переключатель радио, и я начинаю кое-что вспоминать.

Что такое радио?

Ну, приспособление такое. Чтобы музыку слушать, скажем.

Уши, что ли?

Какие еще уши, придурок! Сказано тебе — приспособление.

Ты сам с собой разговариваешь, и кто здесь, собственно, придурок?

Я трясую головой, дурацкие голоса улетучиваются, и это достаточная причина для того, чтобы начать улыбаться. Вполне возможно, что улыбка эта не слишком веселая, даже наверняка — бармен, начавший было открывать рот для приветствия, как-то нехорошо кашляет и затыкается. Но суть в том, что если пару минут назад я нервничал и недоумевал по поводу всего происходящего, то теперь моему хладнокровию мог бы позавидовать огурец.

— До... добро пожаловать в салун Джеймса Дина, — оживает во второй раз бармен. — Что желаете, мистер...

— Хуан, — я не думаю долго. Нужно бы еще языком жестов показать, что меня зовут Хуан, но боюсь, в этом языке шутка осталась бы не понятой.

— Конечно же, Хуан, — соглашается бармен, по имени, надо думать, Джимми Дин. Я бы с такими позывными, конечно, не отсвечивал бы, но это же я. — Итак, что бы вы хотели заказать?

Я вспоминаю, что все деньги, до последнего цента, я оставил у оружейника. Правда, там и центов не было, сплошняком серебро, которое я снял с той парочки посреди пустыни. А до этого я парочку убил, той самой бутылкой, из которой они мне сперва дали напиток. Добродушные олухи, но, впрочем, они напросились сами. У них были деньги, у меня — нет, а закон социальной справедливости говорит, что у всех должно быть всего поровну. Это для того, вероятно, чтобы мне потом было легче собирать.

Черт возьми, я поймал кайф! И даже раздвоенность сознания, одну половину которого временно оккупировал сейчас неуклюжий мексиканский верзила, ничуть не мешала получать от происходящего самое настоящее, с острым привкусом специй, удовольствие.

Кто сказал «псих»? Психи совсем не такие, уж я-то знаю, навидался их в Сан-Квентине. А значит, я никакой не псих. Мне ли не знать.

— Воды и пожарать. И побыстрее, — решаю я. Денег у меня, правда, нет, но Джимми Дин об этом еще не знает. А там что-нибудь да выйдет.

— Слышал, Билли? Он сказал, что его зовут Хуан, — хихикает щуплый мужичонка в ковбойской шляпе, сидящий с кодлой из трех таких же ублюдочных персонажей в уголке, отчего я их не сразу заметил.

— Да этих мексов всегда зовут либо Хуан, либо «Эй, ты, копай быстрее, придурок!» — поддерживает мысль второй, сплунув в мою сторону.

— Ненавижу мексов, — заключает третий, потому что четвертый ничего не говорит, он просто сидит и сверлит меня нехорошим таким, черным взглядом.

— Господа! Я бы попросил... — смирным голосом говорит прекрасно воспитанный бармен Джимми Дин.

— А то что? Ты обидишься и уйдешь? — ржет первый дурным голосом. — Понял, Билли?

— Побыстрее, — улыбаюсь я, облакачиваясь на стойку. На ней, совсем рядом, лежит прекрасный аккуратный нож. Не мясницкий тесак и не топор лесоруба, а простенький нож с односторонней заточкой и деревянной ручкой. Очень он мне нравится, очень. Джимми Дин хмурится.

— Думаю, я могу гарантировать вам безопасность в моем заведении, — с сомнением говорит он. — У меня тут еще не было перестрелок.

— Серьезно?

— На этой неделе, — вносит он важное уточнение. — Но я понимаю ваши опасения, так что... все будет быстро.

И исчезает в задней комнате — там у него кухня, наверное, там что-то такое булькает и пышет жаром. А возможно, просто лестница в преисподнюю, где варятся души грешников и психопатов-убийц. И почему-то мне кажется, что эти четыре упыренка очень хотели бы меня туда отправить. А ведь сегодня только понедельник.

— Эй, — говорит внезапно четвертый, тот, что все время смотрел не по-доброму. — А я ведь знаю тебя! Это же ты неделю назад сбежал из Сан-Квентина! Парни, это тот псих, за которого шериф назначил награду!..

Великолепная четверка вскакивает, повалив стол. Здесь явное невезение, ведь у меня нет даже стола, я всю дорогу околачивался возле стойки. Пойдите, а ведь она, пожалуй, даже прочнее будет!

— Ну, псих я, псих, — соглашаюсь покладисто. Отчего же не согласиться, когда это чистая правда, и у меня под рукой револьвер с тремя отличными пулями, в лечебнице ничего подобного не было, но я и там успевал отлично развлекаться. — А вот вам, амигос, кранты.

Первая пуля попадает в парня, который меня опознал. Он умный, такому особая честь, отправляется в царство Хель работать правофланговым. Отдача от выстрела все-таки сильная, но и результат не разочаровывает, в ковбоя словно бетонной плитой влили. Парень отлетает к стене, оставляя за собой на полу инверсионный красный след.

Тут бы мне взвести курок, да нацелиться на других — они думали, что я так и поступлю,

и потому немедленно залегли. Но я был хитрее, я перемахнул за стойку, да и спрятался там. Стойка хорошая, изнутри стальными листами огорожена, для безопасности. А еще у вежливого парня Джимми Дина тут дробовик припрятан, просто на всякий случай, наверное. Лучше бы динамит, конечно — люблю я динамит. Хотя нож все-таки больше.

Я выныриваю из укрытия с оружием наперевес и влепляю заряд дроби в первую же удивленную харю, высунувшуюся из-за стола. Меткость у меня никудышная, привычки обращения с оружием нет, только это не важно — дробь решает все проблемы. Уже два. Еще один, и будет Святая Троица. Дохлая, обращаю ваше внимание.

— Эй, гринго, послушайте психа-мексиканца! — говорю громко. — Я тороплюсь, и у меня нет на вас зуба. Тот, кто сейчас бросит револьвер и поднимет руки, уйдет отсюда на своих ногах, клянусь! Тот, кто откажется, получит заряд дроби в грудь!

— Пошел ты, вонючий мекс! — орут из-за стола. — Этот трусливый койот Джимми Дин уже наверняка донес, что происходит, шериф с помощниками будет здесь через четверть часа, тебе крышка!

— Может и так, — соглашаюсь. — Только какая вам польза с того, если вы один черт будете мертвы? Последний шанс, гринго, я никогда не предлагаю дважды.

В укрытии секунд двадцать идет яростное бормотание. Потом оба встают с поднятыми руками. Рожи мрачные, надменные — вроде это они мне одолжение делают.

— Вот и все, амигос, напрасно вы боялись, — широко улыбаюсь. — И запомните, Дон Хуан не терпит оскорблений.

— Тебя все равно поймают и повесят, каброн, — сплевывает кто-то из них. — Не сегодня, так завтра.

Я стреляю точно между ковбоями, и каждый получает по половине заряда. Выходит, конечно, не так впечатляюще, как в начале, но им хватает — как стояли, так и рухнули на пол. Вот и закончилась игра, спасибо всем, приходите завтра.

А мудрый бармен, кстати, так до сих пор не появился. Опасается, наверное — а может, и правда сбежал. Зря опасается, Хуан ребенка не обидит.

Я подхожу ближе к телам — патроны не помешают, а стреляли они экономно. Один, правда, еще жив — цепляется за залитый кровью пол скрюченными пальцами.

— Ты же... ты же... поклялся. — Смешной человек, еще обвинять меня в чем-то вздумал.

— Кто нас, мексиканцев, разберет, — хмыкаю я в усы. — Может, я в это время держал пальцы крестиком. Плюс вы прослушали замечание насчет оскорблений. Да и насчет второго шанса тоже. Внимательней нужно быть, омбре.

Тратить на него пулю было бы совсем неразумно, тем более, что есть возможность опробовать свежее приобретение — нож. Результаты меня откровенно радуют. А вот денег, к слову, у бандитов почти что и нет — с четырех тел получается чуть больше трех долларов. Зато полтора десятка патронов приятно тянут карман.

Заглядываю на кухню — так и есть, на плите булькает забытая кастрюля с каким-то неаппетитным варевом, но в целом — пусто и печально. Имеется, правда, спуск в подвал, там, наверное, бармен и засел. Эх, а обещал ведь покормить. С другой стороны, происходящее вполне можно списать на форс-мажор, да и денег я ему отвалить не успел — вот как все хорошо разрешилось-то! И никто никому ничего не должен. Ладно, обойдемся без прощания, пора в путь-дорогу.

Выхожу через заднюю дверь, не забыв перезарядить револьвер.

Дальнейшее вспоминается какими-то обрывками, наверное, владелец этого тела снова пытается взять его под контроль. Только не получается, вот в чем дело, я слишком силен и уверен в себе. Дверь выводит в какой-то лабиринт из дворигов, хозяйственных построек вроде хлевов и курятников, сараев и загонов для скота. В загонах пасутся свиньи, на заборчиках сидят куры, кругом развешено выстиранное белье и одежда. А в тени от этой одежды сидят и лежат ковбои в шляпах. Кто спит, кто потягивает что-то прохладительное из глиняных чашек. Сиеста у них, у лентяев.

Впрочем, это очень кстати — нож почти что заржавел без дела. А, нет, это не ржавчина, показалось.

Один спит почти прямо на моем пути, щегольские сапоги со шпорами раскиданы поперек дороги. Лезвием ему по горлу — небольшой фонтан, почти неслышный хрип — дело сделано. Спать нужно в домах, на то кровати придуманы. Другой зашел в дощатый нужник слева по каким-то своим важным делам. Под выдавшими виды старыми сапогами поскрипывает рыжая пыль. Дверь чуть скрипит, открываясь, и парень дергается, пытается обернуться — но не так-то легко это сделать с приспущенными штанами. Тугая струя крови заливает дырку в полу. Нормально пописал?

Дальше, дальше. А вот и дверка — хорошая, не скрипит. Всего две комнаты, в одной сундук, стол и стул, в другой кровать, на которой храпит еще одно тело. Быстрое движение — и кровь впитывается в желтоватые застиранные простыни. Возможно, и не стоило этого делать, но он мог проснуться и помешать мне. Помешать как? Помешать обшаривать сундук и комод, вот как. Я очень нервный в таких вопросах.

Дальше ситуация неожиданно осложняется — по двору шатается, поминутно сплевывая, еще один бездельник. Что ему не спится, такая жара ведь? А если сна ни в одном глазу — можно и на поля пойти поработать, стране нужен маис! Хоть бы свиней покормил — вон, хрюкают. Но звуки приглушают шаги, так что свиньям я даже немного благодарен, бездельник ничего не слышит до последнего момента, а потом становится поздно. Натя вот, свинки, покушайте.

Удивительно жаркий день — еще только перевалило за полдень, а я уже взмок как мышь. Впрочем, вздор, мыши не носят ножей. Я — совершенно определенно не мышь.

С последним ковбоем я, пожалуй, прокололся — сцену кормления увидел через окно из дома какой-то парень, вытащил пушку и выскочил прямо на меня, чуть не пришибив дверь. Это было весьма неосторожно с его стороны — ствол ведь мог выстрелить, и это привлекло бы ненужное внимание горожан. А я не планирую пока тотальный геноцид всего этого вшивого городка. Важно не выходить за рамки.

Мягко уворачиваюсь от безумевшего молодца, отвожу руку с пистолетом вбок и втыкаю острие ножа в глаз. Парень мгновенно превращается в труп, а все потому, что излишне горяч. Притаись он за дверь, проблем было бы куда больше. Трезвость разума — вот ключ к успеху.

В доме, можно сказать, пусто, только еще в одной комнате спит очередной ковбой. Сонное царство какое-то. Покой нам только снится — и, что характерно, покой этот теперь вечен. В ящиках стола я нахожу почти пять долларов, отличная новость, в ближайшей лавке куплю себе новые сапоги, эти совсем разваливаются.

Черт, пора уже выбираться из этой чертовой дыры. Задами пробираюсь к следующему дому — за ним уже видна угловатая коробка церкви. Народ здесь религиозный, и церковь означает центр городка. А центр означает во-первых почтовый офис, а во-вторых, шерифа.

Давно хотел с ним познакомиться — потрясающий порядок все-таки у него здесь, парни свое дело знают, хотя и спят много.

Из окна, под которым я притаился, доносятся голоса.

— Поднимаю.

— Отвечаю.

— Пас.

— Кому-то сегодня надерут задницу за этим столом!

— Что ты жмешься, как паршивый мексиканец! Поднимаю!

Кажется, и здесь тоже не любят мексиканцев. У жителей города прямо какой-то пунктик на этом. А вот лично я придерживаюсь в этом вопросе либеральных взглядов. Но у обитателей комнаты явно полный порядок с деньгами, иначе они не играли бы в покер. А значит, следует нанести им визит. С другой стороны, в покере все сидят лицами друг к другу, то есть потихоньку вырезать их не получится. Придется отстреливать, а это всегда непросто. У меня буквально сердце разрывается, стоит нажать на курок — не могу одним махом обрывать столь юные и многообещающие жизни. Значит, сделаем по-другому.

Тихонько вхожу в коридор, останавливаюсь у закрытых дверей комнаты и говорю с лучшим своим акцентом:

— Боже мой, не могу в это поверить!

— Что такое, Чарли, что там случилось? — доносится изнутри. Я молчу, и через несколько секунд дверь открывается, и наружу выглядывает чья-то любопытная физиономия. Она видит меня, хмурится и готовится заорать, но вдруг дергается и расплывается в широкой улыбке. Точнее, нет — это широкая улыбка расплывается у бдительного ковбоя чуть пониже подбородка. Не выдержав напора благодушия, парень опускается на пол, подрагивая ногами.

Изнутри доносится грохот отодвигаемых стульев. И, похоже, опрокидываемого стола — это они зря, теперь деньги будет собирать сложнее.

— Ну все, тебе кранты, ублюдок! — орут мне на два голоса. Ну вот, совсем другое дело, недвусмысленная угроза жизни, теперь можно и пострелять. А дверь-то из не слишком хороших досок, в щелки многое видно. Например, две головы, внимательно глядящие поверх стола. Два револьверных ствола, нацеленных туда, где, по их разумению, я сейчас должен появиться — такой разъяренный, в развевающемся пончо и горящими глазами. И они меня встретят дружным залпом, а потом добавят еще. И я умру, и мои глаза закроет Прекрасная Смерть. Ла белла муерте.

Эх, динамитную пашку бы сюда, сразу бы все закончилось, одна секунда — два трупа. У меня даже огниво есть, поджечь можно было бы в два счета. Но увы, нет динамита. Да он и не нужен, по большому-то счету.

Продолжая наблюдать сквозь щелку, просовываю руку в узкий проем между дверью и косяком. Выстрел! Мимо. Выстрел! Попал. остался один — толстый, неприятный дяденька в хорошем костюме. Лежит смиренно, мордой в пол, подстрелить его отсюда почти невозможно. Важная шишка, должно быть. Ценит себя.

— Сеньор, выходите миром, и я гарантирую вам жизнь, — сообщаю я. Один раз это сработало, почему бы не сработать и второй? — Я не хочу вашей смерти.

— Кто тебя нанял, ублюдок? — визгливо кричит толстяк. — Скажи, кто, и я заплачу вдвое!

— Вы отлично сами это знаете, сеньор, — с усмешкой отвечаю я. — В нашей жизни всегда все очень просто. Или убиваешь ты, или убивают тебя.

— Чертов шериф! — визжит важная шишка. — Он всегда мне не нравился! Зачем мы ему поверили, с такими людьми никогда нельзя иметь дело!

— Но я ведь принимаю ваше предложение, амиго, — говорю я успокаивающе. — Я не связан с шерифом дружбой или долгом. Меня интересуют только деньги. Оставьте свое оружие при себе, сейчас я войду, и мы обсудим нашу сделку как белые люди.

Здесь главное ни в коем случае не врать — так оно и проще, и убедительнее получается.

Толстяк медленно и с опаской поднимается. Я спускаю курок, и пуля попадает ему прямо в грудь.

Захожу в комнату.

— Извини, амиго, но я не заключаю сделок. Но в остальном все чистая правда: я не связан с шерифом, и мне нужны только деньги.

Толстый хрипит, мои слова ему, похоже, неинтересны. Собираю рассыпавшиеся монеты, реквизирую патроны. Ну вот, тридцать долларов чистой прибыли, да два десятка латунных солдат, а то я что-то поиздержался в последнее время. Покидаю гостеприимное обиталище покера. Ребята, по сути говоря, ни в чем были не виноваты, я просто решил зайти поведать картежников — а оно вон как получилось.

Но эта история скоро закончится, осталось только пройти через конюшни напротив, а там уже и церковь, и власти, да и вообще перспективы открываются куда более интересные.

Где-то далеко в коридоре в подставленную кружку мерно капала вода. Я лежал на койке, глядя в потолок остановившимся взглядом. Эвон как серьезно у меня оказывается все. Сперва галлюцинации, а теперь устойчивое шизофреническое состояние. Поплыли, называется, товарищи. Вместо родной больнички — какие-то нацистские застенки.

— Ой, Хуан! — дверь на ржавых петлях отворилась с грохотом и скрипом. На пороге стоял Кривой Хосе. То есть это я теперь знаю, что его звали Хосе. Тогда я этого не знал, и он был просто худым чернявым парнем в белых полотняных штанах и такой же рубашке. — Ты в порядке, омбре? Выглядишь немного нездоровым.

Дверь закрылась. В этом был какой-то тайный смысл, как у ребуса...

И еще — он говорил не по-русски. Другой ритм, другие звуки совсем. Испанский, думаю. Но я-то его понимал! Значит, я тоже говорил по-испански.

Я читал о подобном — после заметных повреждений мозговых тканей человек вспоминал прошлые жизни, начинал играть на скрипке или понимать другие языки. Возможно, как раз мой случай.

— Все в порядке, амиго, — сообщил я, садясь на койке. — Где здесь туалет?

Хосе мой вопрос, похоже, удивил. То ли он привык к продолжительному молчанию, то ли еще что. Интересно, велика ли вероятность, что меня похитили пришельцы?

— Можешь слить ненужное вон туда, — он указал на накрытое крышкой ржавое ведро в углу комнаты. Тьфу, черт! камеры, конечно. Это же тюрьма, нет? — С утра еще не выносили.

Но я остался на месте. Раз выйти пока нельзя, смысла трепыхаться нет. Подождем.

Хосе улегся на свою койку и принялся шептать. Я думал, он разговаривает сам с собой, но почти сразу понял — молится. Религиозный.

В окно почти ничего было не видать — мутное. Но вроде стояло светлое время суток. Из коридора воняло, в соседних камерах — комнатах — палатах? — кто-то беспрестанно говорил и кричал. Что это за место? Как я сюда попал? Как отсюда выбраться?

Все три вопроса увязаны в один. Узнав ответ на один, поймешь и остальное.

Где-то снаружи, далеко по коридору, с лязгом открылась дверь.

Четыре долгих удара сердца.

Дверь закрылась.

А на двери висели неподвижные железные колокольчики. И они не звенели.

На секунду мне стало страшно до одури. Но это быстро прошло. Осталась голова, бесстрастно и трезво, как всегда, прикидывающая варианты. Для начала, проблемы насущные. Силен ли я?

Я окинул глазами свое новое тело — почему бы и нет, раз больница превратилась в тюрьму?

Мне лет тридцать пять, может, чуть меньше. Здоровое, сильное тело, загорелое, выдубленное под жестоким солнцем. Руки жилистые, крепкие, привычные держать любой инструмент, от мотыги до кузнечного молота. На ладонях старые мозоли, на ногах тоже. Похоже, в прошлой своей жизни я много ходил и много работал. Въевшаяся в поры намертво грязь, но никаких следов пороха. Не стрелок, значит. Лицо рассмотреть не вышло, так что про него узнать не удалось ничего, кроме того, что у меня имеется жесткая щетина, которую можно считать уже бородой, а темные волосы достают до плеч.

Для начала сойдет. Хотя бы не карлик и не калека — а то мое шаловливое подсознание могло бы додуматься и до этого.

Помолившись, Хосе уснул. По измятому лицу ползли тусклые солнечные лучи. Вдалеке опять кто-то кричал, но в коридоре так никто и не появился. Возможно, пора действовать — кто-то же открывает эту проклятую дверь?

Минуты тянулись длинными холодными макаронинами. Скрипела койка под ворочающимся Хосе. Я сидел, не меняя позы, чтобы не издавать звуков. Можно сказать, я растворился в окружающих меня стенах, перестал существовать, слился с духами этой больницы.

Точно, больницы — теперь я знал это точно. Лечебница тюремного типа для преступников с отклонениями в психике. Что же, вполне подходящее место для веселого парня вроде меня. И кстати, самое время нарушить воцарившуюся здесь иллюзию мира и дружбы. Для начала вполне сгодится и сопящий в две дырки Хосе.

Я осторожно переместился к его койке — хорошо, что он спал, отвернувшись к стене. Я навалился на него сверху, заломил руки, зажал рот ничего не подозревающему олуху. Прошипел на ухо:

— У меня заточка. Пикнешь — зарежу.

Хосе ничего не сказал, он только часто-часто моргал выпученными, слезящимися глазами и пытался сглотнуть — острый кадык ходил по тощей шее как поршень.

— Ответишь на пару вопросов — отпущу, и будешь как новенький. Побежишь по дорожке — а не ответишь, протянешь ножки, — добавил зачем-то я. В испанском эта ахиня не рифмовалась и звучала дико, но так получилось даже лучше. Хосе мелко-мелко закивал, на лице набухли капли пота, держать его стало скользко.

— Сейчас я уберу руку от твоего рта, и мы с тобой поговорим, — повторил я. — Тихо и спокойно, как хорошие друзья, если ты имеешь понятие, о чем я толкую. А друзья не сопротивляются и не зовут на помощь дюжих парней из коридора, которые только и знают, что звякать этой чертовой дверью, смекаешь? Пока ты держишься молодцом, смотри, чтобы и дальше так было.

Я чуть отпустил его, Хосе тяжело и часто задышал.

— Пор Мадре де Дьос, ты взбесился, что ли, омбре? — свистящим шепотом выдал он. — Ты же чуть не...

— Тихо-тихо — разве так нужно говорить с друзьями? — я покачал головой. — Лучше скажи, как тебя зовут, мой новый корявый друг.

— Что?.. Хосе, Хосе Серрано. Пор Хесус, амиго, ты по-настоящему меня пугаешь.

— Отлично Хосе, — выдал я ему позитивную мотивацию. — Переходим к следующему упражнению. Расскажи своему старому другу Хуану, где мы сейчас находимся.

Хосе повел безумными глазами вокруг.

— Это больница Сан-Квентин, амиго. Последнее пристанище для потерявших разум преступников. Или, по крайней мере, так они говорят. И ты, и я здесь навсегда — и не скажу, что я сильно об этом сожалею.

— Что ты сделал на воле?

Парень как-то странно пожал плечами. Маленький, смешной человечек — что он мог сделать?

— Какие-то сатос изнасиловали и убили мою жену и дочь. Я выследил и убил их. — Он немного подумал. — Жестоко.

Да уж, чтобы попасть в больницу для невменяемых маньяков, тебе стоило потрудиться.

— Я не жалею, — Хосе внезапно показался очень печальным. — Мне все равно было не жить без них.

— А я? — настало время важных вопросов. — Что сделал я?

Он посмотрел на меня, как... ну, да, как на сумасшедшего. Это меня, честно говоря, порадовало. Приятно слышать от людей правду, и ничего, кроме правды. Или хотя бы видеть правду в их глазах.

— Мы про это говорили мало, — глухо сказал он. — Но слышал, что ты убил кого-то важного. Зарезал. А может, взорвал. Или и то, и другое.

Да, это похоже на меня.

— Часто сюда заходят проверки? Санитары? Охрана?

Хосе облизал губы.

— Не сказать, чтобы часто. Это блок Е, сюда помещают тихопомешанных. Ты считался как раз таким. Кормежка дважды в день, три раза в неделю часовые прогулки — вот и все.

Очень удачно. Все как под меня сделано.

Вопросы кончились, разговор иссяк. Пора было прощаться с гостеприимной камерой — тьфу, черт — палатой. Да и не люблю я разговаривать с покойниками.

Где-то далеко с лязгом открылась дверь.

Раз, два, три, четыре.

Пять.

Дверь закрылась.

И никаких шагов, ни близко, ни в отдалении. Летают тут все, что ли?

Хосе застонал.

— Все-все, мы закончили, — сказал я успокаивающе. — Все как я и обещал, ничего личного, амиго. Не поминай лихом.

Я ухватился за его голову — одной ладонью за макушку, другой за подбородок и резко повернул. Шея сломалась с противным скрипящим звуком, но довольно легко — чуть сложнее, чем оторвать курице голову, а уж это я проделывал не раз. Думаю, Хосе даже ничего не успел понять.

* * *

Плохая новость — конюшни большие, и там шатается куча народу. А хорошая новость — что она именно шатается, а не бежит за мной с револьверами наголо. Все-таки большой плюс в том, что у этих домов такие толстые стены, и еще в том, что я до сих пор использовал преимущественно нож.

Хотя только высунувшись из двери на задний двор, после того, как закончил с толстым картежником, я чуть было не поплатился за свою беспечность. Спасло меня только то, что парень, который там расхаживал, очень любил музыку и довольно громко насвистывал какой-то военный марш. Поэтому у меня оказалась примерно секунда на то, чтобы оценить обстановку и немедленно нырнуть обратно. Парень, как было видно из окна, недоуменно осмотрел двор — кто это тут скрипит дверью? — никого не нашел, и продолжил заниматься своими делами. Складывал чурбачки в поленницу, или что-то в этом роде.

И продолжал насвистывать, конечно. Что его и погубило в итоге — босые ноги все-таки

в очередной раз сослужили мне хорошую бесшумную службу. Это взамен неработающей головы — картежники ведь намекали мне, упоминая какого-то Чарли. Это, видно, он и есть, тот самый парень, прикрываясь которым, я и выиграл ту знаменитую партию в покер. Даже как-то неловко его убивать.

В общем, Чарли пробудил во мне голос совести, поэтому он остался в живых — только получил кулаком по голове, неловко шваркнул щекой по колоде, на которой, надо думать, он раньше рубил дрова, свалился на засыпанный опилками и щепками пол и отключился.

А я наоборот — пошел себе дальше.

Людей все-таки много — не люблю столько, и сладить с этой толпой мои шансы невелики. Будем рассуждать разумно. Кто сказал «да ты же псих, какой тут разум»? Кто? А? А, это я сам сказал. Так вот, как известно и тебе, и мне, психи — единственно разумные люди в этом мире. Они принимают верные решения и никогда не ошибаются. Что лишний раз подтверждает их правоту.

И не спрашивайте, откуда я это знаю. Не спрашивайте, я сказал!

Итак, рассуждаем разумно. Моя задача — пробраться к церкви. Уж не знаю, отчего меня туда так сильно тянет, но не будем противиться. Интуиция — главное оружие по-настоящему разумного человека. Точнее, второе главное. Сразу после ножа. Путь к церкви лежит через конюшни. В конюшнях много людей. По-настоящему много. То есть больше, чем я смогу бесшумно перерезать своим верным ножичком. И тем более, чем смогу перестрелять револьвером.

Кстати, ножик у меня — и правда загляденье. Многие, скажем, не любят рукоятку из деревянных колечек, а я просто обожаю. И то, что нож короткий совсем, ничуть не мешает, наоборот — жизненная энергия не успевает никуда вытечь, проходит через лезвие, bolster и тыльник — и врастает в руку. Эх, блаженство.

Не будем отвлекаться. Когда людей слишком много, чтобы мирно перевести их в неживое состояние — нужно просто оставить их в покое. Не тронь дерьмо — вонять не будет, как говорят умные люди. Поэтому этих парней мы просто обойдем, тем более, что они, по всей вероятности, слишком увлечены перекладыванием навоза на лопатах из одной кучи в другую. Что ж, у каждого свои увлечения.

Парень с другой стороны выгона допустил серьезную ошибку — скрылся из поля зрения ребят с лопатами навоза. За что и был немедленно наказан. Доктор прописал укол — значит, будет укол, ножом и в шею. Бедолага зашатался, словно получил тепловой удар, попытался опереться на вилы, которые сжимал в руках, но не сладил с ними и совсем негероически сполз на землю. Вокруг витал запах конских испражнений, жужжали гнусные мухи, солнце палило нещадно. Мне вдруг пришло в голову, что, надень я ковбойскую шляпу, меня бы вполне могли бы принять за своего. Но от этой мысли пришлось отказаться. Притворство — удел слабых.

Я скользнул мимо напитавшейся кровью соломы, сплюнул чем-то тягучим, густым, ржавого цвета, прошел пустой хлев насквозь. Никто не видел меня, никто не пытался остановить. Последнее препятствие к центральной площади этого местечка развалилось ровно поперек нужной двери, оно дымило табачищем и постукивало пальцами с давно нестриженными ногтями по крышке бочки.

Я бы правда прошел мимо — ну, все же приедается, даже веселые красные фонтанчики, брызгающие из толстых шлангов шей — но он загораживал мне дорогу, и он не спал, просто надвинул шляпу на самые глаза. У меня не было выбора. Я вбил нож ему в череп с размаха,

дернул — и ковбой, издав неразборчивый звук, что-то вроде хрипа, завалился на землю. Крови натекло совсем немного — у него мозг ей плохо снабжался, по всей видимости. А может, была какая-то другая причина, я не знаю.

Я просто хочу, чтобы вы поняли — я не ненавидел этих парней, не таил на них злобы, не винил их в том, что со мной случилось. Я не знал их имен и не жаждал совершить месть — у нас просто были разные цели. У них — переворачивать лопатами груды навоза, да ходить вокруг с бессмысленным видом. А у меня — выбраться из всего этого дерьма.

* * *

Еще одной хорошей новостью оказалось то, что под матрасом обнаружилась почти настоящая заточка — что-то вроде заостренной с одной стороны ложки. А в грязноватых штанах нашелся ключ от камеры — похоже, Хосе был здесь на хорошем счету. Я тихонько звякнул дверью, выбираясь в коридор.

Чертово помещение было пустым, из одного конца в другой. Напрочь, абсолютно пустым. Ни единого дежурного. Вообще никого — только из одной из соседних камер слышалось богатырское похрапывание. Я бесшумно, держа на отлете боевую ложку, пошел к левой, если смотреть из камеры, двери. Почему к левой? Элементарно — если в лабиринте все время поворачивать налево, то рано или поздно выйдешь на волю. А чем эта больница не лабиринт?

И когда я подошел к двери, она — дьявольское порождение больного разума — слегка открылась. Я похолодел, длинные космы, кажется, в один момент поседели. Были бы на мне трусы — непременно бы намочил. Сердце билось, словно пыталось разломать грудную клетку. Раз, два, три...

Дверь, ведомая сквозняком, с резким звуком затворилась. Конечно, никаких проклятых колокольчиков на ней не было.

Я просочился дальше. Здесь было веселее — коридоров наличествовало аж три, в одном, боковом, на стуле беззаботно дрых какой-то гражданин в условно сером халате. Доктор или санитар? Без разницы, важно, что у него должно быть оружие, ключи и, может быть, деньги. Кстати, одежда бы мне тоже не помешала — босиком ходить неудобно, а по моему дурацкому прикиду любому олуху понятен род занятий. Беглый заключенный, вот какой.

Босые ноги, надо сказать, сослужили мне отличную службу — они не издавали ни звука, и спящий даже не думал просыпаться, пока я не подошел. А потом стало слишком поздно — я ловко ткнул заостренным концом ложки парню под подбородок, и все очень быстро закончилось. Рубаха его, конечно, теперь уже никуда не годилась, а вот на что-то вроде легкого пиджачка крови попало совсем немного, и я решил его позаимствовать, благо по размеру подошел. Штаны тоже пришлось изъять, а вот ботинки оказались малы, на мои лапы не налезли. Ладно, сделаем пока ставку на бесшумность.

С оружием тоже не сложилось — за такуюю пришлось считать жалкую деревянную дубинку. Но не будем привередничать, еще час назад у меня в собственности было только пустое брюхо и потные усы. Скорость обогащения внушает пока оптимизм, будем держать темп.

Оттаскивать труп никуда не стал — только время терять. Юркнул вместо этого за очередную дверь.

О как. Тут уже все серьезнее. Маленькая комнатка, явно обитаемая, за дверью с прозрачным оконцем видна чья-то разговаривающая физиономия. Так что поблизости как минимум двое живых. Но будем оптимистами — это еще два комплекта одежды, и, возможно, какое-нибудь серьезное оружие, наконец. Так, граждане пока не собираются сюда заходить, воспользуемся этим, пошарим по комнатке.

Первая находка, и какая удачная — отличное небольшое зеркальце. Рассмотрим имеющуюся физию — м-да, первоначальные планы переодеться в гражданское и таким манером покинуть территорию придется отбросить, с таким лицом меня признают за милую. Не старое еще, но все какое-то измятое и изломанное. Перебитый нос, тонкие, словно ножом прорезанные губы, черные вислые усы, злые серые глаза... Надо будет найти какую-нибудь широкополую шляпу, хоть как-то замаскироваться.

Но есть и хорошие новости — под стулом обнаружили неплохие кожаные сапоги. Немного потертые, конечно, зато ровно моего размера. Прелестно, чем еще обрадует нас эта гостеприимная комнатка?

Дверь открылась как раз когда я сидел на стуле, раскинув ноги в новых — то есть старых, но для меня новых — сапогах и самодовольно поглядывал вокруг. В чем-то меня она даже удивила, я уже и думать забыл про олухов за стеной. А они про меня вообще не подозревали.

Мужчина, который застыл изваянием на пороге, вряд ли был кадровым военным — невысокий, лет пятидесяти, седой, в опрятном костюме и забавных круглых очках на умном лице — типичный небоевой тип. Но сориентировался на диво быстро и даже открыл было рот, чтобы позвать на помощь. Большая ошибка! бутылка со стола, первое, что попало под руку, врезалась ему прямо в лоб с глухим звуком. Доктор, закатив глаза, рухнул на пол с грохотом, удивительным для такого щуплого человека. А бутылка даже не разбилась.

Хотелось подскочить к парню, освободить его от ненужного барахла, но вместо этого я замер и правильно сделал.

— Доктор? — в комнату вбежала девушка в длинном платье, вроде как сестра милосердия. — Доктор Джонс, что с вами?

Бесшумно двигаться на этот раз не вышло — сапоги гулко стучали по вытертому ковру — так что увидеть меня и испугаться она еще успела, а вот закричать уже нет. Все-таки двигался я быстро, и еще на моей стороне был элемент неожиданности.

— Тихо-тихо, девица, — сказал я, стальной рукой беря ее за шею. — Доктор просто провалился в живительный послеобеденный сон, и, если больше ничего не случится, через часок-другой из него выйдет. Ну, голова немного поболит, может быть. Если. Ничего. Не. Случится. Понимаешь, о чем я?

Девушка быстро закивала. По-моему, она меня очень боялась и даже не слушала особо. Это, конечно, никуда не годилось.

— Слушать! — акцент у меня был знатный. Но простые слова выходили особенно четко. — Слушать внимательно. Не будешь слушать — будет плохо. Понимаешь?

Пришлось даже ее встряхнуть немного. Для обострения внимания.

— Да... да... — прошептала она. Из глаз покатались слезы. То ли она все-таки ничего не поняла, то ли еще что. Женщины для меня всегда — загадка.

— Сейчас я отпущу твою шею, но кричать ты не будешь. Поняла? Я спрашиваю — поняла?

Говорить она теперь вообще не стала, но яростно закивала. Вот и славно, налаживается

коммуникация.

Я опустил ее в одно кресло у стены, сам сел в другое. Далеко не убежит, у меня ноги длиннее.

— Итак, бонита, у меня пара вопросов, — сообщил я, внимательно следя одним глазом за ней, а другим — за дверью. — Ответишь, и я исчезну отсюда навсегда, обещаю. И доктор Джонс, и ты останетесь в живых. Обоюдный выигрыш, а? Кивни, если согласна отвечать.

Она напряженно кивнула. Чем-то я ей, видимо, не понравился. Впрочем, плевать.

— Вопрос первый: где находится больница Сан-Квентин? Штат, город, местность?

— Это... ни то, ни другое... — пролепетала девушка.

— В каком смысле? Быстрее, гата, я начинаю нервничать. И кстати, как тебя зовут? Называть тебя каждый раз красавицей — не совсем то, хотя ты и правда красавица.

— Изабелла... — она и это умудрилась сказать таким умоляющим шепотом, что мне на миг стало ее жаль.

— Эрес Изабелла... Белла. Итак, точное месторасположение.

— Территория Нью-Мексико... двадцать миль на восток от Абсолюшена... округ Сокорро.

— Сколько охраны в здании? В каком направлении ворота?

— В этом — был только Эдди... в той стороне... — она показала дверь, в которую я вошел. Земля пухом бедному Эдварду. — Снаружи две часовые вышки, один охранник с собакой. И в караулке четверо.

— На вышках по одному? — Кивок. Один черт, собственно, мне с ними все равно не сладить. Да еще собака... Собака — это плохо, собака стоит трех солдат. Вывод? Дела мои незавидны.

— Подземные ходы, доставщики продуктов, канализация, что-нибудь такое?

— Не знаю. — Изабелла немного ожила, даже румянец появился. — А если бы и знала — не сказала бы!

— Это еще почему?

— Раз тебя посадили сюда — ты убийца. А если сумел добраться до этой комнаты — дважды убийца, и будешь гореть в аду! Так что твоя душа уже погибла, и лучше бы тебе сдать охрану прямо сейчас, чем продолжать свой гибельный путь.

Вот как, оказывается. Приятная девушка, практически хочется зауважать.

— На самом деле, все ровно наоборот, — указал я, поигрывая заточкой. Изабелла снова замолчала и напряглась. — Если моя душа уже мертва, то нет никакого резона прекращать веселье. Скорее даже наоборот — его нужно расширить и углубить!

* * *

Нет нужды в подробностях описывать мой побег из Сан-Квентина. Достаточно сказать, что там все было быстро, почти бесшумно и очень кроваво. В известной мере, этому поспособствовал рассказ Изабеллы, из которого я утвердился во мнении, что больница — все равно что укрепленная крепость, и вышел наружу, готовый один сразиться с целым светом. Но больничный двор оказался увешан сохнувшими простынями, охранники в караулке валялись в полузабытьи, обпившись дешевой текилы, на вышках мирно дремали подслеповатые ветераны, а грозная собака с единственным бодрствующим патрульным

оказалась дряхлой сукой, чей золотой возраст пришелся, похоже, на мое босоное детство.

Поэтому образ действий мой был похож на резню, устроенную внутри в больнице. За тем важным исключением, что я довольно быстро раздобыл-таки приличный нож.

Сейчас мне приходит в голову, что рассказывая о грозной охране, Изабелла, на свой странный лад, пыталась позаботиться обо мне и об остальных — спасти то, что осталось от моей бессмертной души, и заодно избежать кровопролития. Но все сработало с точностью до наоборот. Интересно, мучают ли ее теперь по ночам кошмары?

Меня — не мучают.

Но, как я уже сказал, описывать мой путь подробно — зря тратить время. За одним исключением — капрал Васкес был там единственным, кто сумел завоевать мое уважение. Пускай на минуту, на исчезающий крохотный миг... но ему это удалось. Я его запомнил, маленького, тщедушного человечка с каплями пота на смуглой коже. Ему было страшно, очень страшно, и по очень веской причине — в ближайшие секунды он должен был умереть.

Понимаете, все дело в преодолении. Себя, обстоятельств, холодной воды или ожигающего огня, смертной муки или бездонного отчаяния — дело не в том, насколько они сильны, а насколько силен ты сам. Насколько ты готов переломить их сквозь себя и выйти победителем. Ну, пускай после этого ты умрешь. Но умрешь живым, а не мягким, безвольным телом. Это и есть преодоление себя. Самоотречение. Подвиг.

Я часто думаю, как предпочел бы умереть — и это никогда не было мечтой о мягкой постели. Наоборот — я хотел сдохнуть посреди горячей пустыни, окруженный яростными и сильными врагами, живыми и мертвыми, тянущимися волосатыми руками к моему горлу. И я бы хохотал, отплевываясь кровью, размахивая треснувшим прикладом ружья, и знал бы, что бог одобрительно смеется, глядя на то веселье, что я устроил тут, внизу.

Здесь ведь тоже все очень просто. Только очень наивные люди думают, что для того, чтобы быть отмеченным богом, нужно быть праведным и не творить зла. Я понял, что это работает иначе уже давным-давно. Бог — азартный игрок, ему не по душе унылые святоши, он уважает жесткие решения. Нестандартные ходы, удачливые авантюристы — вот его любимчики. Основывай империи или руби головы десятками — пока тебе везет, парень с небес смотрит на тебя с понимающей усмешкой. Оступишься — и он отвернется, потеряв интерес. Не останавливайся, мой юный друг, и не сбавляй темпа — и бог всегда будет на твоей стороне.

Вот на такие мысли меня натолкнул тот смешной солдат, капрал Васкес.

Ладно, про него как-нибудь в другой раз.

На площади перед церковью пусто и одиноко — но чуть в стороне, у колодца, пофыркивают лошади и доносятся ленивые голоса. Почему бы и не завернуть к ковбоям, не представиться, как это делают настоящие джентльмены?

Их, кстати, четверо, все обветренные, злобные степные волки. Они никого не боятся — слишком долго были в пустыне. Но и я их тоже не боюсь, и они это чувствуют. Пока я приближаюсь, на меня поглядывают, но не говорят ничего.

— Буэнос диас, сеньоры, — медленно говорю я, и слышу в ответ молчание. — Не видели ли вы поблизости священника?

— Если планируешь исповедаться, советую сделать это побыстрее, — роняет один из волков и сплевывает. Рыжая ниточка слюны улетает в пыль как лассо. — Мы здесь как раз по его душу.

— Будет стрельба? — интересуюсь. — Что же натворил этот человек?

— Меньше будешь знать — дольше будешь жить, — цитируют мне вечную истину. Что ж, и то верно. Быстрым шагом приближаюсь к деревянному зданию церкви. Возле него в беспорядке валяются какие-то пыльные перевернутые ящики, у водооя продолжаются неспешные разговоры.

А время истекает.

До чего жарко было снаружи, я понял, только когда зашел в церковь. Казалось бы, простое дерево, потемневшее от времени, не должно давать такой термоизоляции — а поди ж ты. Наверное, это из-за каменного пола, от него прямо-таки тянуло прохладой. Да еще и высоченная двускатная крыша, из-за нее воздух свободно циркулировал по всему объему, и наиболее прохладный, как все мы помним из школьного курса физики, опускался вниз.

Ко мне.

Церковь была католической, и длинные ряды пустых лавочек добирались до самого алтаря. Или амвона, черт его разберет, я в этих вещах слаб. В темной вышине, куда не залетали солнечные лучи, гуляло эхо.

А где все, кстати? Прихожан, может, здесь и нет в это время суток, но священник же должен быть, наверное? Куда это он сбежал с рабочего места, может, испугался грозных парней снаружи? Мне, собственно, тоже следовало бы поторапливаться, если нет желания говорить с ними о жизни и выяснять, где они были во время Бостонского чаепития.

Не то, чтобы я так уж сильно боялся этих ковбоев, но все же имеется некоторая разница между атакой из-за угла в стиле «хитрый койот» и бездумным штурмом четырех подготовленных охотников а-ля раненый медведь.

— Святой отец... — мой голос кажется кряканьем хромой утки в чистой пустоте церкви. — Или кто-нибудь другой... Есть тут люди? Эгегей!

— Ш-ш-ш... — доносится до меня из будочки слева. Исповедальня, кажется, это называется. — Подойдите, пожалуйста. И тише, ради всего святого!

В будочке темно и тихо. Почти спокойно, но от парней снаружи, конечно, не защитит. За частой металлической сеткой видно фигуру в черном. Священник.

— Что привело вас сюда, сын мой? — спрашивает он дрогнувшим голосом. — Хотите рассказать о грехах и испросить прощения? Сейчас не самый подходящий момент. А может... — голос его чуть меняется, — может, вы пришли сюда защитить меня от волков, крови алкающих?

А что мне ему ответить? Понятия не имею, зачем я здесь!

— Если все сложится как следует, святой отец, может выйти и так, и эдак. Чего эти алкающие волки хотят от вас?

— Динамит, — священник, похоже, перестал трястись и пугаться. — Три ящика динамита.

— Не самая очевидная вещь для церкви, а? Что заставило их думать, что у вас есть этот динамит?

— Думаю, тот факт, что они сами заносили его мне в подвал два дня назад.

Вглядываюсь в изменчивое мельтешение за решеткой.

— А вы большой проказник, святой отец! Из того, что я помню, церкви ведь обычно не используются, как склады взрывчатки! Ну да ладно, дело ваше — бизнес есть бизнес. И что же теперь, вы за эти два дня перепродали его кому-то еще?

— Вроде того. Теперь мне нужен защитник.

На улице кто-то начинает брэнчать на гитаре. Вдалеке вроде бы, но в безветрие звуки разносятся далеко.

— Какой вы шустрый! — восхищаюсь я. — Но это улица с двусторонним движением,

падре. Что я получаю взамен?

За решетчатой перегородкой молчат. Долго.

— Ты пришел издалека, парень, — говорит наконец священник. — Это не твоя земля, не твои пески, так? Ты пришел из совсем других мест и времен. Но внутри тебя лежит пустыня, еще более бесплодная, чем Мохаве, не дающая приют ни койоту, ни стервятнику, ни скорпиону. И даже если над ней прольет свои капли ласковый дождь, эта пустошь не зазеленеет никогда. Это выжженная, мертвая земля, ла тьерра муерта.

Теперь приходит мой черед молчать.

— Люди появляются в этом мире по разным причинам и с разными целями, — медленно говорит человек за решеткой. — Кто-то живет счастливую, простую и скучную жизнь — выращивает апельсины или маис, пашет землю и разводит скот, строит дома и растит детей. Кто-то рождается для того, чтобы властвовать — пьяным, в собственной семье, или холодным и трезвым разумом над вверенной страной. Кто-то появляется на свет для веселья — на подмостках театра, в тишине дорогого клуба или в грязной канаве на пару с бутылкой сивухи и парочкой крыс. Рождаются учителя и доктора, ученые и солдаты, казначеи и актеры.

— Думаю, я не подхожу под эти категории, святой отец, — сообщаю я.

— Не подходишь, — соглашаются со мной с другой стороны. — Догадываешься, кто ты на самом деле?

— Странные разговоры для святого места.

— Странные обстоятельства, сын мой.

— Смерть? — кажется, сам воздух густеет и противится выдыханию этого короткого слога. Кажется, на выдохе у моих губ образовывается маленькое облачко пара. Кажется, в исповедальне разом холодает. — Я — это Смерть?

— Пожалуй, тебе не откажешь в амбициозности. Нет, так высоко тебе все же не подняться — но это только мое мнение. Но мы любим амбиции, мы рассматриваем их, как своего рода форсажную камеру. Эдакую насадку, многократно усиливающую тягу, направляющую тебя точно в цель. Так что нельзя сказать, что у тебя вообще есть выбор, ты будешь делать то, к чему тянет. А осознанно это будет или нет — особенной разницы не имеется.

— Ерунду какую-то говоришь.

Совсем рядом вздыхают — неживым, искусственным звуком.

— Ну, если тебе так легче, представь себе бильярдный шар... нет, бесконечное множество бильярдных шаров, медленно катящихся по зеленому сукну гигантского стола. В разных направлениях, так что столкновения и прочие коллизии неизбежны. Представил? А теперь важное уточнение: все шары обладают разумом и пытаются понять — куда они катятся и зачем.

— А могут они...

— Нет, парень. Изменить по условиям задачи они ничего не в состоянии. Они катятся туда, куда послал их кий невидимого игрока. Но в круглых костяных мозгах ютится отчаянная надежда, что, возможно, вся их траектория на зеленом сукне — результат свободного выбора. Безумная чушь, конечно — всем известно, что бильярдные шары неспособны мыслить.

— Никакой ты не священник.

— А ты малость туповат, на мой вкус. Но на этом нашу увлекательную беседу придется

завершить. Я дал тебе те ответы, которые мог, а если вопросы продолжают плодиться, тебе придется искать кого-то еще. Более прямолинейного, может быть. Но волноваться не о чем, тебя будет к нему тянуть, примерно как тянуло сюда.

— Черт...

— Хватит об этом. Пора тебе выполнить свою часть сделки. Избавься от тех, кто стоит снаружи. Любым способом. Они должны перестать меня беспокоить.

Поднимаюсь. Голова как колокол. Как колокол, внутри которого бьется здоровенный бильярдный шар. Ступаю к выходу из кабинки. Но из-за решетки снова доносится голос.

— И запомни еще одно, последнее, но, может быть, самое важное. Невинных нет. Понимаешь? Невинных нет, парень. Кстати... уберешь потом куда-нибудь эту пададь.

И я замечаю неподвижное тело в сутане на полу исповедальни.

* * *

Снаружи ничего не поменялось, даже солнце висит на том же самом месте — удивительно длинный день. А по ощущениям тут уже должны быть сумерки. Примерно такие же, как у меня сейчас внутри.

Ковбой-охотники все так же лениво курят у колодца. Но кобуры уже расстегнуты, на руках перчатки. Готовы к штурму.

— Ну, отпустили тебе грехи, Санчес? — сплевывает в пыль один из них.

— Верно, сеньор, отпустили все до единого, — соглашаюсь я. — И с вашего позволения, меня зовут Хуан, сеньор. Санчес — совсем другой человек.

— Да хоть Чено Кортина, парень, мне плевать. Пора за работу.

Они бросают окурки, взгляды становятся пустыми и сосредоточенными, направленными внутрь себя. Наверное, у меня тоже такой бывает в некоторые моменты.

— С вашего разрешения, сеньоры, я оказал вам некоторую помощь, — застенчиво улыбаюсь я. — Я запер священника в исповедальне. Он, кажется, до сих пор там вопит.

Все прислушиваются. Ветер воет по пустым улицам, точно голодный зверь, но изнутри церкви, точно, доносятся приглушенные крики.

— Это правильный поступок, Санчес, — повеселевшим голосом говорит ковбой. — Ты немного облегчил нам дело.

— Благодарю, сеньоры, — я сама покорность. — Не найдется ли у вас в таком случае огонька для бедного путника? Самокрутка уже имеется.

Ковбой морщится.

— Послать бы тебя ко всем чертям... Да нельзя спугнуть удачу. Держи, — у него в руках появляются кремень и крученный кусок стали, похожий на кастет, ковбой умело высекает искру — и с третьей или четвертой попытки она воспламеняет прижатый к ней трут, а оттуда огонек перекидывается на импровизированную сигарету.

— Благодарствую покорно, — я жадно затягиваюсь, пока кончик самокрутки не превращается в раскаленную красную точку, но ковбой меня уже не видит, я для них исчез и не представляю ни ценности, ни опасности. Молча, целеустремленно они идут ко входу в церковь — четыре человека с ружьями, револьверами и тесаками. Им нужен их динамит.

Я медленно иду за парнями — чтобы не привлекать особенного внимания. И еще потому что занят важным делом — пытаюсь подпалить от самокрутки фитиль. Вокруг

мирная, гробовая тишина. Всему миру нет дела до нас, мир вымер и погиб, мир затаил дыхание и смотрит.

Выбирайте понравившийся вариант, верным будет любой.

Старший из «волчьих ковбоев» деловито дергает тяжелую высокую дверь церкви, и вся компания вваливается внутрь. Теперь они в притворе — промежуточном помещении, напоминающем большой тамбур и, наверное, имеющем какую-то важную религиозную функцию. Только мне до этой функции нет никакого дела, мне сейчас важны простые арифметические величины.

Ширина притвора — три метра с небольшим. Человек проходит их за семь шагов. Семь широких, уверенных в своей неуязвимости шагов — это примерно четыре с половиной секунды.

Я подгадываю точно, и к моменту, когда главный из четверки хватается за ручку двери, ведущей в атриум, обнаруживает, что она заперта и издает сдавленное восклицание — что-то вроде удивления, смешанного со злостью — уже оказываюсь у входа в церковь. Горящий фитиль динамитной пашки в моей руке уже меньше дюйма в длину.

И не успевает захлопнуться входная дверь за последним из «волков», как ее придерживаю я — на полсекунды, не больше — и мягко забрасываю внутрь. И захопываю дверь, и запираю ее на полученный от фальшивого священника ключ.

Но внутри остались матерые волки — даже за истекающие короткие секунды кто-то из них находит выход. И за миг до взрыва, разносящего церковь и превращающего всех внутри в кровавое вопящее месиво, боковое окно разлетается мутными осколками, и наружу вываливается изрезанная, ругающаяся на непонятном, по-змеиному шипящем языке фигура.

Хотя отчего же непонятном? Это польский.

Взрыв вспухает внутри церкви глухим пузырем и ощущается, в основном, ногами. Изнутри слышен чей-то пронзительный, нечеловеческий визг. Мне приходилось раньше забивать свиней, так вот они, когда привязываешь их к столбу и идешь за ножом, визжали, уже все понимая, примерно так же — на одной ноте, отчаянно и безнадежно.

Впрочем, от свиней была хотя бы польза. А сейчас я так, долг отрабатываю.

— ...Та й до курвы нендзе! — завершает из-за угла краткий, но энергичный монолог последний умный ковбой. Будем надеяться, что последний. Мне бы очень хотелось, чтобы он оказался последним, и не было нужды носиться по этому сонному городку за ним. Или от него. Да, от него определенно было бы еще хуже.

Поэтому я стою тихо и совершенно бесшумно. Этому помогает визг изнутри церкви и хруст битого стекла под ногами парня за углом. Осталось дожидаться, пока он потеряет бдительность и выйдет...

А вообще-то, какого черта?

— Сеньор, с вами все в порядке? Я видел большой бум, да, сеньор!

— Кой хрен в порядке, — рычит из-за угла ковбой. Он совсем не дурак, но соображает не очень быстро. — Все полетело к чертовой... Ах ты ж тварь! Это ты нас подставил!

Вот и закончилось наше трогательное единение. Но никто не мешает проверить здесь тот же трюк, что отлично сработал с толстым картежником.

— На самом деле, если кто-то тебя подставил, это были твои родители еще до рождения, — сообщаю я уже без дурацкого акцента. — Но сейчас не об этом. На самом деле, дорогой мой человек, ты хочешь винить в своих несчастьях не кого-нибудь, а местного шерифа.

— Дерьмо!

— Согласен, если речь о твоих мозгах, парень. Подумай сам — зачем ему в своем городке бандиты и грабители с тремя ящиками динамита?

Молчание и хрипкое дыхание с той стороны, значит, я на правильном пути.

— Правильный ответ — незачем. Тебе заплатил толстый парень, который любит играть в карты?

— Откуда...

— Так вот, люди шерифа пристрелили его час назад как загнанную лошадь. А меня наняли, чтобы разобраться с вашей шайкой. И посмотри на результаты — я уже у финишной черты, по моим подсчетам, ты остался один.

— Да я зарежу тебя как помойного пса...

— Не отрицаю, но давай рассуждать разумно. Наши шансы друг против друга я оцениваю как равные. Ты, возможно, и опытнее, но на мне нет ни царапины. Есть ли смысл гибнуть так бессмысленно? Поэтому я предлагаю сделку.

— Будь я проклят, если заключу сделку с грязным мексиканцем...

— Расовые предубеждения не доведут эту страну до добра. А сделка такова — сейчас мы разворачиваемся и идем нашими собственными непересекающимися дорогами. Я сигнализирую шерифу, что решил проблему бандитов, а ты уходишь, сохранив честь, достоинство, аванс, и, пожалуй, оружие с лошадью. Решим все возникшие между нами недоразумения при следующей встрече. Что скажешь?

Он молчит. У церкви сквозь выбитые зубы свищет ветер. И ни души. Вымерли здесь все, что ли?

— Нет, — хрипло звучит, наконец, из-за угла. — Не пойдет. Если шериф нас подставил, а выглядит все именно так, я поговорю с ним лично. А тебе я посоветовал бы с этой минуты оглядываться почаще. На войне мы с такими, как ты, поступали одинаково. И умирали они обычно очень скверно.

— Не совершай ошибку, парень, ты задумал опасное дело...

— Опасное? Ты за кого меня принимаешь, дешевый мексиканский панк? Принцессу из сказки? Пошел ты!

По гравию шуршат быстрые удаляющиеся шаги. Я жду немного и осторожно выглядываю. Ни души. А в сторону приземистого одноэтажного, но все равно самого опрятного здесь здания торопится темный опасный силуэт. Последний взвинченный парень пошел общаться с шерифом, наполовину вытащив из кобуры свой «кольт». Наверняка шериф будет в восторге.

Все получилось даже лучше, чем я думал.

* * *

Ладно, давайте уже про капрала Васкеса.

Когда я закончил, в Сан-Квентине уже было спокойно. Прекрасная Изабелла со своим дорогим доктором мирно дремали внутри больничного корпуса, а снаружи царила тишь и благодать со странным тяжелым запахом. Оставались только ребята в караулке, но за их способность к сопротивлению я не беспокоился — пьяные крики и неразборчивые ругательства доносились через весь двор.

По сути, ничего не мешало моему благополучному отбытию восвояси из этого гостеприимного места — конюшни находились в другой стороне корпуса, их уже никто не охранял, оседлать подходящую лошадку и ветром пронестись мимо было бы делом нескольких минут.

Но я сам подкрался туда. Не знаю зачем. То есть теперь знаю, конечно, но тогда — нет, тогда я принял это за интуицию. Внутренний голос. И, знаете, оказался прав. Сидя у той двери и внимательно слушая, я сделал то, что заставило меня узнать капрала Васкеса. И рассказать об этом знакомстве вам.

— Разве же можно так перепиваться, пинчес эстupidос! — выговаривал чей-то сиплый голос внутри караулки. Голос был очень живописный, так и представлялся невысокий пузатый дядечка с потной лысиной и грустными висячими усами. И когда-то белой, но теперь присыпанной желтоватой пылью и очерненной подсыхающими пятнами пота униформе, почему-то. — Ладно Хоакин, этот проклятый хото, я никогда и не думал, что из него получится хороший солдат. Но Гильермо и ты... Уэлес, а мьерда, Роберто! Мьерда и бомитона! И это люди, которыми я поставлен командовать, пор Сеньор Хесус и Санта Мария!

— Дон Васкес, все будет... будет хорошо... — запинаясь, пробормотал молодой голос. — Мы просто немного... отдыхаем.

— Ко мне ми берга, пендехо, — немедленно порекомендовал сиплый Васкес. — И смотри не подавись в процессе. Кстати, для тебя я сэр капрал Васкес, это ясно?!

— Так... как скажете, сэр капрал... — из комнатухи донесся богатырский храп. Точнее, к уже двум солирующим голосам присоединился третий, видимо, последний.

Капрал, судя по звуку, сплюнул. Пробормотал что-то про бездельников и самовольных мальчишек, я не все понял. Энергично протопал до двери, открыл ее, вывалился наружу, где и наткнулся на меня. Трудно сказать, для кого это было большей неожиданностью. Наверное, все же для него. Я-то все же был в курсе о его существовании, а вот он о моем присутствии за дверью, похоже, даже не подозревал. И это, кстати, постоянно ставит меня в тупик. Люди, как можно вообще выходить из дверей, не подозревая, что за ней могу оказаться я?

Словом, я вышел безусловным победителем в соревновании на реакцию, и хотя капрал мгновенно оценил положение — его рука метнулась за револьвером в длинной, сделанной на заказ кобуре — я уже ухватил дядечку сзади правым локтем за шею, а лезвие ножа в левой руке ткнулось ему туда, где под кожей тросом надулась наружная яремная вена.

— Ш-ш-ш-ш-ш, парень, — тихонько сказал я. — У меня к тебе деловое предложение. Простое и конкретное. Слушай...

Но он слушать не пожелал и принялся брыкаться, пытаясь откинуться назад и врезаться вместе со мной о стену караулки. Вреда мне это нанести не могло, но шум вполне мог разбудить пьянчужек внутри. Нужно ли мне это было? Разве что для того, чтобы повеселиться. Но мне уже хотелось покинуть больницу навсегда, а лишние четыре трупа ничего не добавляли к эстетическому богатству этого места.

— Послушай меня внимательно, каброн, иначе ми берга будет последним, что ты увидишь в своей жизни, — прошипел я ему на ухо. — Я бы хотел убраться отсюда как можно быстрее, но ты вынуждаешь меня задержаться. А я не люблю, когда меня вынуждают. Меня это расстраивает.

Капрал затих. На лысине, точно такой, какой она представлялась мне раньше, мелкие

капельки пота собирались в крупные кругляши, похожие на монеты.

— Итак, мое предложение, — я улыбался, жаль, он не видел. Улыбка — моя сильная сторона. — Твоя жизнь — за жизнь трех перепившихся оболтусов.

— Что?

— Разреши, я поясню, капрал. Я пациент Блока Е вашего заведения — новый, улучшенный вариант. Я делил камеру — пардон, палату — с Кривым Хосе. Ныне покойным. Он напрягся, почти незаметно.

— Санитарам, увы, тоже не повезло. Они оказались не готовы к борьбе с человеком моего интеллекта. Дискуссия была проиграна. А вот докторам посчастливилось больше — прекрасная донна Изабелла и седенький доктор сейчас спят глубоким, но преходящим сном. Через часок придут в себя, а я, хочется верить, буду в это время уже далеко.

Он чуточку расслабился. Занятно.

— С охраной во дворе и на вышках... ну, получилось по-разному. Но вы ничего не слышали, значит, не так уж и плохо. И это приводит нас обратно к моему предложению. В этой грязной халупе спят, по моим подсчетам, три пьяных молодых солдата. И ты, унтер-офицер, пил вместе с ними. Снизил боеготовность вверенного подразделения. Чертовски непрофессионально, капрал.

Он промолчал. Черный венчик волос вокруг лысины весь намок от пота.

— Но есть и хорошие новости, — успокоил его я. — Есть возможность загладить эту досадную ошибку, искупить этот вопиющий непрофессионализм. Я просто ткну ножом тебе в шею, и ты мирно уснешь прямо здесь, в тени, на этих каменных ступеньках. Честно сказать, собирался просто пройти мимо, но тебе приспичило выйти отлить. Не могу же я оставить в живых того, кто может поднять тревогу? Разумеется, не могу.

— А если я скажу нет? — сипло поинтересовался капрал Васкес.

Я пожал плечами.

— Тогда будет так, как должно быть, я прирежу сначала тебя, а потом войду в караулку и устрою там кровавую баню. Твои пьяные солдаты не окажут сопротивления, и все будет просто, как прогулка в парке. Но доводить до этого необязательно. Эти молокососы не видели меня, и умрут они или нет, зависит исключительно от твоей жирной задницы и благоразумия, которое она готова проявить. Итак, твоя ценная жизнь против жизней трех бесполезных рядовых — Гильермо, Хоакина и Роберто, если не ошибаюсь.

Ему было страшно, очень страшно, я это чувствовал. В минуту смертельной опасности тело выделяет какие-то особые феромоны, резкие и сильные, как скипидар. Но глаза могли бы сказать куда больше. На секунду мне стало жаль, что я не вижу его глаз.

— Да.

— Да — что, капрал?

— Не трогай ребятишек. Я... согласен на сделку.

— Разумное решение, сеньор Васкес. Тогда можешь подготовиться к неизбежному, прочитать молитву, или еще что-нибудь... Да, револьвер я твой тоже заберу, очень привлекательная вещь, не подсказешь модель?

— Драгунский кольт «витнивилль-хартфорд», — просипел капрал почти спокойно. — Также известен как «переходный Уокер». Редкая штука, всего выпустили чуть больше двух сотен. Мне достался по случаю, вместе с кобурой. — Он коснулся кнопки на кобуре. — Сделана под заказ, как мне кажется, да еще с секретом...

Кaprал с силой ударил по кобуре сбоку. Револьвер подпрыгнул и оказался у него в

руках.

Вот только взвести курок он уже не успевал. Капрал это понял и двинул кулаком с зажатой в нем рукояткой себе за спину — мне в лицо. Его рука двигалась легко и уверенно.

Это очень больно. Револьвер сам по себе дьявольски тяжелый, а капрал явно умел бить — что и неудивительно для армейского унтера. Деревянная щека рассекла мне бровь.

Из глаз посыпались искры — настоящие, как из-под наковальни после хорошего удара молота. Я не ослабил захвата, но рука с ножом на секунду утратила порыв и силу. Капрал поджал ноги и буквально повис у меня на локте, я потерял равновесие, и мы оба повалились на землю.

Капрал хрипел, возился в пыли и лупил ногой в сапоге по земле. Это верная тактика — привлечь внимание и позвать на помощь, вот только кричать у него не получалось, а поблизости не было ни кружек, ни мисок, ничего металлического, что могло бы загреметь и пробудить его солдатиков. Но и я все никак не мог перехватить свой нож поудобнее — не освоился я еще с ним.

— Ходете... ту их-де пута... — затылок у капрала стал какого-то совсем багрового цвета, изо рта текла слюна, пачкая мне руку. Скользко, черт, как бы не вырвался. Рукой с револьвером он продолжал вслепую тыкать назад, но так удачно, как в первый раз, уже не получается. Ему бы перехватить оружие, да взвести курок, да пальнуть куда-нибудь, хоть бы и вверх — и мое положение сразу бы ухудшилось. На это хватило бы секунды, не больше. Вот только мне, чтобы добраться до его напряженной проволоки вен на шее, нужна было половина секунды, и он это знал.

Все это выглядело каким-то грязным аттракционом шипения и проклятий.

А потом я нащупал ногой камень лестницы, оттолкнулся от него, как от противовеса, и перевернулся вместе с капралом. Теперь роли поменялись — я был сверху, и мог заламывать его голову все выше, прерывая дыхание, а его основная рука с револьвером, наоборот, была прижата к земле и лишена подвижности.

Капрал захрипел — долго и безнадежно. Он хрипел и поэтому не слышал, как лезвие ножа проникло ему под угол нижней челюсти, на два пальца ниже левой ушной раковины, где вена расположена ближе всего к поверхности кожи. Он только напрягся и как-то странно всхлипнул — словно подросток втягивал остатки шипучки через длинную трубочку, или остатки воды вытекали из раковины через сливное отверстие. Его тело расслабилось и замерло.

Я никого больше не убил в этой чертовой больнице. Я продезинфицировал разорванную бровь алкоголем из чьей-то фляжки, залепил ее обрывком носового платка, пришел в конюшню, оседлал того коня, что выглядел более сытым, чем прочие, похлопал его плашмя револьвером по крупу и сдавил бока ногами. Ворота были не заперты, и я покинул больницу быстрой рысью. Но больше я никого не тронул. Парни в караулке продолжали мирно спать.

Во-первых, я обещал это покойному капралу, а обещания надо выполнять. Во-вторых, мне не хотелось больше открывать и закрывать чертову входную дверь. Нет, сэр, не хотелось.

Да, он проиграл. Но заставил уважать себя. Этот маленький человечек, пахнувший скипидаром и текилой, с кругами пота подмышками и на воротнике, со слишком большим для него револьвером на приспущенном ремне, сделал то, что под силу немногим. Не ударился в истерику, а трезво прикинул свои шансы. Без колебаний пожертвовал собой ради спасения жизни своих подчиненных. И почти справился с многократно более сильным и жестоким противником. Ему просто не повезло.

Я победил. Но этой победой мне не хотелось хвалиться.

* * *

Притаившись снова за углом, я так жду выстрелов в управлении шерифа и восхищаюсь собственной предусмотрительностью, что позорно промаргиваю возвращение главного действующего лица. И вот — «волчий ковбой» уже стоит прямо передо мной, шляпа заслоняет солнце, темное от загара лицо сведено мыслительной гримасой.

— Я решил, что ты пойдешь к шерифу вместе со мной, — сообщает он. — На случай всяких неожиданностей.

Как я уже заметил чуть раньше, этот парень вовсе не глуп.

— Хорошо, — кротко соглашаюсь я. — Конечно.

Бок о бок мы шествуем последние полсотни метров до нужного здания. Снаружи, как принято в этих местах, никого, но изнутри доносятся голоса. И, похоже, звон стаканов. Там, надо думать, празднуют. Или это просто обычный рабочий день.

Заходим. Большое помещение, по обеим бокам несколько дверей. Тут и там стоят, разговаривают и перемещаются парни в шляпах и с оружием — помощники шерифа, надо думать. На нас смотрят с некоторым интересом, но не реагируют. Это плохо, я думал, хотя бы кто-то бросится на меня или «волка» с оружием, и необходимость беседы с шерифом перейдет в разряд неактуальных. Но нет.

— Где Мердок? — коротко бросает в пустоту мой новый друг, и, получив целеуказание, тащит меня за собой. Офисом шерифа оказывается, какая неожиданность, самая большая и прохладная комната по левую сторону от входа. На окнах тяжелые жалюзи, под ногами мягкий, толстый ковер. Сам шериф — типичная бандитская морда, небритый и мрачный тип, одетый во все черное. В нашу сторону глядит без особой радости, требовательно. Чего приперлись, мол, царь думу думает.

— Что хотел, Влод? — интересуется он скрипучим голосом.

Ковбой нетерпеливо тыкает в меня.

— Тебе знаком этот человек, Мердок?

Меня на секунду царапает холодный оценивающий взгляд.

— Не имею привычки запоминать каждого нищего мексиканца к северу от Рио-Гранде. Повторяю, что тебе нужно, Влод?

— Он утверждает, что твои люди час назад пристрелили жирного Туми. Это нарушает нашу договоренность. А еще больше ее нарушает то, что ты нанял его, чтобы порешить моих ребят!

Шериф хмурится.

— Мне не нравится твой тон, Влодзимеж. Возможно, тебе стоит сбавить его, если не хочешь отправиться в ту дыру, откуда я когда-то выковырял тебя со всем твоим отребьем.

— Ты сейчас должен говорить очень осторожно, Мердок, — вкрадчивым голосом говорит Влодзимеж. — По целому ряду причин. Особенно если дело касается моих парней. Очень осторожно и очень вежливо, чтобы не усугублять моих подозрений. Которые, должен признаться, у меня есть.

— Я, — цедит мрачный Мердок, — плевать хотел на тебя, твои подозрения, и этого вонючего мексикашку. Да, и на твоих ублюдков я тоже срал. Выметайся отсюда, пока я тебя

не вышвырнул.

— Зря ты это сказал, Мердок, — сообщает ему ковбой. И у него в руках появляется револьвер, и у шерифа тоже, и я проявляю здравый смысл, падая на пол и выкатываясь из комнаты шерифа за полсекунды раньше, чем там начинают греметь выстрелы.

Один, два. Пауза. Три. Четыре, пять, шесть, семь. Пауза.

В мою сторону несутся помощники шерифа — трое, на лицах азарт и радостное ожидание. Но они не привыкли к бою в помещении и толкуются, мешая друг другу. Из положения лежа я двумя выстрелами снимаю двоих, на третьего, замершего и потерявшего всякую ориентацию в этом грохоте, пороховом дыме и брызгах крови на лице, уходит две пули — он очень крупный парень.

В дверном проеме появляется еще один — в руках чашка с кофе, судя по запаху. Эх, давно я не пил кофе. Выстрел! Взвести курок. Выстрел!

Перезарядка. С места дуэли ковбоя и шерифа ничего не слышно. Дым висит синим покрывалом, в глазах резь, по ушам словно с размаху ладонями дали — координация никакая. А помощник должен быть еще как минимум один. Я поднимаюсь, иду на разведку и, конечно, нахожу его в самой крайней комнате. Совсем молодой паренек в щегольской пастушьей куртке с длинной бахромой, он зажимает уши и смотрит на меня в ужасе.

— Пожалуйста... мистер... — бормочет он. Черт меня возьми, если ему есть восемнадцать.

— Ключ от комнаты. Быстро, — командую я. В глазах у него бешеная надежда и облегчение. Запираю парня на ключ, а на окнах там отличные толстые решетки. Не пропадет.

Осталось выяснить, как там наши дуэлянты. Притаились, небось, и воркуют, голубки. Плетут заговоры.

Но все оказывается еще лучше. Шерифа я нашел почти на пороге — пытался бежать, подлец. А когда не вышло сбежать, хотел ползти. Но с эдакой дырой в груди не то, что ползти, а даже лежать больно. Черная рубашка впитала много крови — блестела, почти как шелковая. Пистолет у него я брать не стал, при падении из него вылетела какая-то деталь, я в этом совсем ничего не понимал, так что решил подстраховаться.

А вот мой «волчий ковбой»... с ним вышло интереснее. Когда я подобрался к нему — длинному черному силуэту на пушистом ковре, который маслянисто чавкал при каждом шаге, словно я шел по трясине — он был еще жив. Он дышал прерывисто и со скрипом, будто страдал от астмы. В груди у него хлюпало и булькало. Но он был жив.

— Ты... — прохрипел он с трудом. — Никакого заговора не было, так? Шериф... невиновен?

— Шериф виновен в тысяче вещей, парень. Но не в этой, нет. Пожалуй, можно сказать, что я тебя разыграл.

— Ты... — сказал он снова, будто не мог поверить. — Лжец!

— Именно так, дружище. Тебя обвел вокруг пальца проходимец из Сан-Квентина.

Ковбой закрыл глаза — ему было уже сложно фокусировать взгляд. Свиньи, которых мне приходилось резать когда-то, тоже перед смертью закрывали глаза.

— Будь ты проклят, — сказал он с чувством. — Проклят навеки.

Я вздохнул.

— Боюсь, ты немного опоздал с этим пожеланием, приятель.

Но он уже ничего не ответил мне, потому что умер.

Часть 4

В общем, я так и стоял в этом полицейском участке — или где там работали шерифы на Диком Западе? — посреди трупов и луж крови, окутанный пороховым дымом, который и не думал рассеиваться, да еще своим шерстяным пончо, которое рассеиваться не собиралось тем более. В ушах не утихал какой-то шум, вроде водопада, да только что за водопад в пустыне? Но потом я сообразил — это был звук крови, пульсирующей вокруг моего мозга. И нужен он был просто для того, чтобы поразмыслить. Раскинуть этим самым мозгом, вокруг которого шумел невидимый водопад.

Кто я? Да черт с ним, тем паралитиком и параноиком, кем я был раньше. Здесь и сейчас меня зовут Хуан.

Где и когда я? Очень слабый вопрос. Не все ли равно? Здесь есть люди, и есть оружие. Мне хорошо здесь. И я все еще жив, так что могу продолжать заниматься своим любимым делом.

Что это за дело такое? О, здесь уже поинтереснее — по какой-то причине мне нравится путешествовать. Видеть новые, неизведанные места и края, встречать красные восходы, утопать в синих росистых сумерках, видеть незнакомых людей и узнавать их получше...

Ну, почему сразу убивать? Не моя вина, что они в этих местах так подозрительны и агрессивны. Я возвращаю им их пыл и задор, только и всего. И никогда не наказываю тех, кто этого не заслуживал бы. вспомните ту девушку, Беллу — у меня почему-то она так и не вышла до сих пор из головы. Я ведь не тронул ни ее, ни ее клятого доктора Джонса. А пьяных в дым солдатиков капрала Васкеса?

Помните, что сказал тогда этот священник, который не был священником? Невинных здесь нет. И не нужно рисовать меня угольно черными красками, такие картины всегда имеют очень мало сходства с истиной. В мире есть множество других цветов, куда более приятных.

Например, красный.

Как видите, я снова был в мире с самим собою. В голове опять стало тихо и спокойно, ее больше не раскалывали крики совести, того крупного, но неуклюжего верзилы, призывавшего меня к правильному, по его глупому мнению, поведению. Он ушел, можно сказать, хлопнув дверью. Скучать я не собирался.

В голове царила благодатная тишина. Впрочем, снова не совсем совершенная и полная. А все потому, что в каком-то из самых удаленных ее уголков буквально из ничего появился тот парень. Я так и стал его называть — тот парень. Можно было бы сказать «Мой невидимый друг», но я не считал его своим другом. Можно было сказать «Голос разума», но я и сам был разумен хоть куда. Можно сказать, я сам был своим разумом, а он — просто приятным к оному дополнением.

Так или иначе, тот парень начал помаленьку вклиниваться в мои размышления, и не все, что он говорил, было бессмысленно. Так что я понемногу начал к нему прислушиваться.

«Подожди, — говорил мне он, к примеру. — Не торопись. Ты ведь не псих?»

«Разумеется, нет.»

«Вот и не веди себя как псих, убивая всех и каждого. Не надо больше вот этой твоей чокнутой белиберды. Тебе нравится нынешняя жизнь, вне клеток, обязательного трехразового кормления через катетер и добрых санитаров с таблетками? Ты бы хотел в нее

встроиться и жить долго и счастливо?»

«Возможно.»

«Ну так и займись этим. Не знаю, заметил ли ты, но безумие не плодит друзей. А без них тебе будет здесь непросто.»

«Хочешь сказать, мне нужно найти себе парня и держаться с ним за ручки?»

«Да хоть взасос целуйся, дело не в этом, дело в методе. Любишь убивать людей — окей, ничего не имею против, у всех свои маленькие слабости. Но не убивай их открыто, среди бела дня, на виду у десятков перепуганных глаз, и самое главное — бесплатно, вот о чем я говорю.»

«И с какого боку здесь друзья, которых мне следует найти?»

«Ты точно не особо умен, фальшивый священник был прав. Или, скорее всего, просто притворяешься. Я-то тоже часть тебя, а мне выход виден, словно свет керосинового фонаря в темной угольной шахте».

«Что за чушь ты несешь?»

«Найди друзей, вот что. Найти тех, кто сможет найти применение твоим нездоровым фантазиям. Это Дикий Запад, парень. Точнее, дикий Юг, но это неважно. Людей убивают за косой взгляд, за украденную табакерку, убивают на промышленной основе, десятками. А еще больше хотели бы кого-то убить, но не имеют такой возможности. Используй это. Только что отгремела война с Мексикой за Техас, на носу еще одна. Спрос на людей твоих способностей велик. Найди себе работодателя и занимайся любимым делом за деньги — это же азбука.»

«Ладно-ладно, пророк азбучных истин. Посмотрим, что можно сделать».

Тот парень только хихикнул. Но отвечать ничего не стал.

Водопад в голове тоже как-то незаметно прекратился, и в уши принялись залетать разные посторонние звуки — соскучились, видать. Где-то снаружи лениво брехали собаки, за окном фыркали и переступали кони, в отдалении слышались чьи-то голоса. Они говорили: — Парень! Эй, парень! Ну, ты, с усами! Мексиканский парень, я к тебе обращаюсь!

О! Похоже, это не в отдалении, это, по всей вероятности, кто-то жаждет моего общества. А мне-то казалось, что в этом чертовом полицейском участке — как там, бишь, его? — уже нет ни одной живой души.

Оказалось, есть. Напротив и чуть наискось от кабинета шерифа, где довольно трагично и неправильно поняли друг друга два суровых ковбоя, имелось что-то вроде камеры предварительного содержания. В обычные дни сюда, наверное, приводили местных пьяниц и дебоширов, залетных мошенников и гастролеров с усиками, как у Кларка Гейбла.

Но сегодняшней день оказался неудачным не только для носителя шестиконечной звезды и его помощников. За решеткой торчал тощий парень в поношенной черной и явно неновой одежде. Платок на шее был грязен и замызган, и, похоже, в последнее время использовался в качестве носового, на цепочке для часов не было ни часов, ни даже перочинного ножа, а шляпа на голове напоминала дохлую кошку. Небритое вытянутое лицо с бегающими темными глазками было лицом пройдохи. Но страха — нет, признаков страха я на нем не заметил.

Приближаюсь, топоча сапогами.

— Хотел со мной поговорить, омбре?

— Конечно, хотел, дру— ох, ну, и грозны же вы, мистер! Могучи! Античные титаны пожали бы вам руку и усадили рядом с собой в чертогах Зевса! Если вы понимаете, о чем я

толкую.

Он немного пришепetyвает, но речь льется гладко, словно несущий золотой песок ручей где-нибудь в жаркой Калифорнии.

— Понимаю.

— Иисус верхом на апостоле Павле! Да вы ходячее чудо, мистер! Вы ведь одной левой положили здесь всех! Что ж, тогда, думаю, вас не затруднит еще одно маленькое одолжение?

— Выпустить тебя?

— Именно! Должен заметить, что я искренне восхищен живостью вашего ума!

— Не вижу, почему бы и нет. Ублюдки должны помогать друг другу, как говорится. Или не должны?

— Ваши слова глубоко ранят меня, добрый сэр. — Его улыбка немного увядает. — Разрешите представиться и рассказать о себе, прежде, чем вы примете взвешенное решение об освобождении меня из этой юдоли скорби.

Он протягивает через решетку ладонь с давно не чищенными ногтями.

— Скользящий Бат.

— Странное имечко.

— О?.. Хм, нет, вы не поняли. Проклятый выговор... Не Батт, а Бат. Достойный носитель благородного имени моих дорогих родителей, Льюис Батхорн^[1], к вашим услугам. Но люди зовут меня Скользящий Бат — ума не приложу, почему.

— Тоже не ахти, но уже получше. — Руку я игнорирую. — За что закрыли, Скользящий?

— Сущее недоразумение, — парень пожимает плечами. — И кстати, прозвище дала еще моя матушка. Когда она купала меня в детстве, я показался ей очень скользким.

— Здесь ты по этой же причине?

— Говорю же, недоразумение. Я всего-навсего коммивояжер, путешествую по поручению моего босса, мистера Инскина из Чикаго!

— Далеко же от Чикаго ты забрался.

— Зато и рынок существенно расширился! У меня был отличный фургон с двумя прицепами и лучшие четыре лошадки по эту сторону Миссисипи. А что за товары! Прекрасные восточные специи, великолепные отрезки тканей, стекляшки и бусы для безмозглых дамочек — а также индейские амулеты, порнографические открытки и святые мощи, все честь по чести. Кроме того, я умею рвать зубы и лечить эпилептиков. Дело было беспроегрышное, сами понимаете.

— По-видимому, да.

Он сморщивается.

— Не повезло в карточной игре неподалеку отсюда: обвинили в шулерстве — бездоказательно, как вы понимаете. Так я лишился своего фургона и всего товара. Пришлось бежать практически с тем, что было на мне — плюс выигрыш с той партии, да еще паспорт на имя канадского доктора Гарри Квинана, прихваченный, должно быть, по ошибке. Добрался до Абсолюшена ни свет ни заря, полагая, что здешние власти окажут помощь бедному ограбленному человеку, но увы — черной подозрительностью ответили мне дети пустыни сей. Кстати, у меня имелся еще сертификат практикующего священника — если нужно, могу отпустить грехи.

— Нет необходимости. Ближе к делу.

— Не торопитесь, ради всего святого, я как раз подбираюсь к этому. Накануне той злополучной партии в покер я как раз связался с любопытными людьми. Им нужен был

человек, чтобы переправить груженный оружием фургон из одного место в другое, и они были готовы платить. Бог свидетель, я никогда не берусь за по-настоящему мокрые дела, но пообещал найти им нужного человека. Иисус Всемогущий, мне это, похоже, удалось!

— Говори.

— Как только вы выпустите меня отсюда... черт, зачем вы вытащили револьвер?

— Дать тебе стимул. Говори, где я могу найти этих щедрых людей.

— Будь я проклят, если скажу. Сначала я думал, что вы джентльмен в поисках средств для продления своего скромного существования, но теперь вижу, что судьба свела меня с диким зверем, готовым выстрелить в незащищенного человека за решеткой из-за жалкого фургона с оружием.

— Чертовски точно подмечено. Пожалуй, всажу тебе пулю в ногу. Да.

— Стойте! Истекающий кровью и поминутно теряющий сознание я не принесу вам никакой пользы. Просто откройте клетку, и я расскажу все, что знаю.

— Где ключ?

— Понятия не имею.

— Вот как? Ничего, у меня есть способ получше. Динамитная шашка — каково? Похоже, этот городок стоит на неисчерпаемых залежах динамита! Думаю, его здесь используют и как средство оплаты, и как приправу в суп.

— Остановитесь же, черт возьми! Наверняка ключ где-то в комнате шерифа!

— Уже лучше. Никуда не уходи, парень.

Скользкий Бат прав, ключ от его камеры оказывается у мертвого шерифа Мердока в кармане, и через минуту малость заляпанный кровью замок недовольно щелкает и с лязгом открывает ржавую решетчатую дверь.

— Итак, уважаемый... — беглый коммивояжер сразу почувствовал себя увереннее. — Кстати, вы ведь так и не представились.

— Хуан.

— Разумеется. Как же еще? Итак, дон Хуан, вот моя часть сделки: я поеду с вами к местонахождению фургона и назову людей, с которыми нужно будет связаться после переправки оружия и амуниции. Сделка стоит тысячу долларов лично вам и небольшой, буквально микроскопический процент мне. По рукам?

— Я думал, твои люди переправят все сами, и им нужно только мое сопровождение.

— Нет, черт побери — если бы они могли справиться сами, зачем бы вы им вообще понадобились? Нет, оружие находится в форте неподалеку отсюда — слева от ворот, без серьезной охраны — но поблизости полно солдат, так что вам придется действовать скрытно. Я буду ждать вас за воротами форта. Вдвоем мы легко доберемся до укрытия, где я свяжусь с заказчиком, и мы получим причитающиеся деньги. Как видите, все исключительно просто и почти безопасно. Да, я бы сказал, практически безопасно.

— Надеюсь, ты не задумал убить меня и воспользоваться моей добротой. Те, кому приходили в голову похожие мысли, уже лежат бездыханными телами в пустыне. А также прямо в этой комнате. Взгляни хоть на шерифа.

— Что-то не хочется. По-вашему, я похож на человека, который вот так обведет вас вокруг пальца ради какой-то призрачной возможности бежать из этого негостеприимного городка, сохранив голову на плечах и немного серебра в карманах?

— Да.

— Что ж, ладно.

На заднем дворе в стойлах мы обнаружили несколько вполне пристойных отдохнувших лошадок. Оседлав их и взяв по одной заводной, мы направились к выезду из города. Скользящий Бат трясся впереди, я — шагах в тридцати. Странное дело: я ехал верхом впервые в жизни, но чувствовал себя так, будто провел в седле не меньше тридцати лет. Словно я был чертов объездчик мустангов, какой-нибудь Монти Робертс или даже Дикий Билл Хикок. Черт знает почему, но это приносило мне настоящее удовольствие, почти забытое в этих местах чувство.

Можно сказать, я гарцевал на своем горячем скакуне прямо на глазах у изумленной толпы горожан. Вот только никакой толпы не было — улицы дышали пустотой, пылью и зноем, а люди сидели по домам и провожали меня взглядами, блестящими в полумраке, словно глаза затаившихся в джунглях диковинных зверей.

* * *

Ночное небо в пустыне особенное. Горожане уже и не помнят такого неба — огромного, не скованного зубчатым горизонтом многоэтажек, глубокого, не освещенного сотнями прожекторов, превращающих дикую первозданную тьму в выцветшее тусклое мелководье. Все равно что сравнивать океанскую водяную толщу с бассейном во дворе.

И ночная тишина в пустыне тоже невероятная, неправдоподобная. Где-то на границе слышимости ты чувствуешь однообразный тянущийся звук — это вдалеке воют волки. Шуршит под копытами лошадей песок и высохшие стебли каких-то трав. Копыта, кстати, чуть ли не на каждом шаге утопают в пыли, и эта пыль, несмотря на безветрие, уже везде — на сапогах, одежде, на шляпах и усах — и в загадочном свете Луны мы выглядим убранными сединами старцами.

— Эй, Батхорн.

— Что?

— В этих местах всегда так тихо по ночам?

— По правде говоря, не знаю, мистер Хуан. Как я уже говорил, я родом из Чикаго, а там у нас постоянно довольно ветрено, так что здесь я чувствую себя немного не в своей тарелке...

— Думаешь, впереди засада?

— Что? Нет, Иисусе, я ничего такого даже и не думал, просто эта ночная тишь, да и мы двигаемся без огней, и еще эти волки...

— Батхорн.

— А?

— Заткнись.

Уезжать из города вечером, когда разжиревшее огромное солнце устало свалилось за далекие горы, было, наверное, не лучшей затеей. Но и оставаться там после устроенного мною представления почему-то не хотелось. Скользящий Бат со мной с готовностью согласился. А тот парень, беспокоивший своим присутствием отдаленные уголки моего сознания, продолжал загадочно молчать.

Мы продвигаемся все дальше в пустыню, звезды бесшумными вспышками мелькают над нашими головами, а Млечный Путь изгибается дугой на небесной тверди, изгибаясь и истаивая в блеклое ничто за чёрными, как тушь, горами. За горами блещут зарницы, словно

чья-то артиллерия ведет огонь по далекому и призрачному врагу.

— По правде говоря, — замечаю я, и едущий впереди Скользящий Бат вздрагивает, — огни мне и не нужны. Я и без них вижу на десять миль в любом направлении.

Парень впереди молчит. Лошади лениво переставляют копыта — туп, туп, туп. В темноте не видны пыльные облачка, взлетающие с земли при каждом шаге, но я знаю, что они никуда не делась — маленькие летающие мерзавцы.

— Мистер Хуан? Мне бы воды... в горле совсем пересохло.

Я равняюсь с ним и делюсь флягой. В лунном свете выглядит он неважно — длинное белое лицо с черными провалами глазниц словно хочет спрятаться под продавленной шляпой целиком. Самое поганое — я не вижу его глаз. Не знаю, хочет ли он обмануть меня.

— Дождя бы... Нет ничего лучше ночного дождя. А уж в месте вроде этого...

Единственное, что мне известно — мы двигаемся на запад. Намертво привязанные к Полярной звезде, мы огибаем ковш Большой Медведицы, а в юго-западной части небосклона огромной бабочкой с тремя яркими звездами на брюшке появляется Орион. В лунном свете во все стороны, насколько хватает глаз, простирается синий песок, тощие кактусы черными пальцами проплывают мимо наших силуэтов, а отполированные до блеска копыта лошадей все опускаются одно за другим на поверхность пустыни, и частички кварца, ловя свет луны, подмигивают нам снизу тысячами блестящих глаз.

Зарницы вдалеке продолжают свои пляски, в их неритмичном свете тонкий чёрный хребет горной цепи дрожит какую-то секунду, словно от страха, и его снова поглощает мрак. Я вижу где-то в стороне волнующуюся темную массу и издаю громкое восклицание, привлекая внимание Бата, но это просто мчится по равнине табун диких лошадей, втаптывая в ночь свои тени и оставляя за собой еле заметную в свете луны туманную пыль.

— Батхорн, а жратвы какой-нибудь ты ведь не догадался прихватить с собой?

— Нет, сэр — вы ведь помните, все случилось так быстро...

— Плохо. Я недоволен тобой, Батхорн.

— Простите. Да, искренне прошу прощения, сэр.

Я ухмыляюсь в темноте. Желудок, конечно, сводит горькими неприятными судорогами, но в остальном все в порядке. Скользящий Бат боится, потому что у меня есть седло, на седле лука, а на луку небрежно положен направленный ему в спину дробовик.

Ничего. Я еще сделаю настоящего солдата из этого разгильдяя.

Ближе к утру поднимается ветер, и от мелкой пыли мы скрипим зубами. Песок везде, и желтое, словно моча, на дрожащих руках приподнимающееся над землей солнце затуманенным взором глядит через плотный занавес пыли на тусклый мир вокруг. Я запоздало надвигаю на лицо шейный платок, но это мало помогает. Так вот, значит, что чувствует человек, упавший в вагон с манной крупой.

— Чертова пыльная буря, — громко говорю я, потому что ветер заглушает слова, мы все равно, что немые или, скажем, рыбы в аквариуме — только без толку разеваем рты. — Чертов песок!

— Чертов песок, — вторит мне спереди Скользящий Бат. — Хоть бы дождь пошел, прибил пыль к земле! Господи Иисусе, если ты сейчас не очень занят, может, выделишь нам здесь хотя бы самую капельку дождя?

— А ты неплохо управляешься с этим твоим богом, — говорю я, потому что вижу, что ветер начинает стихать. Песок больше не летит в лицо, словно выпущенный из пращи камень, он ленивой змеей стелется по земле, извиваясь и шипя. — Он всегда так добр к

коммивояжерам?

Вместо ответа Скользящий Бат только привстает в стременах и показывает рукой вперед. Я прищуриваю глаза, солнце слепит. Похоже, мы подъезжаем к Форт-Стенли.

* * *

Сам форт построен из не слишком длинных отесанных бревен — наверное, трудно было их сюда привезти, в пустыне я не видел ничего крупнее и тверже жухлого перекасти-поля. По углам трапециевидного четырехугольника высятся наблюдательные вышки, а на палке рядом с воротами болтается какая-то сине-красная тряпка. Большая белая звезда — штат Техас, что ли? Дьявол их здесь разберет.

Самое главное — у ворот томятся солдаты. Разморенные, потные, в застиранных формах и покрытых высохшей солью серых кепи, но при оружии, и отнюдь не спящие.

— Не проедем, — хрипит Скользящий Бат. — Господь всемогущий, в форте есть мой парень, он должен был подменить охрану, вот только его там нет! Весь план к чертям! Нужно возвращаться.

В его голосе слышится странное облегчение — он уже явно не рад, что вообще связался со мной и предвкушает скорое расставание. Не так быстро, амиго.

— Амиго, не так быстро, — говорю я. Лошади идут по улочке, ведущей к форту, размеренным неторопливым шагом. А к дороге с обеих сторон лепятся какие-то хижинки, мало отличающиеся от нор диких зверей, которые мы миновали ночью — измазанные глиной и грязью и известняком, крытые битой черепицей, они выглядят как укрепления какой-то разбитой армии. Черные провалы окон глядят на свет угрюмыми бойницами. — В этой деревне есть все, что нам нужно, чтобы найти правильную дорогу.

— И что же?

Я мысленно считаю до пяти.

— Батхорн, ты все же на удивление туп. С тех пор, как ассирийцы изобрели денежные знаки, вопрос торговли облегчился до предела!

Лавка в этом захолустье всего одна, но она все же есть — и наверняка выполняет по совместительству обязанности салуна. А как иначе? Солдаты ходят в увольнительные, чтобы надраться и потратить где-то кровью заработанные гроши. А владелец заведения имеет прямой интерес жить рядом с охраняемым местом. Взаимная выгода, как говорят северо-восточнее. В тех местах, откуда прибыл наш Скользящий Бат.

Я вхожу в лавку уверенным шагом испанского конкистадора. За мной молчаливым привидением плетется Бат — он только что расстался с мечтой отделаться от меня похорошему, и это серьезно его беспокоит. С другой стороны, впереди все еще маячит перспектива получить обещанный процент со сделки. Поэтому он все еще со мной.

В заведении практически пусто, за прилавком виднеется продавец — он же, скорее всего, и владелец. Слишком нищим выглядит это место, чтобы позволять себе наемного продавца. Пожилой уже седоватый мужчина с лицом хорошо откормленного борова и щеками, румяными то ли от жизни на свежем воздухе, то ли от регулярной утилизации основного продаваемого продукта. Это хорошо. Такой типаж мне как раз и нужен.

Под сапогами тонко поскрипывают выщербленные доски, сквозь мутные — но все же застекленные — окна проливается пока еще ласковый утренний свет.

— Здравствуйте, сэр, — хозяин сама приветливость. Целых два покупателя прямо с утра — немалая удача. — Чем могу служить, сэр?

— Как насчет того, чтобы сыграть со мной в орел или решку? — Я бросаю ему серебряный доллар, который он ловит на лету.

— Никаких проблем, приятель, — он не глядя шмякает монету о прилавок и накрывает его ладонью. — На что играем?

— Сущие пустяки, приятель, — радостно интонирую я. — Если выпал орел, ты забираешь отмеренный щедрой рукой доллар и проводишь меня в форт через черный ход. Он ведь имеется, правда? — иначе как бы солдатики сбегали к тебе прикупить бутылку-другую во время тягот и лишений воинской службы?

— А если выпала решка? — лицо у торговца собирается морщинами, ему приходит в голову, что это дело начинает нехорошо пахнуть. Даже, можно сказать, вонять тухлятиной.

Я широко и искренне улыбаюсь.

— Тогда я убиваю тебя и обчищаю твою кассу.

— Не советовал бы вам это делать, мистер, — он уже сообразил, что мы тут не шутики шутить собрались.

— Не помню, чтобы просил твоего совета, приятель. Орел — ты живешь, решка — наоборот. Что тебе больше нравится?

— У меня под прилавком есть дробовик, — кустистые брови сходятся на переносице, но голос по-прежнему зычен тверд. Обожаю ломать таких. — Не на того напали, мистер.

— Охотно верю, — не отвожу взгляд. — Насчет дробовика, я имею в виду. Только хрен ты его успеешь достать, дослать патрон и прицелиться. Я быстрее, и мой приятель тоже. Убирай руку — мне не терпится узнать, что тебе выпало, орел или решка?

— Пожалейте, мистер! — он ломается с хрустом, словно падающее дерево, и бледнеет на манер побеленной известкой стены. — У меня жена и дети!

— Не заставляй их слагать легенды о твоей трусости. У тебя вполне приличные шансы вернуться сегодня вечером к ним. Осталась сущая безделица — потрясти яйцами и принять тот выбор, что сделала за тебя судьба. Орел или решка.

С лицом у него что-то случается. Оно твердеет и становится как сырая глина, оставленная на день под не знающим жалости солнцем этого проклятого штата. Становится скалой, серым неподатливым камнем.

— Очень хорошо.

Отодвигаю его руку, занесенную над монетой.

Похоже, я потерял доллар. А приобрел... кто знает, что же я, черт побери, приобрел?

— Ты и правда убил бы его? — тихо спросил скользкий Бат через минуту, когда хозяин тяжело, словно сломанная игрушка, вышел из-за прилавка и сделал мне знак следовать за ним.

Я пригнулся и поглядел в небо сквозь мутное стекло. Синее, невозможное в этих широтах небо, в котором потерянным серебряным долларом сияло солнце и кружили стервятники. Где-то в пустыне охотились койоты, смеясь, как дьяволы.

— Ты же все понимаешь, Батхорн. Есть вещи, на которые даже я не пойду никогда. Святые вещи. Жена и дети — это жена и дети.

Он часто и дергано кивает — видал я эдакие смешные штуки в Сан-Квентине. А может, и раньше, память все еще работает не очень хорошо. Заводные, на пружине, стальные солдатики,двигающиеся быстро и резко — когда завод подходил к концу, они принимались

мотать головой вверх-вниз. Точно так, как показал мой скверно пахнущий друг.

— Но и тысяча долларов — это тысяча долларов, — заканчиваю я.

* * *

Черный ход оказался банальной калиткой, даже не охраняемой. Наверное, основное движение начинается ближе к вечеру — тогда и охранение должно подоспеть, чтобы собирать оброк с желающих порезвиться за стенами форта. По правде говоря, меня это уже мало волновало. Не все ли равно, что здесь будет после того, как я закончу с этим делом.

Инструкции, которые мне дал потеющий и бледный Скользящий Бат, были точны — насколько может быть точным пересказ полуночного договора пройдохи-коммивояжера и желающего захватить свою долю от продажи оружия отброса из солдат. Типичное «третий поворот направо, на две ладони от солнца». Но я предполагал, что не заблужусь.

Была еще трудность — по очевидным причинам, нельзя было оставлять следов и нельзя было привлекать ненужного внимания. Часовые на вышках, возможно, были не самыми зоркими наблюдателями, но уж стрельбу с поножовщиной на вверенной территории они заметили бы наверняка.

Поэтому дробовик пришлось оставить у моего горе-напарника, а его самого отправить поближе к воротам форта, чему он был явно рад. Если сбежит в самый ответственный момент, придется нелегко. Спасать свою шкуру без денег и лошадей, зато с полным фургоном оружия будет дьявольски сложно. Вот только...

Я ни на грош не верил в неудачу. Она была не просто невозможна — невероятна.

Притворив за собой калитку, я притаился в тени наблюдательной вышки, за какими-то ящиками. Самое темное место — под лампой. Приближались шаги.

— Эй, Уилли, — раздался ленивый голос.

— Чего? — ответили издали.

— Опять вместо службы в карты режетесь?

Вдалеке засмеялись.

— Завидовать грешно, Андре. Присоединяйся, коли есть охота. А нет, так проваливай, не порти людям день.

— Смотри, Уилли, — предостерег голос. — Узнает каптенармус, заставить присесть в выгребной яме, как в прошлый раз.

— Слепой дурень ничего не увидит, — процедил новый голос, холодный и злой. — Особенно если ему никто не расскажет. Ты же не настолько глуп, Андре?

Рядом сплюнули.

— Не смей мне угрожать, Руперт, черт бы тебя побрал. Если старик что-то и пронюхает, то не от меня.

По песку закрипели удаляющиеся шаги.

Я бесшумно скользнул следом. Впереди маячила широкая спина в форменном мундире с полукружьями пота подмышками — это, должно быть, и был тот самый честный Андре. Прямо передо мной был широкий коридор между внешним частоколом и чем-то вроде блокауза, а справа, куда мне было нужно, звучал смех и доносилось стеклянное бульканье. Нет, напрямик не пройти, против троих мне не выстоять, да и шум будет нежелателен.

А вот с этим самым Андре возможны варианты... Парадокс — вопреки законам

природы и неумолимым правилам естественного отбора, шансы остаться в живых здесь были именно у алкоголиков и игроков. А правильному парню и хорошему солдату придется, скорее всего, покинуть этот грешный мир.

На вышках было тихо — мои передвижения оставались незамеченными. Из-за строений доносились обрывки разговоров, пахло лошадиным навозом и готовящейся едой. Солнце палило, словно раскаленный револьвер.

Фигура в мундире свернула вправо, в узкое пространство между двумя приземистыми строениями. Это мне подходит — оказавшись в замкнутом пространстве, которое не просматривалось с вышек, я сократил расстояние — благо, честный парняга шел не спеша — и аккуратно воткнул нож ему прямо в печень.

— А-а-а... — удивленно выдохнул он, разворачиваясь на подкосившихся ногах. Ему, наверное, казалось, что это полный боли крик, тревожный вопль, но на деле его едва слышал даже я. Его ладонь безвольно соскользнула с приклада винтовки, за которой он только-только успел потянуться. Темный — точнее, уже светло-серый — мундир стремительно набирал красноты, бордовой в центре и карминовой по краям, а вот глаза, в которых отражалось горячее небо, напротив, становились все светлее, пока не остекленели полностью.

— Заткнись, гринго, — пробормотал я. «Просто сторожевые псы, — мелькнула в голове мысль. — Обленившиеся сторожевые псы».

Рядом обнаружилась дверь, а за дверью — маленькая комнатка, вроде кладовки. Туда я его и затащил, а кровавые следы на песке затер и закидал песком. Заняло это всего пару минут, а других часовых здесь все равно было не видать. И не думаю, что Уилли и прочие хватятся этого парня в ближайшие несколько часов. Ну, а мне нужно куда меньше.

Я обошел здание по часовой стрелке, приближаясь к оплоту картежников с противоположной, северной стороны. Вот и они, кстати — патронташи скинуты от жары, кепи валяются на завалинке, винтовки стоят нелепой пирамидой в стороне. Нет, не стану я их трогать, пусть себе развлекаются. Что поделать, плохие парни всегда выживают — вот хоть меня возьмите.

С другой стороны, когда придет пора получать на орехи от начальства — как допустили? как проглядели? — им придется несладко. Должно быть, существует все же какая-то высшая, бюрократическая справедливость.

Я перепрыгнул через низенький заборчик и стал еще на какую-то микроскопическую величину ближе к заветной цели. Впереди был хлипкий навес, вроде пристройки, сделанный из чего-то вроде обмазанных глиной прутьев, а чуть дальше доносился богатырский храп и приглушенные ругательства. А я смотрю, они здесь, в форте, не особенно озабочены несением службы. Расслабились совсем, даже до ветру ходят, небось, с закрытыми глазами.

Тут-то я и ошибся. Потому что пока я размышлял насчет тупых гринго, тянущих свою нетяжелую лямку в этом жарком аду, дверка пристройки распахнулась, и прямо мне в лицо уткнулся очередной солдат.

Трудно сказать, кто удивился больше — наверное, одинаково. Но у меня было серьезное преимущество: нож в руке. Им-то я и мазнул нерасторопного парня по шее, да так удачно, что тот, пытаясь зажать ладонями разрез, завалился внутрь пристройки, немного беззвучно поскреб там по глиняному полу ногами и затих.

Я прислушался — храп поблизости не прерывался.

— Чья вахта этой ночью? — спросил кто-то. — Хесус, что бы я сейчас отдал пор уна

ботейя де ликор мас мало...

— Кьен сабе? — такое впечатление, пожал плечами кто-то второй. — По-моему, стоять придется тебе. Потому что остальные уже и на ногах не будут держаться. Толстый боров Родриго обещал поставить целый ящик де бебида мехор — вроде бы у него сегодня день рождения.

— Тогда и я тоже напьюсь! — обрадовался первый голос. — Какой смысл оставаться трезвым, когда все вокруг либо боррачо, либо ресакоса! Черт побери, хоть одна хорошая новость за день!

Я мог бы подсказать радостному парню еще одну хорошую новость — было очень похоже, что сегодня он останется жить. Но не стал этого делать. Видит бог, люди в последнее время перестали ценить хорошие новости.

Крадучись, я обогнул пристройку с другой стороны. Ага, вот это длинное здание, судя по всему, солдатские казармы, с противоположной стороны которых меня ждет мой фургон с оружием. Вопрос — как добраться до него не заходя в здание? Ответ — никак. Человек послабее духом сейчас начал бы биться в истерике, а человек попроще принялся бы планировать обходные пути. Но я не таков. Я пойду напрямик.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Благодаря тому, что любители потрепаться насчет выпивки и неведомого Родриго с его днем рождения по-настоящему увлеклись составлением планов на вечер, мой путь до нужной двери оказался довольно простым. Я бесшумно приоткрыл дверь, ступил внутрь, и, все так же не издавая ни единого звука, закрыл ее за собой. Обернулся.

И чуть не получил сердечный приступ. Прямо передо мной на трехногом табурете сидел старик в форме и безразлично глядел куда-то в стену. Именно по этому взгляду я и понял, что сегодня явно мой удачный день — полуслепые старики просто так на твоём пути не выскакивают.

— Что? А? — резко спросил у стены старик. — Кто вошел? Какой взвод?

Здесь не нужно было много ума, чтобы подыграть.

— Сэр! — молодежато вскричал я. — Здесь рядовой Джон, сэр!

— А? Что? Джонс? Это ты, Джонс?

— Сэр, так точно, сэр!

Должно быть, это и был тот самый каптенармус, о котором болтал покойный Андре.

— Что ж, удачно, что ты зашел, рядовой, — продолжал старик. — Я, кажется, обронил свои очки. Помоги их найти. И побыстрее — я как раз принялся заполнять журнал!

— Есть, сэр! Полагаю, мне следует поискать вон в том коридоре, сэр!

— Ищи где хочешь, парень, — буркнул каптенармус, — но через пять минут очки должны быть у меня на носу.

— Будет сделано, сэр!

Коридор вывел меня к длинному ряду комнат, в которых частью спали, а частью пили и сквернословили остальные солдаты славного Форт-Стенли. Искушение ввалиться внутрь какой-нибудь из них и устроить вместо попойки кровавую баню оказалось неожиданно сильным. С ним пришлось справиться, всего-то перерезав горло часовому, патрулирующему маленький дворик с противоположной стороны коридора.

Нет, но в самом деле, какой смысл ходить по крохотному пространству, когда вся человеческая природа призывает оседлать коня и лететь на нем сквозь туманные просторы, голубые реки и мокрые луга, поросшие великолепной травой, срывать в овраги и

приникать губами к ледяным источникам, пересекать моря и озера, видеть неопиcуемые красоты горных пиков и чудовищных водопадов, и с восхищенной усмешкой оставлять их за спиной? Может мне кто-нибудь объяснить это?

Я так и думал.

Но и моя удача должны была когда-нибудь закончиться. И она, паскуда такая, выбрала для этого очень неудачный момент. Дальнейший мой путь лежал через здание кухни — или камбуза, черт его знает, как правильно назвать — такое выбеленное, с закопченной жестяной трубой сверху. За ним уже виднелся оружейный двор, несколько пушек, какие-то ящики, истыканые пулевыми отверстиями мишени... У самых ворот стоял мой фургон, уже запряженный парочкой довольно смирных с виду лошадок. Казалось бы, чего еще желать простому контрабандисту и убийце?

Вот только во дворе было полно народу — с полдюжины солдат, не меньше, среди которых как минимум один офицер с револьвером наголо. И он не выглядел довольным.

— Черт! Это было близко! — я все нахлестывал лошадей, хотя чисто технически в этом не было особой необходимости, фургон и так несся во весь опор, подпрыгивая на камнях и угрожая окончательно развалиться на доски и гвозди примерно через полмили. Лошади хрипели и косились назад дикими выпученными глазами, взбивая мучную пыль выше развевающихся хвостов. Минут через десять они устанут окончательно и пойдут шагом.

Но организму нужно было сбросить бушующий адреналин.

— Да? Расскажи мне об этом! — взвинченный Бат даже забыл о своей обычной вежливости. Худое лицо блестело от пота, глаза бессмысленно обшаривали горизонт.

— Сарказм?

— Что ж еще!

— Ладно.

— А ты вообще не безграмотный мексиканец, парень, — он коротко и остро взглянул на меня. — Во всяком случае, не такой уж безграмотный, каким хочешь иногда казаться. Кстати — придержи коней.

— К черту, все еще возможна погоня.

— Придержи, говорю. Я вижу родник, нужно умыться. Да и лошадки уже языки за спины начинают закидывать.

Это был не совсем родник, скорее маленькая рощица, спрятавшаяся в узком разломе. Зеленая трещина в жухлом желтом теле пустыни. Посреди нее, прямо из яркой топкой лужайки, бил несильный, но чистый источник, превращающийся в ручей чуть ниже.

Бат спрыгнул с козел фургона — так называемой «шхуны прерий», также известной, как «Конестога» — длинной, грузоподъемной, крытой плотной тканью конструкции. Повезло, что она нам досталась, и повезло, что утащили — эта тварь тяжелая, скорость набирает медленно, но и инерцию имеет приличную. Счастье, что солдаты оказались слишком испуганы, чтобы организовать и продолжать погоню. Видно, тот повар оказался талантливым актером.

Счастье? Ха. Не самое распространенное слово в последнее время. Да и там, откуда я явился, оно, такое впечатление, тоже употреблялось нечасто. Чертовы провалы в памяти. Кем я был раньше? Где я был до того, как очнулся в Сан-Квентине посреди удушливой жары пустыни?

Вопросы звенели стальными колокольчиками в разных уголках моего мозга, распространяя странное темное эхо. Ответа не было. Но я не принадлежал этому месту, это было совершенно очевидно.

Я поглядел искоса на Бата, тот фыркал и плескался в ручье, от брызг на шесть футов вокруг стояла радуга.

— Кем ты был раньше, Батхорн?

Фыркание и радуга поутихли.

— В каком смысле?

— Ну, для меня почти очевидно, что ты не был чудовищем с головой быка, да и водяной гидрой мне тоже тебя представить малость затруднительно. Это оставляет последний вариант — на кого ты учился перед тем, как принять блестящую карьеру коммивояжера? Ведь не секрет, что по популярности с ней может соперничать разве что ремесло трубочиста

или городского ассенизатора.

— Трубочисты занятные парни, — пробормотал Бат.

— Серьезно?

— А? Нет-нет... Я учился на актера, конечно. Университет Лойолы, славный город Балтимор, три долгих года, тянувшихся, словно античные трагедии какого-нибудь Фукидида... Или то был Еврипид?

— Так ты, значит, актер? Ха. Ха.

— Что смешного?

— С чего ты взял, что мне смешно?

— Просто так — выстрел во тьме. Чужая душа потемки.

В этом был какой-то смысл, какие-то тайные символы, они словно плавали передо мной, на секунду выныривали из вязких глубин сознания, на долю секунды повисали в воздухе, показывая белое брюхо, и тут же снова с шумом и плеском уходили в глубину, под присмотр мыслей побольше и поугрюмее, эдаких затаившихся Левиафанов, мерцающих глазами-лампами в кромешной липкой тьме.

Темные души. Перемещение. Наказание.

— Откуда ты, Батхорн?

— Чикаго, я же говорил. Родина известного в этих местах адвоката Эйба Линкольна.

— Родился там?

— А, вот ты о чем. Нет, мы с родителями прибыли в сию обетованную землю из Британии. Слышал про такую?

— А я-то думал, что мне напоминает твой выговор... Англичанин!

— Ирландец, с вашего позволения... Лет пятнадцать назад кто-то в Парламенте решил, что ирландцев в Империи уже слишком много — плодятся что твои кролики. И, с присущим им гуманизмом, отравили всю направляемую в Ирландию еду.

— Как отравили?

— Ядом, — хладнокровно объяснил Бат. Не было ли в его темных глазах какого-то странного огонька? Нет, должно быть, просто отраженный от поверхности воды солнечный зайчик. — Умер каждый четвертый. Хвала моим родителям — умнейшие были люди, ну вот точно как я — подхватили меня в охапку и сели на первый же пароход Дерри — Лондон и Лондон — Балтимор. Полагаю, тогда-то я так и похудел. На самом-то деле мне повезло — хорошо, что не умер. На пароходе тогда люди мерли словно мухи...

Он скорчил какую-то непонятную гримасу, набрал в ладони воды и с уханьем зарылся в них лицом, словно тема была исчерпана, и не о чем было больше говорить. Может, так оно и обстояло.

Я с удовольствием вдохнул свежий воздух, напоенный влагой и все еще не искрящийся извечной пылью, к которой я за минувшие дни уже почти что притерпелся. Огляделся вокруг. А красиво здесь — вот именно в этом конкретном месте. Крошечная рощица, десяток жадно тянущихся к воде деревьев, дюжина кустов, ковер из влажной травы под ногами, переплетенные ветви над головой...

Наверное, это заложено где-то глубоко в подсознании каждого человеческого существа — получать наслаждение от созерцания своей естественной среды обитания. Заметьте — как мало людей готовы вечно смотреть на бесконечные ледяные поля Антарктиды. Наблюдателей ползучих сахарских барханов тоже днем с огнем не сыщешь. А здесь — вот, пожалуйста, даже конченный подонок вроде меня блаженствует, разлегшись на травке

посреди этого оазиса. Покой и умиротворение, и даже мысли какие-то дивные приходят, чужие. Остепениться, забросить эту чокнутую гонку за чужими головами, взять красивую бойкую девчушку — да вон хотя бы ту самую милую Изабеллу из больницы — и зажить себе ранчером на своей земле... А что, возможно, было бы и...

— Господь наш Отец-вседержитель, до чего ж хорошо, — Бат вылез из воды и принялся энергично растираться какой-то дерюгой, которую мы нашли в фургоне. — Кстати, мистер Хуан, не подумай, что я слежу за тобой, но я просто не мог не отметить, что ты никогда не упоминаешь о Господе.

— А должен?

— Хм... скажу так, это необычно. Все пройдохи и душегубы, которых я встречал на своем веку, обязательно были с ног до головы обвешаны настоящими и вытатуированными крестами и молились каждые полчаса. Просили у Отца Небесного прощения за те непотребства, что только что сотворили. Вероятно, волновались насчет попадания в Царствие Его. А тебя этот вопрос, как я погляжу, совсем не интересует?

— Не особенно. Видишь ли, я точно знаю, что бога нет.

Скользкий Бат покачал головой.

— Как ирландцу и католику, мне больно слышать эти слова, но поскольку шансов побороть тебя в рукопашной схватке у меня нет, ограничусь лишь кротким вопросом, сделавшим бы честь самому Спасителю: «как так?»

— Наш несчастный, погрязший в злобе и грехе мир, как ты, наверное, знаешь, вовсе не стоит посреди небесной тверди, — сказал я. — Он несется в темной и холодной пустоте, черном ужасе бесконечного и равнодушного космоса. За нами никто не присматривает, никто не отвечает на наши молитвы и вопли страха. Мы одни застряли на этой крошечной планетке. Совсем одни. И знаешь...

Он перестал прыгать на одной ноге, вытряхивая воду из уха.

— Что?

— Если бы люди чуть пошире открывали свои глаза, снимали шляпы и выбивали дурь из собственной тупой башки, они бы и сами это увидели. Что нет никакой разницы, христианин ты, иудей или, скажем, мормон. Твои поля всегда засыхают, курыдохнут, а посевы сжирает саранча. Твои родные всегда умирают, порой в муках, как бы сильно они ни молились. Младенцев уносит лихорадка, а праведники заканчивают свои дни в петле.

— Это...

— Чистая правда. Торжествует невежество и жестокость. А, у соседа Джона град побил весь маис? Он плохо молился, бог наказал его! А, у меня перестали доиться коровы? Это испытание господне, ведь я добрый христианин! Но истина в том, что всегда кому-то хорошо, и всегда кому-то плохо. И для осознания этого простого факта вовсе не нужно читать сотни страниц книги, написанной на мертвом языке тысячи лет назад. Дела обстоят куда проще. В каждый момент нашей жизни кто-то страдает, а кто-то наслаждается. Таков порядок вещей. И в моих интересах наслаждаться этим порядком как можно дольше.

Ручей журчал. В зеленых кронах посвистывал легкий ветерок.

— И что же, — вежливо проговорил Бат, лицо темное от гнева, — по-твоему выходит, что нами руководит чистый случай?

— По-моему, — сказал я, — нами руководим мы сами. Наши мысли и дела. А случай — это то, что большинство олухов вокруг принимают за бога.

В общем, ситуация складывалась неважная. Мыслей в голове не было — ни одной. На голову давило тяжелое солнце, заливая за шиворот горячие струйки, по воздуху из кухни разливался запах какой-то стряпни вроде каши, вразнобой перекликалась отдыхающая смена за спиной — и тикали, тикали часы. Каждая минута, что я проводил в размышлениях, приближала меня к провалу, и каждую минуту у меня становилось минутой меньше.

Мыслей, как перестрелять шестерых вооруженных солдат и офицера, не поднять тревогу и не привлечь ничего внимания, а также увести со двора фургон с оружием, как я уже говорил, не было.

Никаких.

Тогда-то и проснулся тот парень. Тот самый голос в голове. Он всегда мне помогал.

«Что-то я проголодался», — сказал он. — «Не мешало бы перекусить».

«Какого черта...»

«Делай что я говорю».

Сознание реагировало странно — в глазах ползали будто бы черные пятна, озаряемые временами болезненно-яркими вспышками. Голова казалась горячей, словно кастрюля с рагу.

«Двигайся!»

Пошатываясь, я направился к зданию кухни. Запахи все усиливались — похоже, это и правда было овощное рагу. Редкие деревца бросали жидкую тень на белый от солнца двор. Дверь оказалась не заперта.

«В кухне вряд ли много народу. Черт, да готов спорить, что повар здесь один-одинешенек!»

«Что за дьявольщина...»

«Помалкивай. Говорить будешь, когда стану говорить я».

Помещение было тесным и душным — по сравнению с ним снаружи, можно сказать, царил арктический холод. Ряды столов с раскрытыми дверцами, кастрюли, сковородки и какие-то жестянки строились рядами непослушной армии на полках и столешницах. На плите, вокруг которой все было измазано углем чуть ли не до потолка, суетился и что-то бормотал плотный человек в грязном фартуке. На голове, исключая возможные толкования, возвышался самый настоящий поварский колпак.

«Нож».

Я перехватил нож поудобнее.

— Обед будет через час, — не оборачиваясь, отрезал парень в поварском колпаке. — А если снова за ромом или текилой, то катитесь к дьяволу. Они для соусов и настоек, а не ваших пьяных харь.

«Повторяй за мной...»

— У тебя большая семья, сеньор? — повар чуть не подпрыгнул, оборачиваясь. Я и сам был удивлен — мой голос будто загустел в жарком, пропитанном паром и запахами воздухе, — он тянулся будто расплавленный сахар. Вот только ничего сладкого в нем не было.

— Что? — он пригляделся. — Какого черта, ты не из наших!

— Сеньор очень наблюдателен, да, сэр, — согласился я. — Соблаговолите взглянуть на

этот нож. На нем довольно крови, сеньор, но вашей пока нет. И так оно может и остаться, понимаете, о чем я толкую, э, амиго?

— Мародер, значит? — ощерился повар, разворачиваясь уже полностью. В руке у него тоже обнаружился нож, вроде бы кухонный, но длинный и даже на вид острый. Настоящий тесак. — Большая ошибка, что ты зашел сюда, мексиканская падаль!

Я прислушался к интересным штукам, что нашептывал мне голос в голове.

— Кажется, мы с ребятами видели в деревеньке у форта хижину, возле которой сушился поварский фартук — ну точно такой же, как у тебя. Миленький домик. И довольно большой. Много детишек, значит?

— Что? — повар мигнул. Лоб у него стал весь мокрый.

У меня что-то случилось с лицом — оно словно лопнуло, перестало слушаться мышц и вроде как обвисло.

— А зачем столько детей человеку, который не умеет принимать правильные решения? Выйду, пожалуй, во двор, свистну своим ребятам — пускай начинают именно с твоей халупы. Я думаю, солдатики не успеют туда добежать, если что. Нет, не успеют. Счастливого оставаться, сеньор бездетный вдовец.

Я сделал шаг назад. Удушливо пахло подгоревшими помидорами.

«Недурно, парень. Не на пять с плюсом, но недурно».

— Стойте!

Нож — да нет, настоящий тесак! — полетел на пол. Лицо у повара было — хуже не придумаешь.

— Господи, пожалуйста! — он не упал на колени, но ноги явственно тряслись. — Сэр, ради всего святого, что у вас есть, не трогайте их!

— А нет у меня ничего святого, парень, — сказал я, приближаясь. — Нету.

— Постойте, — повторил он уже тише. Вытер лоснящееся лицо. Губы у него тоже дрожали, слова превращались в кашу. — Что вам нужно? Вам же что-то нужно, так?

«Вот ты и почти на месте, парень. Как хорошо получилось, верно?»

— Три вещи, сеньор, — показал я на пальцах, что их действительно три. — Первое: ваше имя.

— 3-зачем?

— За шкафом, — широко улыбнулся я, и повар — ей-ей! — проникся.

— Рональд Кук.

— Кук! Не врешь?

— Нет, сэр.

— Кок по имени Кук, — покачал головой я. — Надо же. Или тебя называть «шеф»?

— Не знаю, сэр.

— Так и есть, будешь шефом. Итак, шеф Кук, вторая вещь, очень важная: я хочу, чтобы ты убрал эту сковороду с помидорами с огня.

— Сэр?

— Помидоры, тонто! Лос томатес! Здесь воняет.

Сковородку он тоже сдвинул довольно быстро.

— Ну и последнее, самое простое, — сказал я, прислушиваясь к парню в голове. — Расскажи, что это за солдаты толпятся на стрельбище вон там, и чего от них хочет этот зловещий офицер, этот пес гордо.

— А, эти... — он скосил глаза за окно. — Лейтенант Куртц вчера обнаружил, что кто-

то из солдат сговорился с контрабандистами и собирался переправить им фургон с оружием, вон тот.

— Один из этих бедолаг — тот самый мерзавец?

— С вашего позволения, сэр, тот самый мерзавец был расстрелян на рассвете. Это возможные сообщники.

— Суровый парень этот лейтенант. Тогда вот что — последняя просьба. Понимаю, что я обещал всего три, но так уж сложилось, вроде как бонус. Минут через пять-семь к тебе сюда подтянутся эти самые солдатики. Они будут перепуганы и растеряны. Ты уж позаботься, чтобы им в голову пришли только правильные мысли. Например, об отдыхе и хорошем послеполуденном сне. А никак не о погоне со стрельбой и прочими ненужными излишествами. Совсем несложно, согласись. Особенно учитывая возможную альтернативу.

— Капитану я скажу, что в тебе было семь футов росту, — повар больше не трясся, он, похоже, сделал свой выбор. — Кулачищи пудовые, глаза налиты кровью, вылакал пинту рома за один присест. Я простой кок, что я мог тебе противопоставить?

— Верное решение, шеф Кук. Думаю, ты справишься — и с ромом, и со всем прочим. Вот только... — Я приблизился вплотную. От шефа пахло вареными овощами, потом и страхом. — Я могу тебя убить. Прямо сейчас, прямо вот этими руками. И дернуться ты не успеешь. И семью твою прирежу — от мала до велика. Прирежу, и зайду в ближайшую таверну, и плотно пообедаю. Ты мне никто. Черт, да и все остальные на этой чертовой земле мне никто. Я хочу, чтобы ты это понимал.

— Понимаю, — ответ прошелестел как сухие листья по полу заброшенной хибары.

— Ты можешь, конечно, попробовать ударить мне в спину. Или, скажем, натравить на меня погоню. Но подумай вот о чем. Сейчас мне нужен только этот фургон. А погоня... что ж, убить меня не убьют, но тогда у меня появится причина вернуться. И разговоры разговаривать, и давать разные смешные обещания я тогда не буду. Это тебе тоже следует понимать. И рассказать тем парням, которые в скором времени сюда вломятся.

«Ну, прямо мои слова, дружище, — одобрительно отозвался из головы тот парень. — Просто с языка снял».

Вот я вижу, что вы мне сейчас не доверяете, сомневаетесь в моей способности разобраться с каким-то жалким десятком солдат, да еще с офицером во главе. И мне, должен сказать, довольно обидно это слышать. Разве из всего произошедшего ранее вы так и не сумели сделать нужный вывод? Но я прощаю вас. Вы попросту невнимательны, вы пропустили самую суть этой истории. Впрочем, я тоже ее пропустил, за что искренне прошу прощения. Я самую малость подустал. Я не спал два дня. Но все еще в норме. Угрюмый мексиканец Хуан держит ситуацию под полным контролем.

Задняя дверь кухни. Ну и вонища, они что здесь, помои едят? Короткий переход в соседний двор, на этот раз без охраны. Оно и к лучшему, притомился я что-то глотки резать. В небе чокнутым мародером буйствует солнце, весь чертов форт затоплен ослепительной жарой. От нее тянет в сон, но это ничего. Это подождет. Ветхая калитка хорошо смазана — не скрипит. Зато впереди... впереди слышны голоса.

— В последний раз задаю вопрос, обезьяны! Кто из вас, упырей, помогал покойному рядовому Блэку?

Невнятное бормотание.

— Не слышу!

— Мы ничего не знаем, сэр.

— Чертова ложь, не будь я лейтенант Куртц! Один из вас, а возможно и больше, знает куда больше, чем говорит. А точнее, не говорит! В общем так, макаки: последний шанс. Я даю вам ровно минуту, одну чертову минуту для того, чтобы сделать признание. Никто не признается — что ж, придется расстрелять всех шестерых, в рамках укрепления дисциплины. Время пошло, но хронометра у меня нет, так что соображайте быстрее.

Вот еще что всегда меня поражало. Солдат шестеро, хотя и безоружных, а лейтенант всего один. Если хотя бы трое бросятся на него одновременно, застрелить всех он ни за что не успеет. Черт, да у него даже револьвер не взведен, настолько он уверен в себе. Но никто не бросается. Голова среднего солдата всегда забита размышлениями о возможных последствиях: что потом сказать капитану, как объяснить ситуацию. Не придется ли отправиться на каторгу? Грядущее переселение в небытие их, похоже, заботит куда меньше. А может, в чьей-то тупой голове еще теплится отчаянная вера, что виновный сейчас во всем признается?

Напрасные надежды, в любом случае. Очень удачно, что у них есть я.

Я крадусь у стены ближайшего сарая — черт его знает, для чего он предназначен, но у меня на него большие планы. Дверь не заперта. Внутри пыльно и темно — счастье, что у меня на лице шейный платок, а в темноте я вижу не хуже какого-нибудь волка. Окна всего два, и одно из них выходит как раз на тот злополучный двор, где лейтенант Куртц планирует осуществить массовую казнь. Теперь главное играть убедительно. Хороший расчет времени — и дело может выгореть.

— Что ж, гамадрилы, — сухой и жесткий голос лейтенанта хлыстом полосует жаркую тишину. — Я давал вам возможность остаться в живых, вы ей не воспользовались. Некого винить, кроме самих себя. Это армия. Должна быть дисциплина.

Солдатики тем временем совсем приуныли — мокрые от пота тени едва-едва разбавляют сухой песок. Стадо. Безвольное и тупое стадо. Мне нужны сейчас именно такие.

Лейтенант взводит курок, то же самое делаю и я. Звуки сливаются в один и не привлекают внимания.

— Да смилуется господь в своей неизбывной доброте над этими глупыми крестьянами, — говорит лейтенант. Я не говорю ничего и мягко тяну за спусковой крючок.

Тут мне не везет. Вернее сказать, не везет одному из солдат. Слишком долгий мертвый ход у моего револьвера, а пристрелять его как следует все руки не доходили. Поэтому лейтенант все же успевает выстрелить первым, ствол его револьвера окутывается облаком вонючего синего дыма, а одна из фигур в застиранной серой форме шатается и валится оземь.

— А-а-а-ах, — выдыхает кто-то из оставшихся стоять на ногах.

Прошу прощения, мертвый парень, ты был незапланированной жертвой и ты пал не от моей руки. Если тебе так легче, то убийца понесет заслуженное наказание.

Бах!

Вот так.

Практически, между выстрелом лейтенанта и моим, пробившим ему грудь с левой стороны, проходит самое большее секунды три.

— Что это? — говорит он своим скрипучим голосом, одновременно разворачиваясь и медленно оседая. Лейтенант битый волк, старая школа, он еще пытается держать марку и проигрывать достойно, но револьвер в его руке дрожит и смотрит стволом в землю.

— О, ничего особенного, — отвечаю я, выходя из своего укрытия. — Не задерживай

очередь, парень, получил свою пулю — отваливай. Харон уже заждался.

— Абердох... нур айнцих... ферфлюхте хунд... — он бормочет что-то еще, валяясь в пыли и скребя по земле сапогами, но меня это уже не занимает. Это отнюдь не конец, и на меня теперь смотрит пять пар перепуганных черных глаз. Ситуация щекотливая, и одно неправильное слово, одна лишняя интонация могут закончиться совсем нехорошо. Убить, конечно, не убьют — без оружия-то — но с фургоном можно будет распрощаться навсегда. С первым в моей жизни здесь контрактом.

Важный момент: лейтенант уже выбыл из игры, но его положение в цепочке командования понятно, и за убийство офицера предусмотрено вполне конкретное наказание. А вот меня в этой цепочке нет совсем, и что им обломится за мою смерть — пока неясно. Именно этим, а вовсе не их бараньей покорностью перед лицом смерти, я склонен объяснить тот факт, что я все еще жив. Предпочитаю не думать о людях плохо.

— Лейтенанта больше нет, — говорю я негромко. — И сделал это я.

Ноль реакции. Парни обалдело пялятся то на тело товарища, то на валяющегося на земле офицера. Наконец один хрипло выдавливает:

— Он застрелил Уилла!

— Именно так, — соглашаюсь я. — Лейтенант Куртц застрелил Уилла, а я застрелил его. Такой уж я человек — не могу пройти мимо несправедливости. И теперь он мертв, а вы, наоборот, живы.

— Я... еще... — доносится откуда-то сбоку. Живучий парень, даже завидно.

Рядовые смотрят хмуро.

— А нам-то что? — цедит наиболее догадливый. — Как теперь?

— Обыкновенно, воины, — радую открытием я. — Пять минут назад у вас был один путь, в неглубокую песчаную могилку за воротами форта. Сейчас появились варианты. Скажу честно: я здесь не по его душу и не по вашу. Мне нужен только этот фургон. Покойный рядовой... как его... Блэк — вот, он был мой человек. Но раз его нет, справлюсь сам. Мешать мне не следует — мне что одного положить, что вас всех, глаз не моргнет и рука не дрогнет. Если броситесь вместе, то вы меня, конечно, завалите, но как минимум трое об этом никогда не узнают.

— Что от нас нужно? — ну, хотя бы за одного парня можно сказать спасибо его родителям, не полный идиот получился. Соображает.

— Не мешать мне. Организованно отступить в кухню — ваш повар тоже работает на меня, как и парни за этими воротами.

— Повар Кук твой человек?

— Точно. Он расскажет, что делать. Придумаете легенду — историю, которую будете рассказывать потом капитану и подслеповатому каптенармусу. Я бы советовал вот что: в оружейный двор неожиданно ворвался бешеный громила с дробовиком наперевес. Косматый, рыжий, рычащий на непонятном языке — возможно, русский, их неудивительно встретить в этих местах после ликвидации Форт-Росс в Калифорнии... Негодяй обезоружил героического лейтенанта Куртца и убил из его револьвера беднягу Уилла, после чего изрешетил и самого лейтенанта. Далее направился к фургону, но вы залегли и больше ничего не видели. Красивая история. Даже жаль, что все было не так.

— Солдаты, — прохрипел из пыли Куртц. — Вы же давали присягу... Убейте этого мерзавца немедленно... это приказ!

— Помолчи, Ганс, — отмахнулся я. — Скучный ты какой-то. И кстати, отдай-ка сюда

свой револьвер, нужно же соответствовать легенде... О, «Колыт Уокер», хорошая вещь, оставлю себе.

— Вообще-то, его благородие зовут Вальтер, — рассудительно сказал догадливый рядовой. — И это... может, пристрелить его?

— Боец, ты невнимателен, — пожурил я парня. — Во-первых, это лишний расход патронов, во-вторых, выбивается из талантливо придуманной мной истории. Ладно, парни, поговорили и хватит, здесь наши дороги расходятся. Шуруйте к повару, повторите легенду, а мне пора.

Они молча, гуськом втягиваются в открытый рот задней кухонной двери, и мне почему-то становится их жалко.

— Да, вот еще что, — вспоминаю я. — Скажете, что безуспешно пытались оказать помощь смертельно раненому лейтенанту, но было уже слишком поздно. Он истек кровью и погиб как герой. Ему все равно, а кому-то из вас, возможно, обломятся сержантские нашивки. Все. Счастливо!

И я вижу одну или две поднятые в прощальном взмахе руки.

* * *

Я подождал, пока из крохотного прудика стечет иссиня-черная после купания Бата вода и искупался сам. Погоня, ярясь взмыленными лошадьми и стреляя в воздух из револьверов, так и не объявилась — да, слабо в этих местах с несением службы. Мексиканцы могли бы снова отвоевать весь штат себе обратно — да только в их войсках творится такая же чертовщина. Но я, как говорится, буду последним, кто станет на это жаловаться.

Мы перекусили какой-то легкой снедью, которую предусмотрительный пройдоха умудрился стянуть из деревни, и отправились дальше. Солнце, для разнообразия, было на нашей стороне — оно упряталось за тонкую пелену облаков, а ветер гонял по прерии пыльные смерчи, затрудняющие наблюдение. Вдали — но уже куда ближе, чем раньше — вырастали желтоватые, морщинистые, как стариковская кожа, горы.

— Мистер Хуан?

— Можешь опускать обращение, парень, кроме нас двоих здесь все равно никого нет. Кроме того, это вовсе не мое настоящее имя.

Настоящего я все еще не помнил.

— Похоже, из форта за нами нет погони.

— Все ждал, пока ты заметишь.

— Это потому, что ты... что вы... там всех...

— Убил? Именно так, парень. Что мне тамошняя рота ленивых и еле живых от жары ненес? На один зуб. Порешил их там всех. Выпотрошил, как куриц. А потом сожрал.

На самом деле, когда я отпирал ворота там, в форте, я был весь мокрый, словно мышь. Потому что за спиной, на кухне, в компании шефа Кука, сидело пятеро здоровых деревенских парней, и, как я и говорил, в голову им могли прийти самые неправильные мысли. И все мое безумное, нечеловеческое везение мне бы не помогло. Поэтому брус, запирающий ворота, я снимал очень неторопливо и аккуратно, и открывал их тоже медленно, с полным пониманием протирающих в спине дыру полудюжины злых глаз.

А потом просто уселся на козлы, хлестнул вожжами застоявшихся лошадок и, не

мешкая, укатил, сделав знак ожидавшему снаружи с заводными лошадьми Бату следовать за мной. В галоп мы сорвались уже чуть позже, метров через сто. Играть роль неуязвимых и дерзких демонов следовало тщательно.

— Я бы не удивился, сэр, — замечает Бат, совершая челюстью жевательные движения. — Нет, сэр, не удивился бы. И однако, грех жаловаться. Погони нет, груз при нас, и при всем этом — ни царапины, ни самой завалящей ссадины! Дело, конечно, скверно пахнет, да и без мокрухи не обошлось наверняка, но на моих руках крови нет. Нет, сэр, ни капли.

— Рад за тебя, Батхорн. Тот, кто боится замарать руки, напоминает мне человека, который хотел бы поест, но не желает брать в руки ложку. Можно, конечно, есть и так, но цивилизованные люди давно придумали более удобные инструменты. Не стесняйся их использовать, здесь все свои.

Сквозь вязкую дневную тишину проклевывался острым цоканьем перестук копыт — мы медленно въезжали на плоскогорье. Скорость теперь придется сбросить — этот фургон определенно не предназначался для гонок — но и торопиться больше не нужно, любую погоню мы увидим теперь издалека.

— Черт!

— Накаркал, парень, — я приглядываюсь. Так и есть, со стороны перевала приближались трое всадников. Формы не видать, только это ничего не значит по нынешним временам — может, регулярная армия, потрепанная в пограничных стычках, может милиция, а может, простые бандиты. Честно говоря, на наше дальнейшее общение эта разница не очень сильно повлияет.

— Стоять! — повелительно поднимает руку передний всадник. Здоровенный могучий детина, заросший пыльной бородой, в широкополой шляпе и желтоватом плаще. Как ему не жарко на солнце-то? Хотя здесь, вроде бы, климат чуть холоднее — не равнина все же. — Кто такие, куда направляетесь?

— Торговцы мы, — заискивающе улыбается Бат, сверкнув мелкими зубами. — Направляемся из Форта-Стенли в... впрочем, куда нас занесет в своем всеведении Господь наш Иисус.

— Аминь, парень, — хмуро отвечает бородатый. — Мы разыскиваем опасного преступника, перерезал уйму людей в Абсолюшене и других местах. Особенно не жалуется одиноких путников.

Он спешивается. Поганые дела, значит, будет досматривать фургон. Уравняем шансы.

Спешиваюсь тоже.

— Вы рассказываете ужасные вещи, сеньор. Как же выглядит этот жестокий каброн, этот брибон десграсьядо?

Бородатый глядит подозрительно, но вынимает из-за пазухи какую-то бумагу.

— У меня тут записано, — бормочет он. Парни за его спиной с лошадок слезать не спешат, контролируют. Да и плевать, Скользкий Бат знает, что делать, если дела, как говорится, пойдут на юг^[2]. — «Высокий мужчина...» ну, это понятно... а, вот: «мексиканец. Усатый, загорелый. Голос хриплый, грубый.»

— Весьма подробное описание, эсе, — соглашаюсь. — Но есть одна беда — под это описание подходит половина жителей Нью-Мексико и Техаса. Даже я, к примеру.

Громила неразборчиво хмыкает.

— А ведь так и есть, амиго... так и есть... голос грубый... мексиканец... загорелый,

усатый... Эй!

Нож выныривает из моего левого кулака, как подсеченная рыба из воды — быстрой ослепительной вспышкой. Я опасался, что под бородой может скрываться защитный кожаный ворот — некоторые из моих знакомых такие носили. Это не остановило бы нож до конца, но сильно затруднило бы мою работу. Но парень, похоже, надеялся только на бороду — и острие мягко входит под подбородок.

Правой рукой я в это время взвожу курок и стреляю с бедра. Стрельбе с бедра нужно долго учиться, но я не учился, и я промахиваюсь.

— А-а-а-а... — хрипит мертвый здоровяк. Из-под бороды и шейного платка что-то неприятно чавкает и пахнет горячим металлом. Он пытается упасть — но меня не проведешь, хмурые ребята верхом играют с ним заодно и наверняка укокошат меня сразу же. Нужно помочь ему удержаться на ногах.

— Вашему командиру плохо, парни! — рывкаю я, горбясь, словно карлик из Нотр-Дам. Ниже силуэт, больше шансов. — Есть среди вас медик?

Хрясь! В плечо хрипящему врезается пуля, разбрызгивая вокруг красное. Что за люди, по своим же стреляют. Никакого понятия о чести и субординации.

Взвести курок. Ствол на разорванное плечо. Взять прицел.

Бах!

Жара. Конское ржание. Одурачивающий запах металла под носом.

— Чертов мокроспинник! — орет кто-то с той стороны. — Ты заплатишь мне за эту кобылу! У бедняжки дыра в брюхе размером с кулак!

— Я ведь спрашивал насчет медика, бато! — ору я. — И что стоило ответить!

Бах!

Голубой дым над желтым песком. Серые скалы вдалеке. Невозможно синее небо. Красная кровь. Запах пороха и испражнений.

Парень, который жаловался на свою лошадку, больше не жалуется. У него есть на это веская причина — отсутствующая голова. Ладно, голова на месте. Большая часть. Зато нет меньшей. Вместо нее какое-то месиво из желтых и белых осколков лицевой кости. Хороший был у лейтенанта Куртца револьвер. То есть это лейтенант — был, а револьвер имеется и сейчас.

Остался всего один молчаливый мерзавец. Эль Силенсьозо. Но он вовремя спешил, спрятался за трупом лошади и не подает признаков жизни. Неприятно. Притворяться мертвецом — как это низко. Того и гляди настоящие мертвецы могут принять за своего и прихватить в долину смерти темной.

А почему бы и нет?

Кряхтя, забрасываю тело бородача на его же лошадь — та храпит, дико глядит огромным черным глазом, но не сбегает. Шлепаю ее плашмя револьвером по крупу — иди, мол. Прочь, уходи, не задерживай. Иди к своим.

Потому что свои для тебя — мне совсем чужие.

Лошадка нерешительно переступает копытами и приближается к тому месту, где залег последний противник. Труп, переброшенный через седло, покачивается, словно прикидывает, в какую сторону будет удобнее свалиться. Я знаю правильный ответ, но не подсказываю. Ни в какую.

Фитиль у динамитной шашки, спрятанной под телом, догорает, когда до цели остается метра полтора. Взрыв звучит неубедительно — на открытом месте-то я впервые работаю —

но результаты меня устраивают. С коротким придавленным ржанием лошадь заваливается на бок — ей перебило позвоночник. Залегшего молчуна сечет осколками и ошметками плоти, и он с диким воплем подскакивает из укрытия. И я спокойно влепляю пулю ему в корпус. Вот и все.

Говорят — убивать может не каждый. Говорят, трудно смотреть в лицо человеку, которого лишаешь жизни. Говорят, нелегко настроить свой мозг — дорогую игрушку, подаренную царю вселенной — на готовность отобрать у другого то, что тебе самому ни к чему.

Ерунду говорят. Все зависит от цели. Если у тебя цель — пройти дальше, а у врага — задержать насколько возможно, то побеждает тот, чья задача важнее. Как это определить? Легко — чем ты готов пожертвовать ради ее достижения? У меня, к примеру, нет ничего. А у кого нет ничего, у того есть все.

А значит, я готов пожертвовать всем.

Поэтому я побеждаю.

Осталось разве что собрать оружие да припасы — из тех, что не слишком заляпаны кровью и кишками и не воняют дерьмом из конских потрохов. А также достать моего отважного напарника из-под фургона — впрочем, именно это он и должен был сделать по нашему уговору. Спрятаться и не отсвечивать, пока не уляжется пыль.

Я достаю. Напарник пылен, бледен и ворчлив.

— Черт возьми, мистер, — Бат мельком оглядывает поле боя, бледнеет еще сильнее, затыкает большие пальцы за ремень и снова принимается нервничать. — Мы начинаем оставлять за собой слишком много окровавленных трупов, вам не кажется?

— Заткнись, Батхорн. — Я сплевываю, и плевок, кажется, испаряется еще в прозрачном чистом воздухе. Так решаются все вопросы между людьми. Минута странных, дерганных движений, вонючие облака дыма от выстрелов, темное пятно на земле — и дело сделано, спектакль окончен, загорается свет, и все вроде бы осталось как прежде, только один актер стоит, а другой лежит. И тот, что стоит, называется победителем. — К твоему сведению, мы никогда и не прекращали это почтенное занятие.

Болела голова. Все тело ныло, будто я без конца катался покатоком на каменной мостовой — тупо, глухо, без точной локализации. Нет, не похоже было, что меня били — просто организм отказывался работать как следует. Организму, похоже, было плевать на жизнь, и небо, и бабочек, кружащихся в неподвижном воздухе. Он просто хотел уснуть и не просыпаться.

Крайнее нервное истощение.

Я попытался открыть глаза, и вдруг сообразил, что они и без того давно открыты — только толку из этого не было никакого; передо мной колыхалась какая-то серая муть, раскрашенная кое-где неяркими розовыми полосами. И влетали в ослабевшие уши едва слышимые звуки — то ли шорох, то и хихиканье. А что с запахами? Я втянул в легкие воздух. Нет, запахов тоже не чувствовалось. Что это за место, в чем дело?

— Вы меня слышите, мистер Ленарт?

Голос прилетел из ниоткуда, он словно раздавался откуда-то из глубины черепа. Знаю я этот голос, он называется шизофренией — когда ты начинаешь беседовать с людьми внутри своей головы. С другой стороны, может быть, за этим пологом серой дымки кто-то стоит и дожидается моего ответа? Нельзя исключать и такую возможность.

Я кивнул, но вдруг сообразил, что из-за чертового тумана мой собеседник может меня не увидеть, и потому кивнул еще несколько раз. Неожиданно это оказалось очень удобно и успокаивающе, поэтому и решил пока не прекращать. Быстрые движения головы почему-то расслабили меня, потянуло в сон. Вот только спать было нельзя: спящий человек — уязвимый человек.

Нет, никакого сна пока.

— Мистер Ленарт?

В голосе появилась тревога.

Я решил покачать корпусом из стороны в сторону — вдруг он и вправду меня не видит? Это ощущалось еще лучше, возможно, стоило бы вскочить со стула и попрыгать в полный рост — это помогло бы мне прочистить мысли и наконец понять, где я нахожусь, но сделать этого не удалось.

Постойте-ка!

Я ведь и вправду сидел на стуле! Более того, я был пристегнут к нему какими-то эластичными ремешками, тонкими и не слишком прочными на вид.

Ну, вот, кое-что начало проясняться.

Я радостно засмеялся.

— Мистер Ленарт, вы понимаете, где находитесь?

Пожалуй, стоило ответить; этот голос, наверное, не собирался от меня отставать. Я сосредоточил взгляд и представил, что где-то далеко впереди передо мной стоит на одинокой скале приземистый красно-белый маяк. И он все светит своим фонарем, он все светит, а волны вокруг скалистого острова все кипят, и вздымают острия белоснежной пены, и бородатый смотритель, попыхивая трубкой, качает головой, и закрывает накрепко все двери, но маяк все светит, указывая мне путь...

Эврика!

Острый, отточенный, словно грифель карандаша, луч сверкнул из мутной хмари и

развевал мрак. Тьма рассеялась. Я сидел посреди белой комнаты, стены которой были выложены правильными шестиугольниками, тоже белыми. Слева было широкое окно с закругленными углами, справа — низенькая белая кровать. Прямо передо мной стоял приземистый столик на одной ножке, как в кафетерии, а с другой стороны за ним сидел человек в белом халате и очках на бритом лице. Высокий, тощий, как щепка, и лысый как картошка. В руках он держал секундомер.

Ну что ж, пора бы вспомнить правила вежливости.

— Здравсьте, — сказал я. Голос звучал хрипло. Может, я слишком долго до этого кричал. А может быть, он у меня всегда был таким.

На секунду меня охватила паника. Я не помнил, кем был раньше.

— Мистер Ленарт, — человек передо мной бросил взгляд на окно справа. — Вы понимаете, кто вы, и где находитесь?

— Само собой, — сказал я. — Можно мне воды?

— Разумеется, — человек снял очки, отложил секундомер, наклонился и достал из-под стула пластиковый кувшин с водой, налил немного в тонкий пластиковый же стаканчик, подошел и влил воду мне в рот.

Какая все же гадость эта ваша вода. Мокрая, безвкусная, без всякого стержня внутри. Гадость. Никогда ее не пью.

Человек вернулся на свое место, поставил кувшин на столик и уселся, закинув ногу на ногу. Секундомера я больше не видел — тревожный признак, но зато из нагрудного кармана у него торчал тоненький карандаш. Отличная новость! Каран д'Аш — звучит почти как французская аристократическая фамилия.

— В таком случае, не сочтите за труд — назовите свое имя, должность и звание, — сказал он. Я буквально слышал шорох шестеренок за этим чертовым окном слева. Кого они там держат? Разумеется, монстров. Чудовищ, которые несомненно должны испугать меня, заставить сотрудничать. Склизкие, холодные рыбины, вот что там находится — мерзкие на ощупь, будто шелк перед тем, как он начинает гнить. И еще сухие, дымящиеся сухим песком насекомые, возможно, бурого цвета. Но ничего. Без моей оплошности они оттуда не выберутся. А если я сыграю умно, не видать им этого как своих ушей.

— С удовольствием, мистер... о, а кто вы такой? — очень натурально удивился я. — Довольно невежливо допрашивать связанного человека, не представившись самому. Кто вы? Что это за место? Я требую ответов по всей форме.

Последнее вырвалось у меня довольно случайно, но человек кивнул и снова нацепил на нос очки.

— Это вполне естественно, мистер Ленарт, — донеслось до меня. — Меня зовут доктор Химмель, я ваш лечащий врач здесь, в больнице Сан-Квентин.

Слова звучали путано и глухо сливаясь в неразличимый гул. Бу-бу-бу... Но я был сильнее этих пошлых букашек, я открыл глаза пошире и уставился на доктора Химмеля напротив.

— Почему... Сан-Квентин?

— Что же, я вижу, у нас начинает налаживаться полноценный разговор, — доктор сделал карандашом пометку в блокноте, который держал на коленях. — Это хорошо. Я вижу в этом положительный знак. Видите ли, мистер Ленарт, так уж принято, что сотрудников Корпуса, которые... хм... стали профнепригодны в ходе выполнения своих обязанностей, обычно отправляют сюда. Мы их лечим, пытаемся реабилитировать, если это удастся —

редко, должен признать — и возвращаем на службу. Если имеется такая возможность, конечно. Относительно вас я пока достаточно оптимистично настроен.

Профнепригодны — слово застряло у меня в голове, как заноза. Непригодны к выполнению своих профессиональных обязанностей, вот что это значит. А были ли они у меня? Конечно, были. Я — профессионал, я зарабатываю себе на жизнь тем, что умею лучше всего. А я умею... многое.

Выстрел. Крик.

Удар. Звук падения.

Взрыв.

Темнота.

— Вы помните что-то, предшествующее вашему... пребыванию здесь, мистер Ленарт? — Доктор Химмель устремил на меня сверкающий взгляд, будто хотел продырять. Но глаза то и дело стреляли в сторону непрозрачного стекла. Он тоже боялся монстров за ним, это было ясно. — Что-нибудь конкретное?

Воспоминания у меня имелись, разумеется. Корпус и какие-то сотрудники, конечно, были полнейшей — дождь, впереди только дождь, ничего кроме дождя, водяные столбы, сквозь которые бесцельно шарят прожектора вертолетов, и темная громада станции впереди, и только бег, быстрый, невесомый, и тяжелое дыхание, вырывающееся облачками пара, и промокшие пряди рыжих волос, и злые золотистые глаза — чушь, но что-то в них было. Да, словно отблеск от далеких фар приближающегося по затянутой туманом трассе автомобиля.

Да нет, дело ясное, доктор крепко не дружил с головой, такому опасно задавать любые вопросы. Да и не стоило забывать о монстрах за стеклом, не говоря уже о смотрителе маяка — суровом бородатом мужчине, скрывающемся за своей дверью, словно моллюск в раковине.

Огонь. Темнота.

Я отрицательно помотал головой и широко улыбнулся.

— Ни малейших, доктор. В моей чертовой башке темно, как в угольной яме.

Отчаяние. Опустошение.

Они все заслуживают смерти.

— Что ж, — доктор поднялся, белый халат зашуршал как похоронный саван. — Полагаю, тогда на этом можно пока...

Я не сдвинулся с места — ни на дюйм, клянусь честью. Просто сильно и отрывисто пнул свободной ногой стоящий между нами столик, он не был прикручен к полу, я проверил заранее. Столик взвизгнул, как приведенная на бойню свинья, шаркнул по полу и врезался доктору Химмелю чуть выше колена.

Рефлексы — забавная штука. Его тряхнуло, словно от электрического разряда, он нелепо замахал руками и потерял равновесие. Тут-то я и начал двигаться — стремительным, мягким движением — и не успел он опомниться, как я уже стоял у него за спиной, одной рукой заломив его руки назад, а другой взяв в захват шею. Да, забыл сказать, в этой второй руке у меня был зажат коротенький острый карандаш. Только теперь он уже ничего не писал. Теперь он был нацелен прямо на яремную вену незадачливого эскулапа.

— Знаете, что, доктор, — я был настроен поболтать. Наверняка монстры за стеклом уже всполошились и принимали меры, но пока в комнате было пусто, и ничто не могло помешать нашей маленькой беседе. — Открою, пожалуй, для начала вам страшную тайну — жизнь вообще совсем не такая, как вам кажется. То есть ничего не мешает вам думать, что

это сплошь прекрасные закаты и зеленые дубравы и бескрайние луга, конечно. Любовь и преданность. Нежность и мужество.

Доктор Химмель захрипел и завращал глазами. Я их видел — только самые белки, мечущиеся между веками, слово обезумевшие бильярдные шары. Похоже, парень не очень-то вслушивался в то, что я говорил. Большая ошибка.

— Только ведь на самом деле это совсем не так, — мягко сказал я. — И увидев эту самую настоящую жизнь, всю эту холодную синюшную жуть, вы бы завизжали от ужаса. И, скорее всего, тут же обделались. По-простому — обосрались. Хорошо, что у вас есть фильтры, надежно отгораживающие все нормальное, подтянутое, загорелое и зарабатывающее по сотне тысяч кредитов в год человечество от того, что таится с другой стороны.

От чудовищ.

Дверь распахнулась. Из нее словно бы повеяло влажной, илистой мерзостью, вонью листвы далеких тропических лесов, сброшенных и прибитых к берегу необитаемого острова. Ненавижу. Всю эту чертову влагу, всю мокроту эту — ненавижу. Не хочу даже близко подходить к ней.

Я попятился, отпустив безвольную шею доктора, но это не помогло, пол комнаты сотрясался под тяжелыми шагами чудовищ. Тупые свиные рыла, маленькие красные глазки, слюна слетала с оскаленных пастей хлопьями ржавой пены. И вонь, снова мерзкий запах гнилой воды и разлагающейся органики.

Дождь.

Черная громада станции, источающая смертельный невидимый яд.

«Двадцать пять минут ровно. Жди меня. Я скоро буду».

Вы все заслужили того, чтобы умереть тогда и там, идиоты!

Вы недостойны того, чтобы жить, когда она...

Она...

Горло перехватило что-то жесткое и прочное, на глаза опустилась повязка, и наступила долгожданная темнота.

* * *

Я открыл глаза, хотя в носу все еще стоял запах гнилой воды и дождя над обреченной станцией. Но опасности больше не было, чудовища убралась в свое далекое логово, а надо мной сверху, в какой-то почти неразличимой вышине, маячил знакомый, но мутный силуэт, встревожено сопя и чертыхаясь.

— Батхорн?

— Мистер Хуан! — ахнул он. — Ради всего свя...

Он осекся, прочистил горло.

— Да-да, ради него самого, и разных других смешных штук, — прохрипел я. Горло было напрочь чужое. — Где мы... и какого черта здесь так темно?

— Вы... не помните?

— Черт тебя дери, Батхорн. Разумеется, помню, а этот вопрос задал просто для того, чтобы тебя разыграть. Идиот.

Скользкий Бат нервно оглянулся и понизил голос.

— Мы... в укрытии.

— Да? Насколько я помню, мы должны были встретиться в нем с заказчиком и получить мои честно заработанные деньги. Не так ли? Но я не вижу вокруг никого, кроме твоей на редкость несимпатичной физиономии.

— Благодарю вас, сэр. И да, мистер Хуан, так оно и было поначалу, мы должны были встретиться с Грегом, парнем с деньгами, здесь, на этом самом месте. Да только на полпути планы изменились.

Я цапнул рукой воздух, но револьвера на бедре не оказалось. И другого, за пазухой — тоже.

— Вот они, мистер, — Бат показал на ящик, который стоял у изголовья. Теперь я разобрал, что мы были в какой-то хижине, повсюду были пыльные старые доски, два топчана на полу, несколько ящиков, выполняющих роль стола и стульев, да еще несколько керосиновых ламп, из которых всего одна горела слабеньким желтым огоньком, напоминающим светлячка посреди непроглядной тьмы.

Я сунул револьверы за пояс.

— Грег оставил мне весточку, что вынужден уехать в ближний городок, Роуэн-Хилл — в этих местах ему стало небезопасно. Мы встретимся с ним там. Да и я, по совести говоря, рад, что он не встретил нас здесь вчера вечером — больно уж странно вы стали себя вести, если мне будет позволено...

— Не будет. Что значит странно?

— Ну... разговаривали сами с собой.

— И это тебя напугало? Я переоценил тебя, Батхорн.

— Прошу прощения, но мне как-то не по себе становится, когда человек рядом со мной разговаривает, да еще и на разные голоса. Задает себе вопросы, и сам же на них отвечает. А потом вы принялись смеяться!

— Вот так раз.

— Христом-богом... Да так страшно — не слыхал еще такого смеха, мистер. Тут-то я и струхнул. Ну, а дальше вы знаете... Словом, как только вы будете готовы, мы выезжаем в Роуэн-Хилл. Отсюда до города не больше получаса езды.

— Лошади?

— Напоены и накормлены, в лучшем виде. Обтер я их на скорую руку...

— Прекрасно. — Я сел на топчане. — Ты поступил правильно, Батхорн. Если бы тебе пришла в голову мысль перерезать мне горло там, на плоскогорье, ну, когда я принялся болтать сам с собой, все могло закончиться куда печальнее. Для тебя.

— Что вы, мистер... — он выглядел потрясенным. — Вы и раньше пугали меня до усрачки, а уж теперь... Извольте перекусить наскоро перед выездом?

— Нет нужды.

Я поднялся, нашел на ближайшем ящике сомбреро и пончо.

— Едем.

Убежище Скользкого Бата было устроено хитро — это была, по всей видимости, надземная часть каких-то горных выработок, может быть, угля или меди. Узкий извивающийся тоннель вел вглубь горного массива, под ногами хрустел щебень и песок, и весь вид этого увядающего царства как бы говорил случайно забредшему путнику, что искать здесь совершенно нечего. А на самый крайний случай в конце тоннеля имелась наглухо закрытая деревянная дверь с большим знаком вполне официального вида: «Осторожно! Ядовитый

газ». Плюс череп с костями. Простолюдинов должно было убеждать.

Рядом, по уверениям Бата, имелись и другие коридоры, а также ведущие почти отвесно вниз штольни и шахты, но соваться туда он решительно отказался — нехорошее, мол, место. Да я и сам это чувствовал — только сделав несколько шагов в каменный лабиринт, выраставший из тени за пределами скромной батовой хижины, я почуял какой-то неправильный ветерок, а в голове зашумели, заклохотали, забились чужие мысли.

Конечно, в шахты идти не следовало.

Выбравшись наружу, под небо, я понял, почему в хижине у Бата казалось настолько темно. Пока я спал на землю опустился густой как молоко туман и окутал пустыню непрозрачным тусклым одеялом. Не то, чтобы меня это смущало, скорее наоборот — в эдакой простыне любая погоня собьется со следа быстрее, чем тот мальчик сумеет крикнуть «волки!»

Но во влажном маслянистом воздухе определенно ощущалась тревога.

— Батхорн! Фургон!

— Кобылки запряжены и готовы скакать, — Скользящий Бат подошел, вытирая чем-то руки. — Не о чем беспокоиться, босс. Нет, поправка: беспокоиться стоит об этом чертовом тумане. Не нравится он мне.

— Не помню, чтобы заставлял тебя на нем жениться. Полчаса езды до города, говоришь? Поехали, и покончим с этим!

Бат кивнул, угнезвился на козлах и взмахнул хлыстом.

Насчет получаса, впрочем, он явно погорячился — туман тянулся мимо унылым серым полотнищем, в котором мелькали порой смазанные темные силуэты. Лошади ступали шагом, фургон катился по мягкой влажной пыли спокойно и ровно. Бат, правда, нервничал все больше.

— Что-то не так, мистер Хуан, — сообщил он мне спустя минут сорок. Точнее определить было сложно, с часами имелась некоторая напряженка — Мы уже должны были въехать в Роуэн-Хилл, но... я не вижу даже их ворот. И не слышу ни звука.

— А каким должен быть звук от их ворот? — заинтересовался я. — Он здесь какой-то особенный?

— Суть не в этом, просто Роуэн-Хилл — большой перевалочный пункт для десятков торговцев, коммивояжеров и прочего ушлого люда вроде меня, на воротах стоит импровизированная таможня, взимающая символический налог в пользу города. Но сейчас вокруг совершенно тихо.

— Может, мы сбились с пути?

Он шмыгнул носом.

— В чертовом тумане все возможно, да сэр. Потому-то я и сказал, что он мне не нравится. Только поэтому, босс.

Он безбожно врал, конечно. В тумане рыскали тени, которые видел даже я — и они совсем не походили на человеческие. Влага и сырость нагоняли тоску. Ненавижу эдакую погоду.

Я коснулся пояса с револьвером и решительно соскочил с фургона.

— Думаю, мне пора прогуляться и переброситься парой слов — или не слов — с теми джентльменами, что так невежливо наблюдают за нами из-под сопливых вежд тумана.

Что я несу? Какие еще сопливые вежды?

— Эй, босс, стойте! — Скользящий Бат откровенно запаниковал. — Я... давайте я с

вами? — Он сообразил, что сказал глупость. — Вы... э... а что, если вас убьют?

Не менее глупо получилось, если подумать.

— Что за чушь ты несешь, Батхорн. — Я уже сделал с десяток шагов, фургон приглушенно катился сбоку, постепенно угасая в тумане. — Меня невозможно убить, забыл?

— Босс! — он заорал так громко, что одна из лошадей среагировала, откликнулась приглушенным ржанием. — Мистер Хуан!

— Что? — мне тоже приходилось повышать голос. Чертов туман глотал звуки и приносил свои. Шипение, поскрипывание... иногда что-то, похожее на голос.

— Город! — непонятно, чего было больше в его вопле — пропитой дешевым ирландским виски хрипоты или искренней радости. — Богом клянусь, это он! Эх, никогда я еще не был так рад видеть эти убогие стены. Мистер Хуан! Иисусе, похоже, мы снова избежали смерти! В первой же церкви поставлю свечу высотой в шесть футов, клянусь, дай только добраться!

Это не было еще, конечно, городом. Смутные очертания больше походили на такие же, как у нас, фургоны, в молочно-белом сумраке нервно переступали лошади, негромко переговаривались люди. Но Бат торжествовал, словно он был смертником, которому надели на шею петлю, прочитали приговор, а потом сообщили, что передумали. Худое лицо налилось румянцем, тонкие усики над губой забавно подрагивали. Хоть бы сердечный приступ не получил по причине радости, дуралей.

Так мы и прибыли на эту стоянку — он на козлах, я рядом, пешим порядком, ведя лошадей под уздцы. Люди вокруг были непривычно спокойны — я имею в виду, что они не хватались за оружие и не показывали желаний меня убить. По крайней мере, немедленно.

Бат оказался по-настоящему полезен — едва фургон оказался в окружении таких же телег и тележек, он немедленно соскочил с него и шмыгнул вниз. Пока я раздумывал над причинами этого странного поведения, он снова появился в поле зрения, похлопывая кого-то по плечу одной рукой и сжимая горлышко бутылки — черт возьми, это был очень приличный джин! — другой.

Еще через минуту я увидел его замасленный котелок уже совсем в другом месте, а потом я перестал всматриваться и только стоял, склонив голову как можно незаметнее, да поглаживал ближайшую лошадь по теплomu крупу, да еще бесцельно постукивал ногой в сапоге по колесу.

— Босс! — слегка запыхавшийся и какой-то взъерошенный Бат объявился рядом, буквально в двух шагах. — Имеются новости. Есть получше, есть похуже, с которых начинать?

А быстро я стал боссом, а? Хотя бы и только для этого несчастного, трусоватого, но целеустремленного паренька. Похоже, людям вообще очень часто нужен вождь — пусть это будет бесконечно кровавый и циничный бандит, неспособный дать своим подданным ничего, кроме кишок, пота и слез, но даже такой упырь будет лучше, чем полное отсутствие направляющей и указывающей силы.

Это следовало запомнить.

— Всегда начинай с хорошего, Батхорн, — прохрипел я. Спина чувствовала устремленные со всех сторон взгляды — торговцы силились понять, что это за опасный парень разводит беседы со Скользким Батом, и как его, этого парня, можно использовать. — Тогда то дерьмо, что ты припас напоследок, покажется не таким отвратным.

— Точно, босс. Как скажете. В общем, это собрание честных торговцев, как я и говорил

— очередь на входе в Роуэн-Хилл. Все ждут своего черед, чтобы оплатить добровольный взнос у ворот. Но есть одна заковыка. Со вчерашнего вечера в город никого не пускают. Полная изоляция.

— В чем причина?

— Ну просто один в один мои слова, босс. Поспрашивал тут человечков, с некоторыми когда-то разные дела крутили... Причина имеется. В окрестностях шалят... словом, расположились бандиты.

— Бандиты?

— Они самые. Ирландская шайка, если уж быть точным, одна из самых свирепых. Главарь там некий Брайсон О'Куилинн, если слышали о таком.

— Не слышал.

— Очень удивительно слышать такое, сэр, правда. Бандит, мародер и душегуб, из самых худших. Для такого человека убить — что муху прихлопнуть.

— Экий мерзавец.

— Именно, босс. Именно. Так или иначе, здешний шериф, Джо Гарнега, поступил правильно. Конечно, с точки зрения жителей города. Он закрыл ворота, рассудив, что бандиты в первую очередь распотрошат столпившихся у них торговцев, а затем, возможно, либо покинут эти места, либо будут ослаблены сопротивлением и станут легкой добычей.

— Глупости. Получи они хорошую прибыль от резни — и ближайшее время их отсюда палкой не выгонишь, пока торговый люд не уяснит, что приезжать сюда опасно. После чего город потеряет свой единственный постоянный источник дохода. Шериф не слишком умен.

— Приятно видеть понимающего человека, — Бат коротко взглянул на меня. — Так или иначе, ситуация складывается скверная. Нам отчаянно нужно внутрь, чтобы получить свои деньги, но для этого нужно, чтобы банда О «Куилинна перестала тревожить эти места. А сделать этого мы не можем... верно?

Я уловил в его голосе намек.

— Хочешь сказать, что мне следует вырезать эту шайку, Батхорн? И это решило бы все проблемы для шерифа, городских жителей, торговцев — да и нас с тобой? Не спутал ли ты меня с доброхотом-благодетелем, каким-то Робин Гудом наших дней? Подумать только. Спасти всех! Ха!

— Я ничего подобного не говорил, босс, — спокойно, но решительно сказал Бат. — Но вы только что и правда предложили очень разумное решение проблемы. Блестящая идея, сэр.

— Чертов дьявол!

— Не богохульствуйте, босс. И не скромничайте, идея в самом деле прекрасная.

— Замолкни, Батхорн. Ситуация мне ясна, что с ней можно делать, я подумаю. Но ведь я, кажется, говорил тебе начинать с хороших новостей?

— Это и была хорошая новость, мистер Хуан, — Бат вздохнул. — Но есть и плохая. В сторону Роуэн-Хилла движется целая команда охотников за головами.

— Откуда это известно?

— Торговцы обмениваются голубями с записками, кому-то прислали предупреждение, что вскоре здесь может быть жарко. Некоторые уже сворачиваются, если бы не туман, уехали бы еще затемно.

— Выходит, эти самые охотники как раз и смогут разобраться с твоей ирландской шайкой?

— Не думаю, босс. Охотники за наградой работают по контракту. Они не станут

отвлекаться на посторонние проблемы, разве что им заплатят за их решение. Я думаю, их наняли парни из форта, который мы ограбили, или еще того хуже...

— Что — хуже?

— Я не глуп, мистер Хуан, — он снова поглядел на меня искоса. — На моей голове не одно, а целых два довольно длинных уха, и я отлично слышу, что говорят люди. Вы — беглый преступник. За вами тянется длинный кровавый след. Я думаю, это идет погоня. Завтра, а то и раньше, она уже будет здесь. Прольется много крови, если только мы не найдем способа решить за это время свои дела и смыться с заработанными деньгами подобру-поздорову.

Я задумался. Туман летал вокруг капельками, пощипывая холодом обнаженную кожу. В укрытой белой пеленой пустыне за нашими спинами кто-то медленно перемещался, дырявя нас злыми взглядами. А чертов фургон с оружием как-то неожиданно перерос свою изначальную долларовую ценность и превратился во что-то вроде промежуточной цели в жизни. А теперь еще и погоня... Эта история, судя по всему, просто была обречена обзавестись кучей осложнений.

Отвернув голову в сторону, я шумно прочистил горло.

— Все же может быть, что это вовсе не за нами.

— Может, и так, — Бат отвел глаза. — Я расслышал несколько слов из разговора тех парней, что знают обо всем этом больше моего — случайно сложилось, что они стояли рядом. Конечно, это не мое дело, только они постоянно упоминали какого-то парня... несколько раз подряд. Мне показалось, что это имя имеет какое-то отношение к вам.

— Что за имя?

— Сан-Квентин.

Копье Лопес не был правой рукой главаря, Брайсона о`Куилинна. Черт, судя по всему, он был едва ли достаточно умен для того, чтобы написать без ошибок свое имя. К чему уметь писать, если все готово тебе услужить просто завидев на горизонте пыльные хвосты от лошадей банды Бешеного Ирландца? Нет, это умение было для него явно лишним. И тем не менее, назвать Копье дураком не осмелился бы никто из их шайки.

Причина была проста — нечеловеческая, звериная интуиция угрюмого и медлительного парня. За минувшие месяцы она не раз спасала их из самых, казалось бы, мрачных ситуаций. Взять хотя бы тот случай, когда они, все шестеро, весело проводили время в только что ограбленном и разгромленном баре «Сцевола», что в Эль-Пасо. Вино и виски лились рекой, на дощатом полу валялись простреленные шляпы ковбоев и их незадачливые владельцы, девок из кабаре перли прямо на столах — чем не жизнь?

Но в какой-то момент Копье Лопес отвлекся от выдающихся буферов рыжей красотки, повел вокруг своими холодными темными глазами, словно бы даже принялся и негромко, но четко сказал: «Пора уходить».

О`Куилинн не обладал интуицией Лопеса, зато он был умен, очень умен. И умел ценить способности своих подельников. Поэтому когда через двадцать минут в «Сцеволу» прискакали федеральные маршалы, они застали только полуголых рыдающих девок, груды пустых бутылок и трупы. Ирландская шайка испарилась, словно снег под горячим солнцем Нью-Мексико.

Копье Лопес умел видеть грядущие неприятности. Брайсон понимал это и высоко ценил низкорослого и немногословного мексиканца.

В этот раз, казалось бы, ничто не предвещало беды. Роуэн-Хилл был небольшим ленивым городком у подножия гор, живущим за счет торговли по новой ветке железной дороге и предоставления перевалочной базы для бесконечных караванов торговцев на запад и восток. Никаких маршалов здесь отродясь не водилось, а шериф — ну что же, шериф вместе с двумя своими заместителями мог либо героически погибнуть в перестрелке, либо закрыться в стенах города, бросив торговцев снаружи на произвол судьбы.

Шериф оказался трусоват и выбрал второе — но и это вполне устраивало ребят Брайсона о`Куилинна. Они ждали только ночи, чтобы вволю позабавиться с толстыми торгашами, столпившимися в запертых ворот в Роуэн-Хиллс.

Но чертов туман спутал все карты.

Он напознал с гор, оставляя странное чувство на языке, парил перед глазами, мешая видеть, и делал какие-то непонятные штуки со звуками, из-за чего дальше казалось ближе, а близкое — куда дальше, чем на самом деле.

— Дьявольская штука, — опасно сказал Ад Ассинк, длинный и печальный голландец с редкими мышинными усиками. Слипшиеся сальные волосы напоминали какие-то диковинные сосульки. — Не хорошо. Не вовремя.

— Без тебя знаю, — проворчал Брайсон и покосился на Копье Лопеса. Усатый мексиканец выглядел бесстрастным. — Ничего, пересидим ночь, а толстопузыми займемся поутру, никуда они от нас не денутся.

Компания расположилась в естественном для лагеря месте — десятке скалистых выходов горной породы, застывших в чем-то вроде неправильного круга. Это выглядело

необычно, но ребята о`Куилинна были не из суеверных, да и по всему выходило, что место хоженое и безопасное — рядом из выжженной и вытопанной земли бил родник, да и камни носили следы частого использования, все в сколах, царапинах от шпор и револьверов, сажай от бесчисленного количества костров и кучами человеческого и конского дерьма в некотором отдалении.

Они жгли в тумане огонь без опасения быть замеченными — кто осмелится напасть на банду Бешеного Ирландца? Безумец, вот кто. Но даже найдись поблизости подходящий безумец, что с того? Они пристрелят его, вот и вся недолга. И продолжают жечь костер дальше.

Почему-то это казалось для них очень важным — жечь костер. Словно огонь мог защитить их от вязкой белесой мороси, витавшей на границе светлого круга всю ночь и даже не подумавшей рассеяться к медленно наступающему утру.

— Чертов туман, — подкручивая усы, как заклинание произнес Джефф Хили, средних лет седоватый мужчина в неизменной ковбойской шляпе. На шее у него висело ожерелье с отрезанными и засушенными ушами индейцев. — И не углядишь за ним ни черта, любая тварь подберется на десять шагов, а мы понятия об этом не будем иметь. Мерзкая погода, чтоб меня черт побрал.

Давно должно было подняться солнце, но в окутавшей лагерь дымке было ничего не разглядеть. Недовольно и долго ржали оставленные в стороне лошади, не кормленные с ночи — им тоже не нравилось происходящее.

— Дался вам этот туман! — в сердцах сказал Брайсон. Сам он жевал табак и то и делс сплевывал на землю вязкую коричневую слюну. — Лучше бы пожрали что-нибудь. Скоро за работу, там жрать будет некогда. Вот только туман поднимется...

— Чертов туман, — уронил Копье Лопес. Это уже становилось похожим на навязчивую идею. Опасную штуку, если не принять немедленных мер.

— Дьявол вас побери, парни! — в сердцах сказал главарь и снова сплюнул. — Нас здесь шестеро здоровых, сильных мужчин! А вы сейчас плачете, будто те девки с гасиенды в... кстати, куда подевались Крис и Уолтер Траут?

— Криса я не видел с раннего утра, — сказал задумчиво Джефф Хили, прикасаясь пальцем к краю своей ковбойской шляпы. — А Уолтер был рядом еще совсем недавно. Кажется, он намеревался обойти лагерь, облегчиться, а потом...

— Растаял в тумане, — нетерпеливо оборвал его Брайсон. — Чертов туман, я знаю. Ладно, вот что мы сделаем...

Из белого мельтешения долетел непонятный, искаженный расстоянием звук.

— Что это? — встрепенулся Ад Ассинк, вытягивая гусиную шею. — Я слышал что-то, похожее...

— На выстрел, — закончил за него Брайсон. И поднял прислоненный к камню обрез. — То ли шериф решил побыть героем, то ли торговцы наняли какого-то сорвиголову себе в помощь. Это ничего не меняет. Мы убьем его, и все станет как было. Парни?

Они были готовы, все четверо: Ад Ассинк с двустволкой, Копье Лопес с револьвером, Джефф Хили с гигантским мачете во вздувшихся толстыми венами руках, да и сам ирландец тоже не привык пасти задних. Жаль, что Уолтер и Крис куда-то подевались...

Из тумана раздался топот, и банда азартно вскинулась, выцеливая мишень. Но это был всего лишь Крис Дюарт, пропавший, вроде бы, с самого утра. Одежда его была в пыли и странных темных пятнах, а лицо — белее мела.

— Уолтер... они пристрелили Уолтера, — хрипел он, ковыляя вперед. Стволы и тесаки чуть опустились. Дело было неслыханное.

— Тихо! — рявкнул о`Куилинн. Они пропустили трясущегося француза внутрь каменного круга и заняли оборону, на этот раз более осмысленную. Где-то рядом скрывался убийца. Негодяй, который только что порешил одного из них. Ничего, их много, они вооружены и настороже. Он не уйдет так просто.

— Только что мы стояли рядом, курили и трепались... — утопленником хрипел Крис Дюарт, не выпуская из дрожащих пальцев фляжку с крепчайшим арманьяком. — Бах! И у старины Криса дыра во всю грудь!

— Винтовка? — деловито уточнил Брайсон, выпячивая длинный подбородок. Это было, разумеется, неприятно, но не смертельно — каламбур, ха! — винтовка тяжела, громоздка и, самое важное, медлительна, с ней неведомому стрелку придется помучаться, а они, используя преимущество в маневренности...

Дюарт тряско замотал головой. Фляжка в руках затряслась и забулькала, как живая.

— Я видел его, парни. Понимаете? Видел его. Чертов сукин сын стоял в десяти шагах — ума не приложу, как мы не заметили его раньше. Стоял и ухмылялся. И из его здорового револьвера поднимался дым — а Уолт падал, хватаясь за простреленную рубаху, и я стоял, оцепенев, как дьявольский мул, а он все стоял и ухмылялся... Высоченный, в шляпе и пончо — мексиканец, я думаю — а потом просто повернулся и исчез в тумане... Просто исчез, только его и видели. Чертов туман, парни, все это дерьмо из-за него, чертов туман...

— Хватит. — Ирландец сжал губы в тонкую линию. Это заходило слишком далеко. — Занять круговую оборону между камней. Нас пять человек, а этот ублюдок всего один. Он не дух, не призрак и не лепреккон, а живой человек, который смеется, когда ему весело, кричит, когда больно, и, держу пари, оставляет капли крови, будучи подстреленным. Наше дело — обеспечить ему это. А потом добить, как больного шелудивого пса!

Бандиты кивнули. Они были напряжены.

— За дело! — цепочка вооруженных людей рассыпалась среди неправильного каменного круга.

— Что это за человек, что ему нужно? — снова занял почти невидимый в тумане Ад Ассинк, торопливо переламывая двустволку и проверяя заряды. — Не к добру это Брайсон, я говорю тебе...

— А я говорю — заткнись, — оборвал его ирландец. Он выглядел спокойным, только струйки пота, неуместные этим хмурым утром, ползли по лбу и щекам. — Крадущийся в тумане убийца, вот кто он такой. Трусоватый, как все мексиканцы.

Копье Лопес ничего на это не сказал. Прищуренными глазами он измерял расстояние до ближайшего товарища по оружию, камней и молочно-белой пелены за ними. Там, кажется, было тихо и неподвижно.

Тревога затекала за шиворот, воздух сочился адреналином и ожиданием.

Бах!

Крис Дюарт, сжимая в трясущихся руках револьвер, выпалил куда-то в пустоту. Бандиты принялись вертеть головами.

— Что? — Джефф Хили сорвал с головы свою неизменную шляпу, на седых волосах оседали капельки тумана. — Уложил его?

Дюарт медленно, осторожно взвел курок.

— Не думаю, — сказал он напряженным голосом. — Но он там был, точно. Я видел

край пончо.

— Какого же дьявола ты стрелял в край пончо, Крис? — обозлился о`Куилинн. — Из пончо не идет кровь, туповатый ты ублюдок!

Он был раздражен.

Откуда-то сбоку раздался голос.

— Привет, ребята.

А потом все начало происходить очень быстро. Грохнул выстрел, Брайсон, согнувшись в три погибели, рухнул в пыль. Вторая пуля свистнула в непосредственной близости от начавшего разворачиваться Джеффа Хили, вышибив острые крошки из камня. Визжа, как шрапнель, они полетели в разные стороны так, что седой ковбой от неожиданности охнул. Третья пуля воткнулась в орущего от страха Криса Дюарта, отшвырнув его на покрытую росой землю, словно надоевшую игрушку.

— Твою ж мать... — прошептал француз, безвольно глядя в холодную влажную хлябь, заменившую в этих местах небо.

Опомнившись, бандиты принялись палить по смутной фигуре, которая, кажется, плавала на волнах плотного тумана; но толку от этого оказалось мало — и, опустошив по обойме, они озадаченно замолкли. В неподатливую серую пустоту стрелять было как-то стыдно. Даже если пустота и огрызалась порой в ответ.

— Парни? — подал, наконец, голос о`Куилинн, лежа под нависающим и безопасным камнем и морщась от боли — когда началась стрельба, он упал так резко, что умудрился подвернуть ногу. — Отзовитесь, кто живой.

— Я здесь, Брайсон, — подал голос Джефф Хили. Видно его не было, но по всему охотник находился в десятке футов справа. — Чертовски рад слышать, по правде говоря, мне на миг показалось, ты уже не с нами, брат.

— Я тоже тут, — гортанно, как всегда, заметил Ад Ассинк слева. — Ни царапины, первое везение в этот гнусный день. Копье тоже жив, кажется, я сейчас вижу его спину.

— Так и есть, — коротко подтвердил из тумана мексиканец. — Но Крис мертв. Нас осталось четверо.

Брайсон закрыл глаза и вкратце вознес молитву Всевышнему. В последнее время Вседержитель, по-видимому, был не слишком внимателен, но сейчас, хотя его обзор и был крайне ограничен, выбираться из-под спасительного камня ирландец не спешил. Нутро, не худшего качества, чем у Копья Лопеса, подсказывало ему — смерть ходила рядом.

— Дерьмо! — и без того хриплый голос Джеффа Хили словно вибрировал от злости.

— Чертов ублюдок снова застал нас врасплох, — согласился Брайсон, тревожно поглядывая по сторонам. — Ничего, больше такого не случится. Нас все еще четверо, этого вполне достаточно, чтобы разрезать его на кусочки и медленно поджарить на костре, как любит делать наш Джефф, верно, парень?

— По совести говоря, Крис сам виноват, — осторожно сказал Ад Ассинк. — Паника плюс алкоголь — плохая компания.

— Правильно, Ади, плакать не будем, — поддержал его ирландец. — Эй, Копье! Что теперь тебе говорит твое шестое чувство?

— Он здесь, — Копье говорил медленно, судя по звуку, он загонял патроны в револьвер скорозарядником. — Он очень осторожен. Осторожен, хитер и жесток. Она висит вокруг него, эта жестокость, словно черная туча, окутавшая голову. Будто сам воздух стремится бежать прочь.

— Что за чертовщину ты несешь, Копье?

— Он прав, — согласился кто-то.

Бах!

Со щелчком повернулся магазин.

— Копье! — Брайсон не узнал собственного голоса, а визгливые нотки в нем вызывали отвращение. — Подберись поближе и мечи сеть, запутай его, я прикрою, мерзавцу не уйти от нас четверых!

Молчание. Шорох одежды.

— Эй! — Это еще не было паникой, но чем-то, чертовски к ней близким. — Отвечай, парень, не молчи!

— Со мной порядок, — теперь Лопеса было слышно с другой стороны. — Перебрался ближе. Но Джефф и Ад Ассинк мертвы. Джеффа, похоже, он достал его же мачете. Я видел его тело — выглядит так, будто нож вошел в печень.

— Дьявол! — завопил Брайсон. Все планы летели к чертям.

— Не совсем, — громко откликнулся кто-то. Впрочем, почему «кто-то»? Чертов убийца-мексиканец. — Всего лишь проходивший мимо скучающий парень. Имею такую привычку — настрелять с полдюжины мерзавцев спозаранку. Очень удачно вы мне подвернулись. Заодно пополню запас патронов, что-то я поиздержался.

Ирландец лихорадочно прислушивался, лежа под камнем. Да, он слышал неведомого убийцу, слышал, как он идет, как поскрипывает плотный, набухший влагой песок под его сапогами. И что-то странное было в голосе, он не дрожал, не задыхался, не стремился вверх. Чертов ублюдок не переживал за исход боя. Он был в нем полностью уверен.

Словно знал, как и когда убьет каждого из них.

— Босс! — Копье Лопес был, похоже, совсем рядом. — Пора сматываться. Нам с ним не сладить.

— А почему бы и нет, собственно, — благодушно согласился чужак. — Оставьте оружие, сапоги, лошадей, да и идите себе. В горах, часах в четырех отсюда, лежат несколько довольно славно обутых мертвецов. Кстати о мертвецах — у парня с мачете была отличная шляпа, так что я ее позаимствовал. Малость засалена, но это ничего. Надеюсь, вы не против.

Брайсон о`Куилинн молчал. Скрип сапог стал совсем ясным. На песок упала зыбкая тень.

— Так что, нет желания сдать? Честно скажу, это разумно, в последнее время я не всегда держу слово и, скорее всего, добил бы вас парочкой свинцовых солдат в спину. К чему оставлять врага в живых, верно? Тем более такого обидчивого врага.

Выстрел. Не разобрать чей. Брайсон так крепко сжал приклад обреза, что пальцы, кажется, намертво застыли на теплом гладком дереве. Понятно, что парень был конченным психом, это было очевидно как божий день. Но было и кое-что еще. Необъяснимое предчувствие. Тревожный огонек, словно далекий сигнальный костер. Брайсон не боялся признаться себе в том, что ему было чертовски страшно, ужас и непонимание черными струйками отравленной жидкости просачивались внутрь, туманя жесткий и практичный разум.

— Промахнулся, парень, — весело сказал убийца. — Ничего, в следующий раз целься получше. Знаешь, чуть левее и ниже, обычно помогает.

Выстрел. Яростное рычание, словно у попавшего в ловушку зверя.

— Ну, это уже совсем далеко. Это все злость, амиго. Застит голову. Советовал бы

избавиться он нее. Отрепиться. Представить, скажем, что ты уже мертв, и беспокоиться больше не о чем. Увидишь, сразу станет легче.

Выстрел.

Щелчок. Барабан опустел.

— Базовая арифметика, дружище, — убийца принялся неспешно обходить камень. — Шесть патронов, не больше, не меньше. Но знаешь что? Как насчет такого — я обещаю закончить с тобой ножом. Никаких револьверов с моей стороны. Уравняем наши возможности.

О`Куилинн понял, что это его шанс. Если этот сумасшедший в самом деле будет орудовать ножом, то ирландец успеет выкатиться из-под камня и вклеить из своего Айвер-Джонсона в чужую спину. Если повезет, то и Копье останется в живых. Ну, а нет — что ж, такова божья воля. Брайсон не строил иллюзий — набрать новую банду после эдакого разгрома будет трудно. Но остаться в живых было куда важнее.

Он прислушался. Шорох сапог в самом деле удалялся, поэтому он глубоко вдохнул, медленно выдохнул и стремительно — гремучая змея позавидовала бы — оттолкнулся ногами от каменной подпорки, вылетая наружу. Больная нога откликнулась вспышкой ослепительной ярости, но это уже было неважно. Побелевшие руки крепко сжимали обрез 20 калибра.

Его обманули, он это понял сразу же, и попытался извернуться, песчаной ящеркой скользнуть в сторону, но тело не слушалось, оно все еще скользило спиной по песку, неспешно гася инерцию, а парень в дурацком рваном пончо и правда уходил, и в руке его был обещанный Копью нож, вот только в другой руке по-прежнему был револьвер, и он смотрел точно в то место, где сейчас был о`Куилинн.

Ствол расцвел длинным огненным цветком, плавающим в густом облаке серого дыма, руку стрелка повело вверх. Ирландец не выдержал и зажмурился, ожидая быстрой смерти.

Дальше был толчок и удар, и резкая, как удар кузнечного молота, как змеиный укус, боль в руке. Он раскрыл глаза, не веря, но вот, время все так же неспешно ползло мимо, и он был жив, но только правой руки у него больше не было, она валялась рядом, отстреленная у локтя и все еще сжимающая бесполезный обрез.

— Пута madre! — сказал парень в пончо своим хриплым голосом, растягивая слова. — Я определенно становлюсь лучше в этом деле. Растет меткость. Лежи здесь, дружище, и никуда не уходи. Нужно довести до конца дело с твоим необычным товарищем.

— А-а-а-а!!! — крик Брайсона, кажется, расколол небо. Казалось невероятным, что этот чертов ублюдок за какие-то полчаса уничтожил всех его людей. Прирезал, застрелил, замучил — да и его тоже, он не питал надежд, что все обойдется, такими темпами жить ему оставалось минут двадцать.

Как такое могло случиться? Это был первый вопрос, который занимал его.

И второй: сможет ли он дотянуться до обреза левой рукой?

— Должен сказать, я большой сторонник справедливости, — раздался голос из-за камня. — Практически поклонник, понимаешь ли. По этой причине мне кажется бесчестным...

Выстрел.

— Что ж, в этот раз значительно лучше, чико. Ты умудрился задеть мое пончо. Сказать по чести, пончо тоже не мое, но его бывший хозяин наверняка был бы недоволен. Это отрешение так работает?

Пауза. Даже шороха песчинок не слышно. Туман, кажется, чуть развеялся, или это кажется? Брайсон с усилием перевернулся на бок. Из обрубка руки натекла уже порядочная лужа. Нужно поторапливаться, иначе он не успеет.

Выстрел — быстрый, почти панический.

Сдавленный полу-крик, полу-стон.

— Видишь, помог тебе твой револьвер? Так вот, продолжу — мне кажется нечестной ситуация, когда те, кто более чем достойны жизни, умирают, спасая между делом души тех, кто, подобно вам, твари...

Шум падающего тела. Синеющие пальцы сомкнулись на залитом кровью прикладе.

Шаги снова приближались, медлительно, но неотвратимо.

— Кто, подобно вам, остается жить, — закончил мысль убийца. — Я не могу, к сожалению, никого вернуть из иного мира. Но зато имею возможность подступиться к проблеме с другой стороны.

Он вывернул из-за камня и замер. Ствол обреза ходил ходуном в единственной оставшейся руке Брайсона о`Куиллина, но разлет дроби не оставлял парню в пончо ни малейшего шанса.

— Ты все-таки смог меня удивить, папаша, — почти спокойно сказал убийца. — Давай-ка покончим с этим.

Он стоял прямо, не прячась, разведя руки в стороны, словно благословляя. Дело шло на доли секунды.

Как вдруг ирландец кое-что вспомнил.

— Эль-Пасо, — чуть слышно прошептал он. В глазах побелело. Воспоминания, где-то хранимые до этого, ослепили его. Кем-то хранимые воспоминания. С какой-то целью убранные из его разума. Скрытые. Стертые. Спрятанные. Как он мог не задуматься об этом тогда? Но ведь им так везло после этого, так везло... — Бар «Сцевола».

Убийца выглядел разочарованным.

— Что ты болтаешь, однорукий бандит?

— Я умер там, — четко выговорил о`Куилинн. — Маршалы отрубили мне руку, и я истек кровью прямо на барной стойке. И сам прочитал себе *abe in rase*. Они подстерегали нас в засаде, чертовы федералы... И даже дьявольское чутье не помогло. Чутье... которым обладал Копье Лопес. И мои парни — Крис, Ади, Джефф, Уолтер Траут — все, все до единого полегли там, растерзанные и распятые.

— А кто же тогда умирает сейчас передо мной? — насмешливо поинтересовался мексиканец. Он не боялся, стоял перед ним, лежащим, не чинясь, и словно не замечал трясущегося ствола дробовика в руках у главаря более не существующей банды.

О`Куилинн понял еще что-то.

— Правильный вопрос другой, — он хотел сплюнуть в песок и пыль, но в горле не было ни капли влаги, он погибал, превращаясь в какой-то высохший пергамент, чужую дурацкую декорацию, ненужный, выброшенный за ненадобностью реквизит. — Где находится то место, где я, словно насекомое, валяюсь перед тобой в луже собственной крови и дерьма? Что это за дыра, парень, знаешь?

— Здесь... — убийца нахмурился. — Я...

Ирландец ухмыльнулся фиолетовыми губами. Это был миг триумфа. На мгновение ему показалось, что в расступающемся тумане мелькнула чья-то неверная тень, но сказать по этому поводу он уже ничего не успел.

— Можешь выходить, я тебя все равно слышу, — говорю я, увидев, что рука с дробовиком у лежащего бандоса безвольно упала, а глаза на синем лице остекленели окончательно. — Мог бы и перед ним показаться, один хрен не жилец.

Из мутной пустоты возникает тусклый силуэт, грубый и какой-то излишне материальный, будто сплетенный из толстых корабельных канатов. Он одет во что-то вроде монашеского рубища темно-коричневого цвета с капюшоном, из-за которого не видно лица, а из длинных рукавов виднеются кончики пальцев в... наверное, перчатках? Не могут же руки быть такого плотного черного цвета, будто их обладатель с ног до головы вывалялся в угольной пыли.

— Тянуло ведь тебя сюда? — голос у него самый обыкновенный, глубокий и бархатистый, носителю может быть лет двадцать пять-тридцать. — Наверняка тянуло, как и говорил тебе тогда Храбрец.

— Кто?

— Ну, тот, которого ты принял сперва за священника. Мы зовем его Храбрецом, он встречает новоприбывших. Так было всегда.

Его речь непонятна, но странным образом кажется значимой, информативной.

— А как же мне называть тебя? Не Копьем же Лопесом?

В черном проеме капюшона мигают и гаснут красные глаза. Я даже не вздрагиваю.

— Дамаскинцем, потерянная душа. Отчего бы и нет?

Это правильно. Не знаю, почему, но я чувствую жар, исходящий от закутанной в балахон фигуры. Между нами двоими словно протянулись тонкие линии родства, раскалывая небытие наполненного звоном пространства, обнажая огромные безжизненные голубые просторы, вырванные из абсолютного мрака ночи, будто из небытия оказалось вызвано какое-то царство демонов или край оборотней, от которого с наступлением дня не останется ни следа, ни дымка, ни даже развалин, как и от всякого беспокойного сна.

«Здесь нет невинных» — так, кажется, сказал мне ложный священник. — «Никто из них не заслуживает твоего милосердия».

Потерянные души, парень. Важный момент.

— Что же ты хотел сказать мне, Дамаскинец?

Он трижды кашляет — каждый раз на новый лад. Туман колышется полосами.

— Ничего, тот, кто носит револьвер. Ты еще не добрался до края рока. Не прошел путь до конца. Не понял сути этого места. Что же я хочу сказать тебе? Ничего.

— Тогда, может, ответишь, на пару вопросов? Этот парень, — я киваю на темное тело, застывшее у ног, — сумел меня немного озадачить. То есть когда еще был жив, конечно. Где я? Почему я здесь? Я не все еще могу припомнить, но мне кажется — нет, я уверен, — что я не принадлежу ему.

Капюшон подрагивает.

— Это верно, потерянная душа. Тебе здесь делать нечего. И тем не менее, ты здесь. Думаю, тому была причина, а уж кто стоит за этим перемещением — мистер Свет или тот, другой парень — сказать сложно. Да, вот еще. Смени имя — твой нынешний выбор на удивление неудачен.

— Так насчет ответов на вопросы...

— Нет. Ты не услышишь их и не поверишь им. Придется найти свои ответы самому. Не волнуйся, осталось уже недолго.

— Что?

— Не в том смысле, что ты подумал, — шелестит Дамаскинец и снова мерцает глазом. — Я знаю, ты, наверное, считаешь, что прошел через ад, прежде, чем попасть сюда. Поверь мне, это заблуждение. До ада еще далеко.

* * *

Прежде чем парень в балахоне растаял в тумане, наказав мне возвращаться, я успел все-таки задать последний вопрос и даже, в виде исключения, получить на него что-то вроде ответа. И теперь, ища путь к нашей повозке, совсем затерявшейся в бесконечном караване ей подобных конструкций, я пытался выяснить сам у себя, понимаю я его или нет.

Вот и дорога. словно чудовищные скелеты, мимо проплывают пустые телеги и фургоны. Пустые? Нет, лошади не распряжены, они беспокойно переступают ногами, острые уши движутся, словно локаторы, готовые засечь наступающего врага. А я пахну для них слишком опасно — дымом, порохом и смертью.

Но где же все люди? — не вижу ни единого торговца. На дороге нет следов крови или волочения — чем бы ни была неожиданная пропажа полусотни людей, это был не бандитский рейд. Стреляных гильз и пробитых полотняных накидок фургонов тоже не наблюдается, да и товары — я заглянул в один — тоже на месте.

Удивительно.

Вот и наша «шхуна прерий», нетронутая, как и все остальные. Туман, курясь, поднимается вверх по обеим сторонам дороги. Никогда не видел ничего подобного.

На облучке сидит — скорее полулежит, вожжи в руке — Скользкий Бат. Нелепая шляпа съехала на ухо, глаза открыты и устремлены куда-то в пустоту. Но он жив — медленно-медленно его грудь поднимается и опускается. Жив, но в полной прострации.

— Эй, Батхорн.

Ноль реакции. Побелевшие губы шевелятся, но я не слышу ни звука. Полное впечатление, что пройдоху-коммивояжера просто выключили.

— Батхорн, черт тебя дерь, — я забираюсь наверх и энергично трясу своего незадачливого соратника. — Ленивая задница.

— ...нет.

— Что?

— Меня здесь нет, — выговаривает он чуть громче, голова мотается, как у куклы. — Теперь я помню.

— Дьявольщина, — нынче это заразное заболевание, как я погляжу. — Батхорн, кончай нести чушь и поехали в город, сейчас самое время.

— Я не добрался до Америки, — произносит он таким тоном, что у меня по спине бегут мурашки. У него совсем детский, беспомощный голос. — Умер в пути от голода. Мое тело родители выбросили за борт — иначе его бы съели другие. А я ведь так хотел стать актером...

Он вздрагивает и приходит в себя. В очистившемся небе нерешительно проглядывает солнце.

— Мистер Хуан! Быстро вы обернулись. Дело сделано? Туман поднялся? Я и не заметил — должно быть, сморило. Все же тяжелые день вчера был, да и утро нынешнее не лучше. Куда делись ребята?

Я не двигаю ни одним мускулом на загорелом лице. Усы тоже, кажется, не трясутся.

— Слишком много вопросов, Батхорн. Думаю, тебе вредно спать так много. Не то в следующий раз проснешься — а голова на обочине. Впрочем, вздор. Нас кто-нибудь впустит в город, или мне нужно будет перестрелять еще два десятка негодяев по выбору шерифа?

Скользкий Бат оглядывается с выражением легкой задумчивости.

— По совести говоря...

Он замолкает, и я понимаю, почему — со стороны города слышны шаги. Бат оборачивается, присматривается и расплывается в улыбке, непривычной на его унылом лице.

— Грег! Дружище! Сюда!

Я напрягаюсь, но больше по привычке — хочется верить, лимит на поганые неожиданности выбран этим днем до конца. Да и парень, вынырывающий из-за крайнего фургона, ничем не напоминает говорящие загадками темные фигуры.

— Это Грегори Хендс по прозвищу «Липкий», — поясняет зачем-то Бат, буквально лучась облегчением. — Наш, так сказать, контакт в Роуэн-Хилле. Большой кошелек и конечная остановка на маршруте.

— Занятные вы парни, — замечаю я. — Если не Скользкий, то Липкий. Специфике профессии, надо полагать.

Большой кошелек вежливо наклоняет голову, продолжая исподлобья разглядывать меня бесцветными бегаящими глазами. Чем-то он напоминает ящерку — вертлявый, весь какой-то серый, высохший. Нет ли у него хвоста — нужно будет уточнить потом, во избежание.

— А вы, мистер...

Я отчего-то вспоминаю выжженный солнцем форт, трясущиеся руки повара, словно вырезанное из твердого дерева лицо офицера по имени Куртц, до последнего вздоха старавшегося быть верным присяге. У этого человека были принципы.

Я изображаю улыбку. Слишком много усилий — у Липкого Грега дергается лицо.

— Зови меня Лейтенантом.

— Мистер Ленарт, вы ставите нас всех в весьма неловкое положение, — доктор Химмель благодушен, но тверд. Отпечатки с шеи уже сошли, и страха — а я ведь чувствовал его, явственно чувствовал тогда — тоже заметно поубавилось. Он снова уверен в себе и с удовольствием играет прописанную роль. Старший товарищ, поучающий оступившегося первоклашку. — Я запросил рекомендации с места работы, они весьма комплиментарны. Десяток с блеском выполненных заданий, несколько благодарностей... Пара выговоров. Несущественно. Мне, право, сложно, применять дисциплинарные меры к такому заслуженному агенту.

Теперь я должен почувствовать стыд. Стандартный прием, я и сам его использовал порой: «Ты же толковый парень, образумься, пока не поздно!» Но я не чувствую ничего, кроме слабого интереса.

Наверное, это как-то отражается на моем лице. Химмель вздыхает и меняет тактику.

— Мистер Ленарт... Алекс. Вы согласны с тем, что вам нужна помощь?

— Разумеется, согласен.

— Прекрасно. — Он демонстрирует саблезубую улыбку. — Признание проблемы — первый шаг к ее решению.

— Вы поможете мне отсюда бежать, доктор?

— Что? Нет, разумеется, нет, — его улыбка блекнет.

— Тогда я называю вас лжецом. Вы сперва предложили мне свою помощь, а теперь отказываете в ней. Это бесчестно.

— Мистер Ленарт, вы издеваетесь? Я имел в виду причину, по которой вы здесь оказались, ваше чудовищное помрачение рассудка, ваше отвратительное преступление! Мы должны привести вас в себя. В этом наша цель.

— Ваша цель, может быть. Ваши оценочные суждения, ваши эмоции, доктор. Я их не разделяю — я и так в себе, экая невидаль! Но, разумеется, поддерживаю ваше право их иметь и высказывать. Я вообще удивительно терпим к чужим бредням.

Он мотает головой — понимает, что дальше в этом направлении копать бессмысленно. Сообразительный малый.

— Начнем с азов... Ваше психическое состояние — как вы сами его оцениваете?

— Достаточно высоко. Но вы ведь не об этом хотели спросить — а о том, изменилось ли оно, по сравнению, скажем, с ним же двухмесячной давности. Верно?

— Да!

— По всем признакам, это я здесь доктор, а не вы... Итак, оно изменилось, я это признаю. Но вопрос не в том, изменилось ли оно, а стало ли мне по факту этого изменения лучше? Тут все сложнее. Я, например, считаю, что мне сейчас значительно лучше, большую часть неразрешимых ранее загадок я сейчас вижу куда яснее, чем раньше. С этой позиции ваши попытки вернуть меня обратно — бессмысленны. А с точки зрения этики — еще и безнравственны.

— Быть может, мы хотя бы попытаемся? Проведем... э-э-э... анкетирование. Узнаем размеры проблемы.

Мне вдруг наскучивает препирательство.

— Не вижу, почему нет. Не знаю, как у вас, а у меня полно свободного времени. Может,

еще и смирительную рубашку снимете?

— Посмотрим, как пойдет наше общение, Алекс. В прошлый раз все сработало не слишком хорошо. Кстати, не было ли у вас больше вспышек насилия?

— О чем вы, доктор? С этим покончено, ваши мордовороты... то есть, я хотел сказать, квалифицированные специалисты выбили из меня все это дерьмо. То есть тягу к немотивированной агрессии. Я тих и спокоен, как весенняя ромашка.

— Это отрадно. Давайте перейдем к вопросам... То, за что вы сюда попали — как вы сами это объясняете?

Честное слово, я ждал от него более тонкого подхода.

— Взорвал какое-то здание. Сопротивления сотрудникам полиции не оказывал. Вину признал полностью.

— Вы уничтожили больницу, мистер Ленарт. Взорвали его с помощью какого-то дикого количества пластита... или семтекса? Неважно. Погибло четырнадцать человек, два десятка получили ранения. Вы совершили преступление.

— Да, верно.

— Вас это не тревожит? Преступление — это нарушение закона. Законопослушность — это основа нашего общества, а уж у специального агента она должна...

— Видите ли, мне было без разницы. То есть да, те бедолаги погибли, что есть то есть. Но мне их не жаль.

— Почему?

— Потому что она умерла. Страшно, медленно и мучительно. И всем было насрать.

— Вы говорите о своей бывшей напарнице, мисс Дрейк?

— Ее звали Алиса, — голос начинает звякать какой-то непонятной хрипотцой. — Никакой мисс Дрейк не было. Ее звали...

— Понимаю. Смерть этой девушки тяжело на вас повлияла.

— Повлияла? Что ж, можно сказать и так. Ее смерть тяжело на меня повлияла, а те четырнадцать ребят из больницы чувствуют легкое недомогание. Понимаете, доктор... она унесла мир живых с собой. А я остался здесь. С вами.

Тикают часы, ровно, монотонно — это ужасно раздражает. И что им стоит идти помедленнее?

— У вас серьезное расстройство психики, мистер Ленарт, — мягко говорит доктор. — Вам необходимо лечение. Сильные, проверенные лекарства. Строгий режим.

— Чтобы вернуть меня в прежнее состояние?

— Именно.

— Я знаю лекарство, которое мгновенно поставит меня на ноги. Верните Алису.

— Э-э-э-э-э... Но ведь она...

— Мертва. Я знаю. Вы можете ее оживить?

— Не думаю, но, мистер Ленарт...

— Значит, у вас нет нужного лекарства, доктор. Это весьма непрофессионально с вашей стороны. Не вижу, как вы тогда можете мне помочь.

Он сжимает губы.

— Мы будем, разумеется, делать все, что в наших силах, чтобы лечение было эффективным. Но, мистер Ленарт... должен сказать, что это и в ваших интересах тоже.

— Вот как?

— Именно так. Это Сан-Квентин. Выхода отсюда всего два — через главные ворота, со

справкой о полной реабилитации в кармане, или...

Он сухо усмешается, хотя на его лице нет ни капли юмора.

— Или на ту сторону.

* * *

Яркое солнце вокруг городка. Тумана словно бы и не было, все исчезло, как морок. Торговцы на месте, все проверяют товары и шумно обсуждают нависшую было ранее, но так же неожиданно прошедшую мимо опасность. Якобы само собой прошедшую, само собой разумеется.

На меня никто не глядит, но отметка в уме, конечно, поставлена. Я никакой для них не герой, просто «тот парень, что перерезал банду ирландских головорезов». Проходил мимо в удачное время и вот так, не останавливаясь, перестрелял с бедра всех плохих парней. Больших талантов человек.

Впрочем, я и сам не чувствую себя героем. Из всего огромного мира, по каким-то причинам сузившегося до одной окруженной горами выжженной пустыни, линии выборов сошлись почему-то именно в этой точке. Нужная телега доставлена — ну, почти доставлена — эта история заканчивается, пора начинать новую. Какой она будет? Да и нужна ли она мне?

Как и зачем я попал сюда? Что нужно сделать, чтобы выбраться? И наконец: как быть с приближающейся погоней из неприятного местечка под названием Сан-Квентин? Вот три вопроса, которые не мешало бы разрешить в ближайшее время.

Я отвлекаюсь от мыслей о стратегии и обращаю внимание на происходящее вокруг. Мы въехали в город — здесь все так же, как снаружи, только есть дома, немного людей да пара повозок в пределах видимости. На задних дворах под навесами стоят разморенные лошади и мулы, лениво брешут собаки, вывалив наружу длинные языки, над единственной в городе водонапорной башней крутится флюгер. Скользкий Бат всюду болтает со своим новообретенным товарищем. Хочется надеяться, что насчет суммы вознаграждения за блестяще проведенную операцию. Иначе не сносить им обоим голов. Вот так!

Был у меня знакомый по имени Дом — Доминик, то есть — и вот как ни спросишь у него о чем-нибудь, скажем: «Эй, Дом, как там у тебя с той блондиночкой из шестого отряда?», а он такой: «Поди прочь, кяфир! Этот номер не пройдет!» То же самое мне хочется сказать и этой сладкой парочке. Не то чтобы мне так уж нужны были деньги. Но важен принцип.

— Эй, босс, — оборачивается ко мне Бат. Они идут пешком, а я еду на передке, так что имею законную возможность обозревать верхушку грязного цилиндра Батхорна и намечающуюся лысину Липкого Грега. — Вам, возможно, следует зайти к Джо Гарнега, шерифу.

— Что мне следует делать, я решу сам, Батхорн. И откуда тебе пришла в голову эта дикая мысль насчет шерифа?

— Прошу прощения, сэр, — вступает в беседу Грег Хендс, — только шериф назначил награду за банду Бешеного Брайсона, и немалую. Я так думаю, что лишние деньги, да еще и честно заработанные, вам не будут лишними. Сэр Лейтенант.

С одной стороны, у меня в последнее время как-то не очень хорошо складываются

отношения с шерифами. С другой — деньги и в самом деле не бывают лишними, да и окружающие, пожалуй, не поймут эдакого равнодушия. Тот же самый Липкий Грег в первую очередь.

— В какой стороне этот ваш шериф?

— С вашего позволения, сэр, ровнехонько прямо по этой вот улице, а затем первое строение налево, приземистое такое, мрачное, ну чисто тюрьма, только без решеток на окнах. Там-то вы его и найдете, сэр. Осмелюсь также сказать, что разумно будет сделать это прямо сейчас, пока вокруг куча свидетелей, а трупы ирландцев лежат за городом целехоньки. Потом доказать шерифу вашу причастность будет трудновато.

— Неужели?

— Именно так. Он из тех, кто, как говорится, удачно залил золотом пустоту в звезде Давида.

— Нечист на руку?

— И весьма.

— Что ж, такой человек мне подходит. Нужно поговорить!

Управление шерифа оказывается точно там, где и указал ящероподобный, и состоит ровно из пяти помещений: прихожей-тамбура, кабинета шерифа, кабинета его помощника, кутузки и соединявшего все это разнообразие в единую конструкцию коридора. В коридоре я немного топчусь и смущаюсь — нигде не видно ни души — но потом решаю, что негоже бравому истребителю ирландцев пасовать перед пустотой и, кашлянув для приличия, ломлюсь к шерифу.

Точнее, пытаюсь вломиться. Этот парень сидит за своим столом и мрачно целится в меня из здорового револьвера, так что коротко заглянув в комнату, я счел за лучшее испариться за косяком. Но выстрелов не последовало.

— Я пришел к шерифу Джо Гарнега поговорить насчет убитой банды Брайсона с «Куилинна. И насчет вознаграждения тоже, — отбарабаниваю я, стоя спиной к стене снаружи комнатки. Настроение у меня было так себе: а ну как шериф окажется припадочным? Стреляться с ним у меня нет ни малейшего желания — хватит пока что луж крови в закрытых помещениях, она ужасно воняет.

За стеной озадаченная пауза.

— Кто ты, черт тебя дерит?

— Ваш ангел-хранитель, судя по всему, — предполагаю я. — Звать меня Самуил Химмельфарб... то есть что это я? Лейтенант... просто Лейтенант, чего уж там. Легендарная точность в устранении разнообразной мрази, кто угодно может подтвердить. О, ошибка вышла — подтвердить не может никто, потому что они лежат с вышибленными мозгами как раз за городом, и шакал, и скорпион... что-то я увлекся. Словом, плохие ирландские и прочие парни вас больше не беспокоят, потому что о них побеспокоился я. Торговцы подтвердят, они все... ну, по меньшей мере слышали. А я слышал, что за убийство банды полагается награда. Меня злостно дезинформировали, или под этими слухами все же имеется зернышко правды?

Не знаю, откуда из меня все это льется. Наверное, дни сурового общения с Батхорном дают о себе знать. А может, вся эта угрюмость начинает из меня куда-то выветриваться, и уже не так давит на сердце невидимая могильная плита с годами чьей-то жизни и чьей-то смерти.

Алиса ее звали Алиса да и недавние встречи с разными не вполне обычными

собеседниками тоже, похоже, настраивают на какое-то мрачное веселье. Возможен, конечно, и третий вариант — бородатый и безмолвный смотритель маяка в моей голове уже напился крови, и больше ему пока не нужно, но мы ее, эту версию, не будем сейчас рассматривать.

— Входи.

Я вхожу. Шериф — крупный парень, шесть футов два дюйма самое меньшее. Не толстый, но тучный, голова кажется маленькой из-за объемистого пуза. Высокий лоб, отступающие с него в беспорядке черные, мокрые от жары курчавые волосы, маленькие темные глаза на грушеобразном лице. Не очень приятно его видеть, одним словом.

— Ты мне не нравишься, вот что, — выносит вердикт шериф Гарнега после беглого осмотра. — Ты не тот парень, которому будут рады в моем городе.

Я некоторое время кротко раздумываю над вежливым ответом, успокоившим бы шерифа, пока в голову мне не приходит универсальное решение. Оно изящно, просто, гениально — словом, довольно странно, что я не подумал о нем раньше.

— Пузо.

— Чего? — шериф надувается, словно воздушный шар. Видимо, решил, что я пошутить вздумал.

— Я говорю, что сейчас влеплю тебе пулю прямо в пузо, — вежливо поясню я. Он щурит и без того невеликие глаза.

— Пошутить вздумал, пройдоха?

— Какие уж тут шутки, толстый парень. Час назад я убил шестерых. Ну, ладно, пятерых, один-то потом воскрес, так что это не считается. В моем револьвере, как говорится, еще горяч боек, а в сердце — стьялая стужа. Я могу перерезать тебе горло ножом, или повесить на твоих же подтяжках, или выдавить глаза... или прострелить брюхо. Раны в живот болезненны, особенно если ты предварительно плотно перекусил — а ты, вижу, не отказываешь себе в этом. Мы одни в этой комнате, и я не опасуюсь удара в спину.

— Ты...

— Человек дела, — определенно, сегодня у меня прекрасное настроение! — Только представь: ты падаешь на пол, скорее всего, спиной, потому что проникающая способность у револьверных патронов не очень, зато останавливающая — пор мадре де Дьос! Ты с трудом переворачиваешься на бок, тебе дико больно, дышать тяжело, из брюха течет кровь. Не так обильно, как ты боялся — но только потому, что внутреннее кровотечение куда сильнее. С каждой секундой ты теряешь силы, дыхание затрудненное. Гулко топают ноги в сапогах, хлопает дверь — это я покинул здание. Выстрел, возможно, слышали поблизости, но вряд ли решатся напасть на меня — слава о расстреле банды уже гуляет по Роуэн-Хиллу.

Шериф облизывает жирные губы.

— Ты принимаешь решение ползти — вероятно в каком-то из соседних зданий квартирует местный доктор-коновал. В местах вроде этого вы предпочитаете держаться вместе, словно тараканы. Ползти на животе неудобно, хотя мокрая рубаха и сюртук немного снижают интенсивность кровотечения, но это больно, как же больно, пор Хесус! Резко и душно воняет кровью и чем-то еще — ты решаешь, что это, должно быть, кишки, полные твоего же дерьма. На кровавый след, который ты оставляешь за собой, садятся первые мухи. И вот, когда ты уже подползаешь к порогу...

— Достаточно, — что-то он побледнел. Воздух, что ли, здесь спертый? — Не надо... больше. Что... что тебе нужно?

У меня самое удивленное лицо на свете.

— Мне? По совести говоря, ровным счетом ничего. Кроме, может быть, обещанной награды за убитых бандитов...

Шериф вскакивает так быстро, что чуть не опрокидывает стул, и ковыляет к картине за своей спиной. За картиной обнаруживается сейф — как же шерифу без сейфа? Трясущиеся руки открывают дверцу — ба, да здесь настоящие золотые залежи, откуда у него столько? С другой стороны, все объяснимо. Наверное, недавно умерла его любимая бабушка и оставила наследство, а деньги, как всем известно, любят порядок. Сплошное жулье вокруг.

— ...которую, в сущности, легко можно разделить пополам.

Он замирает. Медленно-медленно поворачивает свою несимметричную голову.

— Что?

— Я думаю, это справедливо. В конце концов, именно благодаря вашей разумной стратегии запереть торговцев снаружи, бандиты решились подобраться так близко к городу. Где и пали от руки сурового, но справедливого законника. То есть меня. Эль омбре де лей. Командная работа в своем лучшем проявлении, разве нет?

Он мигает. Сглатывает. Откладывает в сторону свою долю.

— А вы гораздо более разумный человек, чем мне сначала показалось.

— Да, я произвожу такое впечатление. Не будем играть в дурачков, шериф. Вы знаете, что за мной погоня из самого Сан-Квентина, а я знаю, что вы это знаете. Поэтому я не стану испытывать ваше терпение и исчезну из города как можно быстрее, а вы взамен сделаете две вещи: скажете погоне чистую правду, мол, понятия не имеете ни о каком беглом мексиканце, может, и был какой-то, но пронесся через город, не задерживаясь.

— А второе?

Я делаю паузу. Не из театральности, а потому что сложно сформулировать то, что я испытываю только в виде смутных намеков и ослепительно-ярких вспышек где-то в затылочной части черепа.

— Странное, — выдаю я наконец, и шериф Джо Гарнега непонимающе хмурится. — Что-нибудь необычное в городке или окрестностях... Люди, животные, природные явления... Может, есть какие-нибудь места, куда, как говорят, лучше не соваться? В таком духе. Вспомните что-нибудь такое, шериф, и если это подтвердится, больше вы меня здесь не увидите.

— Э-э-э-э... — он практически убедился, что я псих, с которым не стоит иметь дел, и хотел бы избавиться от меня как можно скорее, но память о своей возможной смерти пока держит. — Честное слово... — он хотел бы сказать «сэр», но вбитые в далеком прошлом дурацкие правила не позволяют, — честное слово, Лейтенант, у нас ничего такого... самый обычный сонный городок у нас... самое большее, что было за последний год, это когда сдохла собака старого доктора Оуэна в день, когда перепились торговцы из Миссисипи, а самый странный человек в Роуэн-Хилле — это наш часовщик. Никчемный парень, по правде сказать, ничего путного не умеет делать, кроме разве что часов своих. Он у нас вроде городского сумасшедшего. Из жалости терпим.

— Ага, — говорю я со значением, просто чтобы не держать опять паузу. Вытянул пустышку — делай вид, что это по меньшей мере джокер. Все лучше, чем корчить огорченную рожу. Ничего нет в мире хуже, чем беспросветное уныние, тут святые отцы были правы. — Что ж, ладно. Не говорю вам «до свидания», шериф, а говорю «прощайте».

Я оставил его в живых. Нет, правда. Я чертовски горжусь этим своим решением. Я

превозмог себя и оставил его в живых. Пустого и вздорного человечешку, который к тому же пару секунд держал меня на мушке. И я всего лишь забрал свои деньги и вышел, топоча сапогами, как и было обещано. Это требует выдержки, я считаю. И большого, гигантского просто запаса филантропии.

На улице не сказать, чтобы людно, но и не та пустыня, к которой я привык за время своих странствий с беднягой Батхорном. Нужно все же сходить к тому самому загадочному часовщику для очистки совести — рассмотреть, быть может, он и есть тот, кто мне нужен. Тот, кто пригодится в решении моих чертовски сложных задач. Ну, правда, не к доктору же с его дохлой собакой мне идти.

Прогуливаясь под традиционно палящим в это время века солнцем, я размышляю, у кого бы поинтересоваться насчет загадочного часовщика и не прослыть при этом чудным малым, которого хорошо бы линчевать для общей пользы, как вдруг — о, радость! — задача разрешается сама собой. На одном из домов в дальней части центральной площади видны маленькие и порядком заржавленные, но вполне различимые часы. Эврика! Роуэн-Хилл — чертовски маленький городок, и это очень хорошо для моих целей.

Приближаюсь прогулочным шагом, вокруг наблюдается чудное спокойствие — никто не несется по улицам верхом во весь опор, переворачивая ящики с кукурузой и бутылки с лимонным соком, хлеща вокруг да около хлыстом, сплетенным из воловьих жил, никто не рассыпает снопы искр от подков и не колет в кровь лошадиные бока надетыми на высокие кавалерийские сапоги шпорами, не орет дурным голосом «Прочь, прочь, сукины дети, дорогу, живо!» Не знаю, кто как, а я считаю это положительным фактом.

При входе в магазинчик — а может, это мастерская? — над дверью тоненько тренькает колокольчик. Вот и все. Обратного хода нет. Часовщик знает, что я здесь и идет за мной. Черт, что за идиотские мысли лезут в голову?

Внутри приглушенно и тихо царит полумрак, тяжелые шторы на окнах отгораживают помещение от солнечного света снаружи, горят лишь две керосиновые лампы по бокам. Как здесь можно работать с часами, в этой тьме?

— Здесь ваш друг, доктор Оуэн, — говорю я громко. — Он желает приобрести большие напольные часы, и чтобы маятник был не менее трех метров, а еще...

— Нет нужды лгать, — у мастера мягкий голос, он выходит из боковой двери, сжимая в руках вполне приличную охотничью двустволку. — Я знаю, кто ты и что ты.

Вот это сейчас было неожиданно.

Часовщик — карлик, приземистый, широкий, лысоватый, в рабочем сером фартуке с неизменной черной лупой в правом глазу. Он двигается бесшумно, а его единственный видимый глаз внимателен и равнодушен. Специфика долгой работы с механизмами, я думаю.

— Приподними-ка руки, дружок, — говорит он все тем же мягким тоном. — И не делай резких движений.

Он наставляет черные жерла стволов прямо мне в грудь. Нет, тут даже на пол не упасть, прячься, разлет достанет в любом случае. Интересно, сколько у меня патронов осталось, если в целом считать? Как-то позабыл я озаботиться этим насущным вопросом, привык боеприпас с трупов снимать, совсем разучился вести с людьми дела цивилизованно.

— Никаких проблем, амиго, — покладисто говорю я, делая, как он велел. Некоторое время думаю, стоит ли улыбаться, но потом решаю не рисковать, с улыбками у меня в последнее время получается не совсем так, как хотелось бы. — Кстати, твой мушкет

настолько стар, что из него мог быть убит еще какой-нибудь английский герцог...

— Заткнись, каброн, — коротышка плавно, но шустро обходит меня и лишает огнестрельного. Возвращается за стол и кладет оба громобоя на стол, рукоятками к себе. — Признаюсь, сейчас я в некоторых раздумьях...

— По поводу?

— Тебе показалось, что я обращаюсь к тебе? — стволы глядят мне в лицо. — Это распространенная ошибка. Нет, я просто разговариваю сам с собой. Твоя задача сейчас довольно сложна — молчать и не отвечать. Справишься?

Я молчу и берегу дыхание.

— Правильное решение, — кивает часовщик и усаживается на стул, становясь еще на пять дюймов меньше своего и так невеликого роста. — Итак, вернемся к мистери Милостивцу, как он себя называет, хотя я, по правде сказать, ума не приложу, кому или чему он здесь оказывает какую-либо милость. А учитывая последние события, это и вовсе остается загадкой. Тайной, покрытой мраком.

Левой, свободной рукой он подкручивает фитиль лампы, и вокруг становится немного ярче. В углах комнаты, правда, по-прежнему медленно перемещаются длинные угрюмые тени, но часовщик, похоже, их не замечает. Или не обращает внимания.

— Это все из-за близости этого места к стоку, так? — задает карлик риторический вопрос, поскольку от меня он ответа явно не ждет, а больше в комнате никого нет. — Городок словно чертова раковина, сюда вечно стекает, повинувшись ньютоновской силе тяжести, самая черная мразь из всего посмертного мира... А этот Милостивец будто решетка, он позволяет самым крупным осколкам задерживаться здесь на достаточно долгий срок. Достаточный для того, чтобы...

Он трясет головой и оставляет двустволку на столе, обеими широкими ладонями проводит по высокому лбу. Впрочем, мне все равно не дотянуться до оружия. Поэтому я слушаю. Очень внимательно.

Часовщик обращает внимание на меня.

— И вот теперь ко мне заявляется еще один. Точно по моим расчетам, все как обычно — я не ошибаюсь, не подумай! И посланник должен будет скоро явиться, от мистера Света мне уже пришло письмо насчет этого. Вот только ты — не тот, кто им нужен! Не тот! В тебе нет баланса, чтобы быть допущенным хотя бы на предварительное рассмотрение твоего дела, понимаешь ты? Нет нужного сочетания света и мрака, добра и зла, только мучнистая серая мгла, и никакая нейросеть этого не исправит. И что это будет означать для тебя, знаешь? Знаешь?

Он растопыривает глаза так широко, что лупа с металлическим стуком падает на пол, и ему приходится на мгновение нырнуть за ней. Возвращается он уже слегка успокоенным.

— Да, в виде исключения ты можешь сказать два-три слова.

— Не знаю, сэр, — честно говорю я.

— Ты останешься здесь навсегда, вот что. Как и все остальное отребье. Навсегда — это очень длинное слово, но только в человеческом языке нет подходящих понятий, чтобы описать — насколько. И ведь ты не утомился, будешь продолжать убивать и грабить, как делал это раньше. А это значит, что Отстойник станет еще менее приятным местом, чем раньше.

— Отстойник?

— Это на одно слово больше, чем следовало, парень, — отрезает он. — Ну да, это мое

слово, призванное описать мерзкую пустыню с раскиданными тут и там селениями, полными гнусных ублюдков с револьверами за поясом. Или ты не считаешь себя таковым? Еще десяток слов для объяснения, пользуйся.

Я думаю секунды три.

— Я убил банду о'Куилинна. И тем самым спас целую гору торговцев.

— Хммм... — кажется, это производит на него впечатление. — Бескорыстный поступок, окончившийся успехом... да, это может сработать. Не факт, никоим образом не факт, но там, наверху, это правда могут и зачесть. Но для верности тебе придется сделать еще кое-что. Не для меня, и не за деньги, но для всего этого бедного, измученного города. И да, временно разрешаю тебе говорить.

По комнате словно бы кто-то проходит, огненные стебли в керосинках едва заметно колышутся. Хотя они вроде бы в стеклянных стаканах горят, разве нет?

— Что за чушь вы несете, мистер часовщик?

— Вода, парень. Этому городу отчаянно нужна вода. — Коротышка нервничает и говорит быстро. — Добудь ее, и это будет засчитано тебе там, наверху, как акт спасения. А это уже совсем другие счета, и значит, ты вполне сможешь покинуть это место.

— Так что же это за место такое, черт бы тебя побрал?

— Не так громко! — он переходит на отчаянный шепот. — Город умирает, банда отравила все колодцы по окраинам, а оставшихся ни на что не хватает. В десяти милях отсюда есть река с запрудой. Разрушь ее, и река по старому руслу снова вернется сюда.

— Что-то я не видел на улицах умирающих от жажды людей. Да и шериф ни о чем таком не упоминал.

— Разумеется, для него и его людей вода из оставшихся колодцев хранится в водонапорной башне, а излишки он продает среди жителей чуть ли не по цене золота.

— Ты...

— Послушай, — он наклоняется над столом, и в глазах его видна мольба. — Ты можешь это сделать. Ты должен это сделать. Ты обязан это сделать, черт возьми!..

Он спохватывается и зажимает рот рукой, но уже слишком поздно. Я слышу звук, он доносится отовсюду, словно хлопают и бьют воздух чьи-то сильные невидимые крылья. Тьма сгущается, жалкие черные фитили больше не тянут достаточно керосина, чтобы разогнать ее. Часовщик тоже это видит и съеживается на стуле от ужаса. Он и не вспоминает о своей двустволке даже когда я встаю и наклоняюсь над ним.

— Спасибо, что поделились своим видением со мной, мастер Часовщик, — говорит кто-то. К шее коротышки медленно приближается нож — он забыл его вынуть из моего сапога, и потерял меня из виду, наклонившись за лупой, непростительная оплошность. — Это было весьма, весьма познавательно.

— Борись с этим, — шепчет он, вращая глазами, — пожалуйста, борись...

— Спокойной вечности здесь, парень.

И красное видение его мира бьется и тихо трепещет под моим лезвием.

— Зачем нужно было вселяться в меня и водить чужими руками? — я сижу за столом покойного Часовщика, а мои ноги практически упираются в его лежащее на полу брненное тело. — У меня, если хочешь знать, не было ни малейшего намерения перерезать ему горло.

Мой собеседник чуть шевелится, крылья у него за спиной издают странный короткий шелест. В комнате совсем темно, фонари частью потухли, частью горят тусклым чадящим светом. Но ни мне, ни ему не нужен свет. Свет больше не нужен вообще.

— Это неправда, — говорит он звучным сильным голосом. — Если бы ты хотя бы подумал о сопротивлении, я не смог бы управлять тобой. Но ты не думал ни о чем. Зря ты так, парень. Впрочем, неважно. Задавай вопросы, ковбой. В отличие от Дамаскинца, я могу ответить на твои вопросы. Более того, я намереваюсь это сделать. Если таковые последуют, разумеется.

— Ты и есть Милостивец?

— Местные зовут меня так, не вижу причины их переубеждать... Не скажу, что это настоящее имя, но оно определенно не хуже любого другого.

— Что это за место? Я так часто задавал себе и другим этот вопрос, что, боюсь, уже не знаю, кому верить.

Милостивец издает смешок. Тьма смыкается плотнее.

— А ты думаешь, почему я позволил Часовщику жить так долго? Он сэкономил мне время, рассказав абсолютную правду. Это Отстойник — место вне обычного времени и пространства, место сбора бракованных, непригодных душ, или же душ тех, чья судьба пока непонятна и не определена.

— Это Ад или Чистилище?

— Глупости. Чистилище — воображаемый идиотами край, где души почти праведников очищаются до состояния, достаточного для пропуска в Рай. Как будто кто-то согласился бы финансировать такой неэффективный бизнес-план. Ад же... Ад — это и вовсе не место.

— Непонятно.

— Представь, что тебе плохо. Ты ощущаешь боль, отчаяние, злобу, муку, депрессию, безнадегу — все одновременно и все в превосходной степени. Представил? А теперь скажи, так ли важно в этот момент, где ты находишься? Ты ведь уже в Аду — своем личном, но от этого не менее реальном.

— Хочешь сказать, его вообще не существует?

— Отчего же? Юридический адрес никто не отменял. Я просто пытаюсь сказать, что Преисподняя — это скорее не точка на карте или в календаре, а сумма твоих самых тяжелых переживаний и навязчивых мыслей.

— Тогда выходит, что самое интересное всегда происходит внутри меня. Или точнее говоря — происходило.

— Именно! Видишь, ты начинаешь понимать.

— Не вижу. И не понимаю. Получается, физически существует только Рай?

Он вздыхает долгим присвистывающим звуком, от которого у меня шевелятся волосы.

— Ад — это когда таких, как ты, в одном месте становится слишком много. А Рай — это просто изнанка. Место для медитации. Тебе туда не захочется. И не волнуйся насчет этого, тебе досталась судьба поинтереснее.

Объяснил так объяснил.

— Что значит «досталась»? Звучит так, будто у меня нет даже иллюзии выбора.

— А ее и правда нет, парень. Ни иллюзии, ни, тем более, выбора. Утешайся тем, что подавляющее большинство людей несравнимо богаче тебя — они с этой иллюзией пока не расстались.

— Чертова ложь, и ты это знаешь.

— Ничуть. Мы проводили исследования с помощью МРТ, они говорят, что любое решение любого человека можно предсказать в среднем за восемь секунд до его осознания. Это очень много. За восемь секунд до того, как ты захочешь двинуть левой пяткой, я об этом уже узнаю, если только захочу поглядеть на активность твоего мозга. А я захочу, можешь не сомневаться.

— Черта с два. Есть же случайные процессы. Спонтанные решения. Я сам их принимал и испытывал. Ты просто пытаешься меня запутать.

— Если в твоем мозге что-то и происходит случайно, то никакого отношения к свободе это не имеет. Скорее наоборот, это отрицает свободу. Если твое решение принимается в ходе случайных процессов на квантовом уровне на мембранах твоих вялых нейронов, где тут твой свободный выбор?

— Лжешь.

— Ты не знаешь этого наверняка. Вот и вся твоя свобода, ковбой. Свобода оставаться в неведении. Во тьме. Навсегда.

У меня-то на этот счет свои планы, но ему о них знать не следует.

— Как насчет новых вопросов? — Милостивец очевидно скучает, его дыхание вырывается из тьмы клубами черного пара и колышет увядшие керосиновые фитили. — Где находится выход, как избежать погони, к кому обратиться за помощью. Задавай, не стесняйся.

— У меня нет вопросов.

— В самом деле? — Он удивлен. Это дорогого стоит. — Хочешь поиграть по-своему? Учти, твой выбор — это никогда не твой выбор, попытки сойти с тропы редко заканчиваются как следует, а у нашего босса на тебя имеются определенные планы. Без правильных ответов тебе здесь придется несладко, будешь жевать дерьмо до самого Третьего пришествия.

— Второго.

— Нет, дружище. Второе уже давно состоялось, только из этого ничего не вышло. Я же говорил, Рай — довольно скучная штука, ваш род проявил свойственную ему игривость, предпочтя вечные страдания. И я не могу вас винить, я и сам люблю действие, кровь, погони, интригу! Ну, последнее предложение — отвечаю на любой вопрос.

Мне попался в собеседники довольно азартный демон.

— Благодарю, воздержусь. Кроме того, полагаю, мне пора идти, времени остается совсем мало. — Я делаю твердый шаг к дверям, он не препятствует мне. — И вот еще что, мистер Милостивец...

— Да?

— Проблема ведь не в том, кто жует дерьмо, а кто не жует дерьмо. Проблема в том, дерьмо это или шоколад. Если ты понимаешь, о чем я.

Он понимает. Я звеню колокольчиком на двери и покидаю часовую мастерскую.

Странное ощущение; я ловлю себя на мысли, что не чувствую ровным счетом ничего. А ведь казалось бы — чертов полуграмотный мексиканец только что узнал, что бродит по какому-то преддверию Ада, перерезая глотки давно мертвым ублюдкам. От такого у кого угодно между ушей мог бы образоваться мокрый липкий комок. Но не у меня: в мои жилы словно засыпали остывший пепел далеких звезд, по сравнению с которым жидкий азот казался слабой кофейной бурдой из автомата.

Полная отрешенность. Максимальное спокойствие.

Я помнил то, что сказал Часовщик.

«Этому городу отчаянно нужна вода».

И еще он сказал, что выполни я эту задачу — некие силы на самом верху могут помочь вытащить меня из Отстойника. Куда — это уже другой вопрос. Главное — прочь отсюда. А мне очень нужно выбраться из этой чертовой дыры. Сейчас даже больше, чем когда-либо еще. Иметь дело с кровожадными мертвецами с Дикого Запада — это одно, но соревноваться с ними в скорострельности, и тем более удирать от погони... Нет, это мне не подходит. Спасибо, но не в мою смену.

Что он там говорил — река в десяти милях, перегороженная запрудой? Говно вопрос, ломать не строить, я это понял еще в материнской утробе.

На улице опять барахлит погода — жаркое утро сменилось прохладным полднем, солнце убралось за сплошную занавеску неожиданно плотных серых туч. Интересно, это работа Милостивца и его кодлы, или случайное явление? Да черт его знает. Для моих целей что солнечная погода, что пасмурная годятся одинаково хорошо.

Устремленный под ноги (это чтобы не черпать глазами пыль, а вовсе не из-за скромности, не подумайте) взгляд спотыкается о неожиданное движение. Почти под ногами лежит издыхающий пес: живот то надувается, то опадает какими-то редкими, неуверенными движениями, задняя лапа конвульсивно дергается, пасть раскрыта в последнем оскале. Смерть от жажды.

Вот так встреча.

Задираю глаза в небо — нет, все так же облачно, но ни малейших признаков влаги. Великая сушь.

Я обнаруживаю еще кое-что: оказывается, кабыздох выбрал улечься не где-нибудь, а прямо под занесенной пылью входной дверью единственного в городке борделя с гордым названием «Brothel in Arms». Шлюхи в объятиях, значит.

Голову вдруг словно засовывают в тиски, в мозг ввинчивается толстое и тупое сверло, перед глазами все плывет. Я не ел ни крошки вот уже двое суток. Организм на грани серьезного истощения. Мне нужно поесть и отдохнуть.

А в борделе ведь подают закуски, верно? Я пинаю сапогом давно не крашенную дверь и вхожу.

Внутри заведение обставлено совсем не так, как, мне смутно помнится, должны выглядеть публичные дома. Никакой тяжелой красной парчи с кистями, резных столиков, статуэток причудливых и неприличных форм не наблюдается. Вазы с фруктами и развратные фонтаны с шампанским тоже отсутствуют. Никаких человеческих многоножек и странных групповых игр. Большая и пустая комната, два вытертых дивана, накрытый скатертью стол, в

углу низкий и довольно мягкий с виду топчан, отгороженный от остальной комнаты декоративной перегородкой.

С потолка свисает люстра в виде колеса, утыканная оплывшими свечами — в трактирах видел такое. Наверное, это не единственная комната, есть еще, да плюс второй этаж — только я зашел во внеурочное время, дневное, вот никого и нет. Тишина и спокойствие сейчас мои единственные спутники. Впрочем...

— Привет, — я слышу шорох платья на долю секунды раньше, чем голос, и потому не вздрагиваю. По поскрипывающей лестнице спускается девушка... нет, женщина, движения и осанка не дадут соврать. — Вы слишком рано сегодня, мистер. Девочки еще отсыпаются после ночи, первые вряд ли поднимутся раньше обеда. Предложила бы вам себя, но не думаю, что в вашем вкусе. Да и... как у вас с деньгами, таинственный незнакомец?

— С деньгами все весьма неплохо, — сообщаю я, роняя на ближайший стол несколько здоровенных купюр с портретом Сэмона П. Чейза и обшаривая красотку глазами. Слегка за тридцать, пожалуй, довольно высокая, мускулистого телосложения, хотя дурацкое платье до пола с рюшечками закрывает обзор. Много косметики, особенно сильно подведены глаза. Короткие выбеленные волосы, на левом виске зачем-то обкорнанные под матросский «ежик». — А насчет последнего предложения...

Она коротко и мягко смеется, обходя комнату по периметру и зажигая настенные лампы одну за другой — это выглядит почти (но не совсем) как ритуал, наподобие тех, что, должно быть, проводят на своих вонючих луизианских болотах омерзительные, поклоняющиеся мертвым рептилиям сектанты. Качает головой.

— Не пойдет, мистер. Именно с этим я не смогу вам помочь. Но с любой другой просьбой — разумеется, обращайтесь. Меня зовут Мишель, я здесь хозяйка, блюстительница нравственности и порядка в этих неверных и пыльных стенах.

Кого-то она мне напоминает, то ли манерой речи, то ли внешним видом... А может, мне просто непривычно спокойствие, с которым она ведет себя перед заросшим, грязным, пропахшим порохом, кровью и мочой мужиком в не единожды простреленном плаще и засаленной ковбойской шляпе. Странное ощущение, я давно его не испытывал.

— Конечно, — говорю я хрипло. Мокрая от пота ладонь за спиной отпускает рукоять револьвера. — Просьба имеется. Мисс Мишель... если в вашем заведении есть возможность расслабить не только яйца, но и спину, которая, должен признать, болит, как чертова сука, я был бы вам крайне благодарен. И пожрать. Чего-нибудь, все равно чего, хоть даже стручков мексиканского перца и этой их вонючей текилы. Но лучше все-таки чего-нибудь более традиционного. — Я долго вспоминаю нужное слово. — Пожалуйста.

Становится так тихо, что слышно, как под полом скребет мышь. А может, то редкий в этих местах мексиканский тушкан.

Хозяйка, Впрочем, совсем не выглядит удивленной.

— Необычная просьба, да... Но, разумеется, выполняемая. Присаживайтесь на тахту вон там, сэр отважный ковбой. Я пришлю кого-нибудь с едой. Надеюсь, вы не ранены?

— Не думаю.

— Хорошо. Я купила диван всего полгода назад, не хотелось бы испачкать. Сверх совершенно необходимого, я хочу сказать.

Сравнения — странная штука. Логично было бы сказать, что я рухнул на любезно предложенный диван — он же тахта — как подрубленный дуб, как срезанная пилой дровосека секвойя, как сухая сосна, на худой конец. Но подсознание считало иначе, оно

упорно подсовывала в голову образ нежащегося на поверхности океана и радостно поднимающего фонтаны брызг кита, так что в конце я плюнул и смирился. Пускай будет так. Я опустился на тахту тяжело и свободно, подобно океанскому синему киту, едва успев отстегнуть оружейный пояс и скинув надоевшие плащ и шляпу. Мышцы застонали, понимая вдруг, до чего устали от всего этого творящегося снаружи безумия. Кости, даром, что полные мозга, ничего понимать не стали, просто захрустели, будто ломаясь. А мозг... он отключился. Почти сразу.

Я уснул.

И проснулся, оттого что на диване кто-то сидел. Даже не так. Сидел и смотрел на меня. Ничего не делал, вообще не шевелился, просто сидел и смотрел.

Я рефлекторно дернул рукой к поясу, но она после сна — недолгого, по ощущениям не больше четверти часа! — затекла и едва шевелилась. Сонный мозг на долю секунды захлестнула холодная волна дикой визжащей паники, но потом так же быстро схлынула, впитавшись в шершавый влажный песок рассудка.

В ногах у меня сидела девушка. Вот так просто, подогнув под себя ноги и расправив белый шелк пеньюара — но пеньюар я заметил чуть позже, а сначала взгляд приклеился к ее лицу. Забавно, да: смотреть на лицо, сидя в борделе, но я вообще довольно забавный парень, вы должны были заметить. Что-то было в нем правильное, чистое — опять выходит смешно, я понимаю — какая-то почти детская угловатость черт... Много косметики, высокие скулы, самую чуточку раскосые глаза, каштанового цвета кудряшки до плеч... Не знаю, почему, но в голове возник образ этой француженки, как же ее... Ренетт, «принцессы», Жанны-Антуанетты Пуассон, мадам д'Этьоль, маркизы де Помпадур.

А на коленях у нее стоял аккуратный поднос с закусками.

— Миленько, — прокомментировала она, наблюдая за моими подергиваниями шальными темно-карими глазами.

— А? — голос со сна был жестяной.

— Первый раз вижу, чтобы мужчина засыпал не после траха, а до него, — она покачала головой, кудряшки мотнулись из стороны в сторону, будто занавески на окне, открытом в осенний сад. — У тебя, должно быть, имеется чертовски хорошее объяснение для этого.

— Объяснение есть, — сообщил я, перемещаясь в вертикальное положение. Хорошо, что сапоги не успел снять, сейчас бы все оставшиеся в этой комнате тушканчики окоурились от могучего амбре. — Но не про твою честь. Мишель тебя прислала?

— Ага, — девушка беззастенчиво подцепила с подноса кусочек пшеничной лепешки, обмакнула его в глиняную соусницу с чем-то красным и пахучим и отправила получившуюся конструкцию в рот. У нее были изящные маленькие кисти. — Черепеховый суп, омары по-мэрилендски, а также амонтильядо и неаполитанское мороженое сегодня, можно сказать, не завезли. Как и в любой другой день, говорю по секрету, так что пришлось ограничиться банальным, как стариковская жопа, бурито.

— Интересно, — сказал я. Девушка прищурилась. На ее аккуратных губках осталось красное. Почему-то я смотрел именно на них. Почему-то.

— Что именно? Насчет жопы?

— То, что ты знаешь все эти названия, да еще значение слова «банальный». Ты кем будешь-то?

— Королевой британской я буду, — безмятежно сказала она. — По настроению, правда, работаю высокооплачиваемой гетерой, но стоит дождаться полночи...

— Имя есть у тебя, гетера?

— А как же, — она наконец дожевала остатки лепешки. — Мистерелла Девилль.

— Это сценический псевдоним. А на самом деле?

— Поглядите-ка, мистер грязный ковбой тоже знает пятидолларовые слова! — она ткнула в меня острым пальчиком. — Ладно, поиграем в откровенность — за те деньги, что ты заплатил, позволяется и не такое. Алика. Алика ЛаБо.

Сердце пропустило удар.

Алика. Почти что Алиса. Почти что та, которая...

Которой нет и не будет больше никогда.

Алика ЛаБо.

— Ты что-то побледнел, мистер, — Алика ловко подсунула мне уже малость опустевший поднос. — Перекуси, что ли, а не то я могу не удержаться и затолкать в себя все это. Пардон за невольный каламбур.

Я принялся за еду. Лепешка оказалась подсохшей, так что блюдо походило скорее на тако, разве что собирать его приходилось самостоятельно. Впрочем, плевать, сочетание острого мяса и мелко порубленных овощей было именно тем, чего мне сейчас не хватало. Девушка наблюдала за моей довольно неряшливой трапезой.

— Изголодался ты, мистер, по всему видно. А тебя как звать, раз уж в ход пошли настоящие имена?

— Ле... — я запнулся. — Лейтенант. Просто Лейтенант.

— Как скажешь, лапочка, — пожала плечами Алика. — Ты сейчас снова баиньки или займемся уже делом?

— А ты что, в ближайшие несколько часов в полном моем распоряжении?

— Вряд ли тебя хватит на несколько часов, — хихикнула она. — Бабы у тебя не было... долго, судя по всему. Нужна разрядка. Ну, а я здесь как раз для этого. Так что?

— Погоди, — это слово далось мне нелегко. Видит бог — или кто-то еще — я ее хотел. И вовсе не потому, что давно не был с женщиной. Она... Алика выглядела живой. Настоящей. Чуть ли не впервые с того момента, как я очнулся посреди пустыни в том дурацком сомбреро и осколком от заляпанной чем-то зеленой бутылки в сжатом кулаке. — Погоди. Давай поговорим.

— Да без проблем, — легко согласилась она. — Времени у нас целая вечность. Мертвецы часов не наблюдают, так ведь?

Мне понадобилось несколько секунд, чтобы осмыслить ее слова.

— Что... что ты сказала?

— Да я знаю, что здесь все мертвяки, — Алика с иронией уставилась мне в переносицу, ее глаза смеялись. — И помню, как умерла, а потом оказалась здесь. Поначалу я думала, что это и есть ад. Но потом вроде как сообразила — для ада здесь малость скучновато. Наверное, это что-то вроде септика — отстойник для всякого дерьма. Вымученное, вырожденное, выплюнутое, словно после затяжки от дешёвого табака, место.

— Так и есть.

— Ты тоже, значит, догадался? — она кивнула. — Сообразительный парень. За что ты здесь?

— За что?

— Да брось. Можно сколько угодно притворяться, но в сухом остатке, перед самим собой — какой смысл? Мы все в глубине буши знаем, за что здесь оказались. Я, например,

была плохой матерью. — Она на секунду сбивается. — Очень-очень плохой матерью. И довольно никчемной женой, надо сказать. Меня зарезал кухонным ножом очередной любовник. Широкопленным таким, знаешь, для резки мяса, настоящий тесак. Он всадил мне его в живот.

— Алика.

— Он был трус, — кажется, она меня вообще не видела, глаза подернулись поволокой и каким-то жемчужным блеском. — Даже не хватило смелости, чтобы вытащить нож. Он убежал из дома, а я осталась. Упала на колени, потом завалилась на живот, нож вошел еще глубже, только не ровно, а под углом — я почувствовала, как там, внутри, что-то оборвалось, и вдруг стало так тепло и спокойно, и я подумала «ну вот и конец...» И, кажется, заснула.

Она поглядела на меня внимательными, цепкими глазами.

— Только это был никакой не конец, мистер Лейтенант. Я пришла в себя здесь, ничего не поняла — какой, к черту, Дикий Запад? Галлюцинации? Это какая-то шутка? Инсценировка? Телешоу? Черта с два, и ты это знаешь. Это то посмертие, которое мы заслужили, ковбой. Так вот, я хочу знать: в чем твоя вина?

Лампы на стенах горят ровным желтоватым светом, по комнате плывет острый запах нагретого железа и керосина. А и какого черта, собственно?

— Была одна девушка... а потом умерла. А я убил тех ублюдков, которые позволили ей умереть.

— Шикарно, — оценила Алика. — Очень достойное решение. Только вот, судя по всему, среди тех, кого ты убил, были и невинные, иначе мы бы с тобой сейчас не разговаривали.

— Невинные всегда умирают за чужие грехи. Это закон.

— Здесь не поспоришь. — Девушка потянулась: долго, расчетливо, с прогибом, чтобы все можно было рассмотреть как следует. — Так или иначе, мы тут, похоже, застряли надолго. Что ты думаешь насчет скоротать время с обоюдным удовольствием?

— Я?

— Конечно, ты, Лейтенант. Разумеется, ты. И еще я. Если, конечно, ты сочтешь нужным.

Она, уже все решив, задрала пеньюарчик, легла на животик, подставив на обозрение всем желающим аккуратную попку, и приготовилась получать удовольствие.

* * *

— У тебя шрамы на груди, — говорит она некоторое время спустя. — Откуда они?

— Это важно?

— Мы застряли в месте между Землей и Небом. Или Землей и Преисподней, как тебе больше нравится. В невозможном месте. Здесь ничего не важно, только почему бы не побыть откровенными хотя бы здесь и сейчас. Кто ты? Как тебя зовут на самом деле?

— Лейтенант.

— Ну, как знаешь.

Мы лежим на том же самом диванчике, одежда разбросана по полу, туда же отправился и пустой и больше не нужный поднос, у меня в руке стакан с каким-то местным коктейлем — джин, мята, лимон и еще что-то, на вкус напоминает божественный нектар. В соседней

комнате уже началось обычное для этого места веселье — там слышны девичьи визги, грохот посуды, и играет расстроенное пианино, где за тапера отдувается какой-то ушлый парень с красными замшевыми перчатками, свешивающимися из заднего кармана брюк. Мошенник, должно быть, а может, убийца. Других здесь не водится.

Алика, чьи теплые пальчики скользят сейчас по моей коже, невесело хмыкает.

— Можно сказать, что они нашли друг друга: хмурый любвеобильный мексиканец и дешевая бордельная шлюха. Будешь меня защищать теперь от всяких крикливых мудаков, любящих распускать руки не по делу, Лейтенант? Учти, здесь таких полным-полно, и нельзя сказать, что со временем эта ситуация изменится. Ты точно хорошо подумал?

— Боюсь, что все будет совсем не так завлекательно, — я шевелюсь, ставя стакан на пол, и мягкая девичья ладошка соскальзывает куда-то вниз. Впрочем, я не имею ничего против. — Видишь ли, я не планирую задерживаться в этой сточной канаве ни на секунду дольше, чем требуется.

— А я, значит, провожу здесь вечность потому, что жить не могу без грязи, вони, крови и песчаных бурь, верно? — Она достает из-под дивана оловянный пенал со спичками и, морщась, поджигает длинную сигаретину. Клуб густого синего дыма воняет, словно тысяча протухших яиц. — Не то, чтобы отсюда был официальный выход, ковбой. Да и вообще хоть какой-нибудь, пускай самый плохонький выход.

— Он есть, — говорю я, и девушка замирает, обратившись в слух. — И я намереваюсь им воспользоваться.

— Что? Постой! Нет. Черт! — Слова мешают и путаются. — А, к чертям! О чем ты?

Я рассказываю о последних словах Часовщика. Большой бескорыстный поступок. Спасение города от долгой мучительной смерти. Я собираюсь выбраться из этой дыры, пройдя по черному ходу.

— Я с тобой, — не раздумывая, выпаливает девушка. — И мы отправляемся прямо сейчас.

— Ты бредишь.

— Не больше, чем обычно. Я умею обращаться с оружием, на втором этаже лежит полностью исправный «винчестер» системы Генри и полсотни патронов сорок четвертого калибра к нему. Еще я хорошо лажу с лошадьми и не доставлю хлопот. Я отчаянно хочу выбраться отсюда, Лейтенант. И знаешь еще что?

Она садится на меня сверху и берет мое лицо в ладони.

— Добрые дела не становятся хуже, если их делят пополам. От этого они становятся только справедливее. Понимаешь? Мы сделаем это вместе. А все остальные, обреченные торчать здесь навечно, пусть отсосут, не нагибаясь!

Я раздумываю не больше нескольких секунд.

— Тогда через пять минут у входа в нормальной одежде и с оружием. А если какой-нибудь мудака — из числа крикливых, как ты сказала — попытается тебя задержать, просто пристрели его. Справишься с этим сложным заданием?

Алика молчит и прислушивается к нестройному пению и стеклянному звону, доносящемуся из соседней комнаты.

— Долгое пребывание в этом помойном ведре с дерьмом не способствует глубинной кротости, Лейтенант. Скажи только слово — и я спалю весь этот гребаный бардак к чертовой матери.

Мы выезжаем из Роуэн-Хилла чинным шагом — и это явный прогресс, предыдущие поселения я либо подрывал динамитом, либо покидал галопом, нахлестывая скакунов безо всякой жалости. Значит ли это, что мой статус здесь повысился? Вздор, быть желанным гостем в городе мертвецов — так себе решение. С другой стороны, именно спасение этих мертвецов, если верить покойному мастеру, может вывести меня из чертовой песочницы.

Я некоторое время раздумываю, не взять ли мне с собой Скользящего Бата и этого мерзкого парня Грегори. Олухи или нет, они могут оказаться полезными. В крайнем случае, если столкнемся с кем-нибудь, они сыграют роль живого щита, отвлекут внимание... А знаете что, нет. Эта идея мне не нравится. Есть что-то справедливое в том, чтобы остаться с Аликой наедине, и всякий другой будет здесь лишним.

Брести пешком не потребовалось, у ближайшей же коновязи стояли лошади — чья-то добрая душа позаботилась вместо нас об этом вопросе. Ствол из дряхлой древесины, темный и подгнивающий, в нем четыре ржавых кольца, два из них заняты веревками с хитрыми узлами, такие используются, чтобы лошади, испугавшись, не убежали. С другой стороны, они должны легко распускаться, если потянуть за один конец. Я так и делаю, и через полминуты мы уже сидим верхом. Лошадки тихо сопят и фыркают, но не бунтят. Эх, чуется мое сердце, не понравится им грядущее приключение. Да и черт с лошадиными чувствами — мне-то все это уже давным-давно не нравится.

Алика, выглядящая богиней войны в черной куртке поверх белой рубашки и темных кожаных штанах, взлетает в седло одним движением, усаживается уверенно, по-мужски, верным хозяйским движением пристраивает ружье, абсурдно выглядящее в ее изящных ручках, на луку седла. Нет, с ней у меня определенно не будет проблем.

Нас никто не видит и не провожает.

Дорога ведет сама, то изгибаясь среди высохших мумий домов и амбаров, словно песчаный уж, которых я видел здесь уже предостаточно, то вытягиваясь в струнку, будто резвый солдат перед генералом. Я не боюсь заблудиться — один тракт, на пересечении которых стоит город, ведет в горы, другой — в низину. А в горах я никакой реки не видал.

Река с запрудой.

Разрушив ее, мы дадим жителям воду. Иначе они умрут.

Это сказал Часовщик.

И не подтвердил Милостивец.

— Интересно, — роняю я, и слова, вырвавшись изо рта, медленно опускаются в желтую пыль под копытами лошадей, — можно ли считать бескорыстным поступок, эффект от которого мной просчитан и определен как желательный?

— А хрен его знает, Лейтенант, — отвечает Алика. Она едет чуть впереди приподнявшись в стремянах, я смотрю на ее темную точеную фигурку, и мне почему-то становится хорошо и спокойно. — Но даже если у нас ни черта не выйдет, грех будет не попытаться, согласен?

Я согласен. Я постоянно с ней согласен.

Чертовщина.

Дорога ведет вбок, но Алика правит прямо, я следую за ней, и очередной пригорок внезапно оказывается никаким не пригорком, а краем речной долины. Забавным образом он

также обозначает границы между жизнью и смертью.

Долина цветет. Бурый и желтый цвет пустыни, красноватые блики плоскогорья сменяются насыщенным зеленым ковром. Поначалу это все еще какие-то колючие кусты и похожие на грязноватые лужи островки лишайников — но чуть дальше они становятся уже настоящим луговым разнотравьем. А еще дальше...

Там катит свои воды река, которая с высоты гребня, на котором мы сейчас замерли, кажется почти черной. Широкая, метров сто пятьдесят, пожалуй. Течение почти равнинное, только в нескольких местах спокойную водную гладь разрывают пенные клыки порогов.

— Ахерон, — почему-то шепотом говорит Алика. — Новое русло вон там, видишь?

Километрах в двух отсюда русло разделяется надвое. Основной поток движется вправо и вдаль, растекаясь там гигантской болотистой поймой. С левой стороны промыто куда более глубокое и удобное русло, но оно перегорожено здоровенной каменной насыпью, поросшей пятнами травы и даже молоденькими деревьями. Вот она, проблема.

Внезапно я замечаю еще одну.

— С коней, живо!

Девушка слезает с седла раньше, чем я заканчиваю фразу. Но не произносит ни слова. Не только потому что умница, но и поскольку видит то же, что и я. Четыре темные фигуры на узком рукотворном перешейке. Желтые искорки костра, стальной отблеск ружей.

Шериф додумался поставить на своем объекте вооруженную охрану.

— Дальность стрельбы из этой дуры — ярдов сто, — рапортует Алика, до того нежно и по-родственному поглаживая цевье «винчестера», что где-то в глубине моей головы протяжно мяукает ревность. — В идеале. Только я же не королевский стрелок... в общем, сорок пять-пятьдесят ярдов даю тебе с гарантией.

— Негусто.

Мы лежим в густой траве — она качается на легком свежем ветерке и замечательно пахнет. Чертовски замечательно, я уже почти и забыл, как это бывает, когда под ногами не мерзкий сухой песок пополам с шакальим говном, а сочные травяные стебли. В сущности, это вполне естественно, живое тянется к живому. А мертвое... его мы вскоре сделаем еще более мертвым.

— Прости пожалуйста, мистер «палю-без-промаха», — бурчит Алика. — На сколько ты мечешь свой замечательный нож? Каким рекордом можешь похвастаться при стрельбе из револьверов? Поделись успехами, восхитимся вместе.

Тут она права, конечно.

— Поговори мне тут, эмансипированная женщина. Будешь у меня приманкой работать.

— Я всю жизнь приманка, — отмахивается девушка. — Только ситуации разные. Как работаем?

— Сутки через трое, — бормочу я. — План такой: я делаю большой крюк и захожу им со спины. Ты снимаешь одного. Двух, если сильно повезет. Они паникуют, бегут от тебя... или к тебе, но это если не паникуют... и тут их встречаю я. Суть в том, что в любом случае они оказываются между двух огней. Компрене-ву?

— Же ву компран тут-а-фе, месье, — немедленно откликается она. — Один вопрос: как мы узнаем, что пришел нужный момент? Иначе может получиться нехорошо. Нужно какое-то сопряжение... синхронизация.

Черт возьми, какая разумная девушка мне попалась! Нужно это использовать.

— После того, как я уйду, ждешь... — я прикидываю расстояние до запруды, — ...ну, полчаса где-то. А потом... начинаешь работу после первого же резкого звука с их стороны. Ржание коня, крик, звуки драки — в таком духе. Стрелять можешь даже не особенно метко, главное — часто. Чтоб страшно стало. Чтобы они все с мест подорвались, даже и те, кого мы, может, и не видим пока. Ясно?

— Все понятно, мон женераль, — сверкает она хитрыми темными глазами. — Дело будет сделано!

С того момента, как мы перевалили за горб речной долины и увидели запруды с охранниками, прошло совсем немного времени. По счастью, мы двигались быстро, и тревоги не подняли. Неподалеку от горба обнаружился крохотный распадок до самого низа долины, с вытекающим из него родником, там мы и стреножили лошадей.

Наблюдение за обнаруженной четверкой издала ничего не дало, приличной оптики ни у меня, ни у Алики не оказалось — как и неприличной, впрочем. Кажется, четверо. Кажется, не слишком опытные; ходят, не таясь, пьют на посту, и при этом отнюдь не лимонад. А может, просто долго сидят на одном месте, без ротации, а таких случаях дисциплина неизбежно рушится в тартарары.

Суть не меняется. Эти парни должны быть уничтожены. Город должен получить воду.

Остальное — детали.

Я прополз обратный путь до горба змейкой — незачем испытывать птицу-удачу и привлекать лишнее внимание. Высокая трава шелестела под локтями, на лицо брызгал горький зеленый сок. Вокруг меня кипела жизнь: на стебельках цветов толкались пчелы и мошки, один раз я увидел мелькнувший по земле серый ящеркин хвост. Невообразимый контраст с остальной пустыней, как я раньше этого не замечал?

За горбом все так же, как и было — унылый ветер нес у земли хлесткие облачка песка, солнце перерядилось из ласкового круглого опекуна в разъяренного обезумевшего гиганта, стегаящего пустынную желтую спину плетками солнечных ударов. Ладно, теперь это ненадолго. Бодрой рысью я пробежал по дороге с полмили, чуть ли не черпая раскаленную пыль высокими голенищами сапог. Хорошо хотя бы шляпа есть, не то чертово светило выжгло бы мне остаток мозгов.

Дьявол! Спереди доносился неспешный перебор копыт. Должно быть, дозор. А этот шериф вовсе не так глуп, как кажется.

С одной стороны от меня царствовала пыльная и недружелюбная пустыня, в другую, прикрываясь травой и редкими фиговыми кустиками, опускалась речная долина. Прятаться было определено негде, так что я просто сошел на обочину и тут же увяз в пыли по колено. В сапоги посыпалась мелкая горячая дрянь, да еще какие-то камешки.

Из-за поворота показался всадник — одно название, а не всадник. От сердца у меня отлегло — один-то молокосос мне не слишком страшен. А это был именно молокосос. Сопляк лет восемнадцати, обрядившийся в плотное белое — подумать только! — шерстяное пончо и белую же шляпу. Через седло у него было переломлено ружье, сделанное, кажется, из неотшлифованного металла и неошкуренной древесины, с гигантским длинным прикладом и множеством металлических кружочков, накладочек и завитушек. Карабин Мейнарда, похоже — не очень-то надежное, но относительно скорострельное оружие.

На самого наездника я потратил всего один взгляд — длинные кудрявые волосы, уже сероватые от пыли, длинный подбородок, мерно двигающийся оттого, что ее владелец жевал табак. Глаза скрывались в тени шляпы, но смотреть в них мне не было никакого интереса.

Всадник увидел меня и резко натянул поводья. Каурая кобыла недовольно фыркнула, но подчинилась. Норовистая лошадка.

— Эй! — голос у него оказался срывающийся, зато громкий и наглый. — Чего тебе здесь нужно?

Я не ответил, медленно рассматривая его и подмечая мелкие детали. Руки в перчатках — хорошо для езды, но для стрельбы не годится; на поясе мачете — близко лучше не подходить; на сапогах блестящие шпоры, совсем новые — любитель пустить пыль в глаза. Здесь была дилемма. Парня следовало бы шлепнуть, чтобы он не поднял шуму, но шлепнуть его было нельзя, потому что поднимется шум.

— Не глазей на меня.

Я продолжил осматривать дозорного. А интересные у него, между тем, сапоги. Невысокие, до середины голени, шнурованные, ничуть не похожие на классические вестерны, в которых щеголяют тут все и каждый. То ли недавно оказался в этих местах, то ли от рождения, такой дурак. Оба варианта великолепно мне подходят.

Между нами было метра два, вряд ли больше. Парень крепче сжал приклад своего карабина.

— Я сказал — не глазей на меня. Мне это не нравится.

— А кому нравится? — вступил я в разговор. И перевел глаза на реку внизу.

— Ты кто такой и что здесь делаешь?

— Путешественник. Обхожу поля и земли, славлю господа нашего милосердного.

Аминь.

В это время кобылу, видимо, укусил овод или слепень, она вздрогнула всем телом и едва не встала на дыбы. Светловолосому парню с трудом удалось ее успокоить.

— Чертовски плохое место ты выбрал для этого, пилигрим, — внушительно сказал он. — И довольно дрянное время. Дальше прохода нет, топай обратно.

— Но почему? — неискренне удивился я. — Я лишь хотел...

— Парень, — сопляку с одной стороны нравилось называть взрослого мужчину парнем, а с другой он соображал, что ему следовало бы отделаться от меня побыстрее. — Я не намерен тебе ничего объяснять. Приказ шерифа — никаких посторонних в этом месте. Пойдешь сам, или мне прострелить твою тощую мексиканскую задницу?

Самоуверенность — бич современной молодежи, так можете и записать.

— Разумеется, сам, сэр, — униженно кивнул я. — Простите великодушно, сэр.

— Давай, проваливай, — он все не разворачивал лошадь, видимо, хотел убедиться, что я уяснил урок. Я продемонстрировал, что уяснил целиком и полностью, повернул и заковылял по пыли обратно.

Три метра. Четыре метра.

Судя по тишине за спиной, он все еще не двинулся с места.

Пять метров. Экий недоверчивый парень.

Шесть метров.

— Но-о-о-о, пошла!

Я обернулся, перед глазами маячила медленно удаляющаяся раскормленная кобыля задница. На глазок до нее и ее хозяина было метров семь-восемь.

Мой старенький верный нож мелькнул в разогретом воздухе тусклой молнией. Я не очень хорош в метании, потому и не стал целиться во всадника. Лезвие, вращаясь, как лопасть вентилятора, чиркнуло по крупу лошади, оставив длинную и болезненную даже на вид царапину.

Кобыла взбесилась и стала на дыбы. Ковбой, издав повисшее в воздухе восклицание, выронил оружие и раскинул в воздухе накрытые белой накидкой руки, на манер Иисуса в далеком и прекрасном Рио-де-Жанейро. Балансировал, должно быть. А может, вообразил себя балетным плясуном в этом, как его... «Ла Скала».

Меня бы вполне устроило и его падение на землю — одинокого, изумленного и без оружия, но все получилось даже лучше. Лошадь понесла, а нога сопляка застряла в стремени, увлекая остальной организм за собой. А вы думаете, зачем нормальные ковбои, вроде меня, носят широкие сапоги без шнуровки? Правильный ответ: из них легко вылететь и остаться в живых. Суровый, но необходимый урок для молодой поросли.

Веселые мысли прервала капля пота, упавшая с промокших насквозь волос в пыль. Пыль и жара. Я все еще торчал на пустынной дороге, а время тем временем шло, запруда стояла, и те ребята на ней продолжали пить, ржать и мочиться в воду. Каламбур засчитан, но в командный зачет не пойдет, как неспортивный. Поторопиться мне нужно, вот что.

Зачем-то пригнувшись, словно героический боливийский партизан, я понесся по дороге, не забыв подобрать и обтереть мой заслуженный нож. Вот все-таки больше у меня уважения к холодному оружию, до чего оно себя здорово показывает. А вот и лошадка! Далеко скакать

не стала, успокоилась и принялась щипать травку на зеленой половине этого мира. Белый ковбой все еще болтался ногой в стремях, но звуков не издавал, стало быть, либо решил отдохнуть без сознания, либо и вовсе околдовался. Поможем гражданину.

Я извлек ботинок из стремя, погладил лошадку по шее, привязал ее к вогнанному в мягкую землю металлическому кольшку из сумки несостоявшегося ковбоя. Бывшего всадника я оттащил на подветренную сторону, проверив мимоходом самочувствие. Нет, живой, только на башке здоровенная шишка — не иначе о камень приложился. Сотрясение, наверняка. Доктора бы ему, да откуда тут, в пустыне, доктор? Милосердие — вот наш девиз.

Я чиркнул ему по глотке лезвием, полюбовался на карминовую змею, облюбовавшую себе место на шее вместо модного галстука, и направился дальше.

Окончательно я спустился в речную долину чуть после того, как миновал запруды. Насколько удавалось видеть, никого не потревожил ни мой разговор с ковбоем в белом, ни последующее общение с ним и нервной лошадкой. Тишь да гладь царила внизу, и мне это очень нравилось. Вот только время... оно определенно поджимало — полчаса, данные мной Алике до начала всей потехи, были уже на исходе.

Чертово время — из-за его недостатка обычно и случаются все неприятности на свете.

Под конец я начал торопиться вовсе уже неприлично и спустился по склону в духе этих забавных парней из цирка «Монти Пайтон» — размахивая руками, точно ветряная мельница, и беззвучно матерясь. Будь караул на запруде чуть более внимательным, заметили бы меня как пить дать. Вот только они пьяны и веселы, и сам черт им не брат. И на моих глазах становились все пьянее и веселее.

— Дьявол! — завопил один из них, покуда я подползал на дистанцию стрельбы. Голос у него оказался высокий и писклявый, словно у школьника. — Будь в раю работенка для ангелов, бьюсь об заклад, Всевышний не смог бы придумать ничего лучше этой!

— Это верно, — ответил ему другой, вооруженный карабином Бернсайда, который положил на правое плечо, и бутылкой дрянного свекольного, судя по цвету, самогона, которую держал в левой. Он приложился к ней и сделал большой глоток.

— Никаких вестей от Джо Гарнеги? — брюзгливо спросил третий, голый по пояс, а четвертый ничего не ответил, только помотал отрицательно заросшей длинными черными волосами головой. Он был из них самым молчаливым и отчего-то показался мне похожим на гигантского костлявого паука. — Дело, конечно, делом, но торчать здесь третью неделю...

— Заткнись, дурень, — посоветовал ему парень с карабином, похоже, главный здесь. — Не то я тебя заткну.

Солнце потихоньку начинало клониться к закату. Сухой и каменистый обрыв по эту сторону запруды навевал тоску и меланхолию, поросшие сухими и бурными водорослями камни вниз по течению казались мертвыми черепаками. Было ясно, что здесь есть жизнь, только она понурилась, одрябла и спряталась среди растрескавшейся чешуйками земли. Такое хорошее русло испоганили, мерзавцы!

— Дерьмо! — вполне своевременно заключил второй, с карабином, dokonчил войну со свекольным самогоном, выдохнул так долго и глубоко, что ближайšie кустики, кажется, обуглились и почернели, и запустил бутылку в массивные камни запруды. Толстое стекло громко и жалобно зазвенело.

Я взвел курки и напрягся. По всему это должно было стать сигналом для притаившейся в высокой траве неподалеку Алики. Звук разбитой бутылки, четкий и ясный — куда понятнее? Но трава оставалась неподвижной, а ничем не омраченная пьянка продолжалась,

вовлекая в себя новые сосуды с огненной водой, ругательства и довольно неудачные попытки пения. Заснула она там, что ли?

— Эй! — рявкнул вдруг тот парень, что был по пояс голым, когда я уже почти решил, что Алику укусил ядовитый скорпион или бешеный тарантул, и она сейчас лежит, гордая, бездыханная и прекрасная, с искусанными в агонии губами посреди влажной окровавленной травы, и невидящие ее темные глаза уставились в совсем чистое теперь, без единого облачка небо. — А это еще что?

Остальная троица напряглась было, но мгновенно расслабилась. Тот, что был похож на паука, покачал головой. Тот, что был с бутылкой, коротко и властно хохотнул.

— Похоже, день начинает налаживаться, парни! Где еще вам предложат эдакое кушанье — да еще и задаром?

Сквозь траву, медленно и грациозно раздвигая стебли к ним шла — нет, плыла — Алика. Зачесанные на одну сторону волосы распушились и придавали ей сходство с античной дриадой, белая рубашка навыпуск была полурасстегнута на груди, пояс на штанишках болтался на последней дырочке. Она выглядела юной богиней, охотницей-Артемидой, веселой, смертоносной и распутной.

— Привет, ребята, — сказала Алика с чуточку смущенной улыбкой. Ее руки с закатанными до локтя рукавами рубашки были пусты — ни ножа, ни тем более ружья. Оставила? Выбросила? Что она задумала, глупая девчонка? — Соскучились тут, наверно?

— Чертовски верно, соскучились, — подтвердил писклявый. — Ты из борделя, правильно? Видел тебя там.

— Я от Мишель, — согласилась Алика. — Своего рода подарок. Приз за ваш нелегкий труд, тяжелый, потный и неблагодарный.

— Мишель все правильно понимает, — вступил в разговор тот, что был похож на паука. — Вот только девок могла бы прислать и побольше. Нас-то четверо, а дырок у тебя всего три. Кому-то придется ждать своей очереди, а это нехорошо.

Алика улыбнулась снова. Даже у меня, сидящего вдалеке за камнем, от этой улыбки свело бедра, а у ублюдков на запруде, должно быть, вся кровь разом закипела, собравшись в одном-единственном месте — и не подумайте, что в голове.

— Сегодня я обслуживаю по принципу: «пришел первым, получил первым», — мягко сказала она. И отступила на шаг. — Но вам придется сначала меня поймать.

Они бросились на нее — трое. Один, тот самый с карабином и едва початой бутылкой, остался — у парня все же было какое-то понятие о службе. Но остальные: писклявый, паук и голый по пояс мгновенно прыгнули с каменной насыпи и побежали по высокой, по пояс, траве, за девушкой. В пахнущем травами, цветами и стоячей водой воздухе повисли проклятия и нетерпеливое, возбужденное ожидание.

Алика не растерялась: хохоча во все горло, она развернулась и прыснула прочь. Сил и дыхания у нее было побольше, чем у троих пьяненьких придурков, да и земля под ковром травы, похоже, была знакома лучше; в отличие от преследователей, она на своем пути ни разу не упала.

— Смелее, мальчишки! — позвала девушка, на секунду оглядываясь. «Мальчишки», хекая, хрипя и матерясь, распались на широкий веер, медленнодвигающийся в ее сторону. Карабинер на дамбе решил, видимо, не принимать участие в погоне: присел на камень и запалил сигарету.

— Постой, сучка! — хрипло заорал кто-то, похоже, уже выдыхающийся. — Куда?

— Еще немного! — задорно крикнула она, но я понял: это адресовалось мне. Жаль, не учился я стрельбе по-македонски. Впрочем, тут и работы едва-едва на один барабан; второй вроде как страховочным выходит. — И я вся ваша, ребята!

Она остановилась, повернулась, и с улыбкой взглянула на своих преследователей. Она была молода и прекрасна — не знаю, заметили ли это они. Она раскинула руки и так, живым распятым благословением, упала в высокую пахучую траву.

Бандиты остолбенели.

— Чумовая девка! — взвизгнул первый. — Ну, сейчас я ее...

— Не гони лошадей, — проревел голый по пояс. По смуглой татуированной коже тек пот — не тек, а струился. — По очереди! По порядку!

Тот, что был похож на паука, ничего не сказал. Он был уже рядом. Он стоял над ней и тянул вперед длинные, заросшие черным волосом руки.

— Эй! — пропищал вдруг первый. — Чего это ты...

Грохнул выстрел. «Ружье Генри» использует толстенькие латунные патроны кольцевого воспламенения сорок четвертого калибра, выстрел такими в упор действует на подопытного ободряюще, говорю из личного опыта. Похоже, Алика предусмотрительно оставила в заранее отмеченном месте свое ружье, подобралась поближе, увлекла бандитов разговором, завела в нужную точку и разрядила «винчестер» в первого попавшегося ублюдка. В этом присутствовал, конечно, некоторый риск — трубчатый магазин на 16 зарядов имел прорезь в нижней части, куда могла забиться грязь и трава. Но пока все шло на редкость хорошо.

Пуля угодила бандиту не в голову, а в корпус, умница девочка, не стала испытывать удачу. Паукообразного буквально подбросило над землей — несильно, максимум на фут — а потом откинуло в сторону, словно надоевшую игрушку. Наверняка он даже не успел понять, что произошло, сразу скользнул из бытия здесь в расслабленное пустое небытие где-то там.

Щелкнула спусковая скоба — она у этой модели жесткая на звук, почти плотоядная, словно орехокол. Ствол переместился на следующую кандидатуру — парня с писклявым голосом, который, выпучив обалдевшие глаза, слепо шарил сейчас по поясу в поисках револьвера, вполне приличного с виду «флотского кольца».

— Приходишь вторым — получаешь вторым, — сказала Алика.

Я почти ее не слышал — смотрел за владельцем карабина, спокойным парнем, который не бросился за остальной компанией. Он мог бы стать опасным противником: когда прозвучал выстрел, он как раз замер с бутылкой у губ и не мог среагировать мгновенно. Но черт возьми, если это было и не мгновенно, то чертовски быстро к тому! Бутылка полетела в сторону и разбилась о камни, а старина Бернсайд перепрыгнул с покрасневшей шеи в жилистые руки словно по мановению волшебной палочки.

Вот только имелась одна загвоздка — Алика лежала в высокой траве, он мог вычислить ее нахождение только по короткому черному стволу винтовки, плюс сделать поправку на расстояние и небольшие габариты девушки, да еще двое оставшихся идиотов маячили в поле зрения, мешая и рассредотачивая... а потом я пальнул ему в голову из своего «витнивил-хартфорда» с расстояния примерно десять футов, и его мозги разлетелись по камням рядом с осколками бутылочного стекла, и от четверых охранников запруды осталась ровно половина.

Алика выстрелила снова, но промазала — писклявый парень оказался на диво шустрым, он быстро сообразил диспозицию, перекатом кувырнулся вбок, пропал из поля зрения, сбил прицел и рванул, наконец, из кобуры свой «кольт».

Я повел стволом в его сторону, одновременно отслеживая четвертого, последнего — у

этого за спиной был новехонький двуствольный «ремингтон» двенадцатого калибра, да только парень уже не думал о сопротивлении — он улепетывал вверх по склону, в сторону дороги, только пятки сверкали. Не слишком благородно, но вполне объяснимо — в ситуации вроде этой своя рубашка оказывается настолько ближе к телу, что вплавляется в него по самый эпидермис.

Я взвел курок и выцелил на колышущемся травяном ковре дерганую светлую фигурку. Метров тридцать уже, и дистанция быстро увеличивается. Правду говорят, что навыки стрельбы по бегущим людям появляются только при стрельбе по бегущим людям. А у меня таким навыкам взяться пока что неоткуда.

Выстрел. Мимо. Взвести курок. Выстрел. Мимо. Алика разрядила винтовку, но опять промахнулась. Чертовщина! Еще немного, и он взберется на гребень, перевалит через него и скроется из виду. Это, может, и не похоронит наши планы, но определенно осложнит их.

Взвести курок.

Сбоку снова грохнуло «ружье Генри», и темная на фоне неба, почти убежавшая от смерти фигура замерла, ломаясь в коленях и медленно заваливаясь назад. Готов парень. А все потому, что никогда нельзя отступать — сверхъестественные силы, как мне кажется, считают это дурным тоном. Взгляните, например, на меня: до сих пор я шел только вперед. Не всегда понимая зачем и для чего, оступаясь и оставляя за собой темно-красный след запекшейся крови, но ведь шел же. Пока это окупалось.

Я перевел взгляд на Алику и едва не закричал: она стояла на одном колене, все еще прижимая к щеке курящийся белым прозрачным дымом ствол винтовки, вот только из травы за ее спиной уже медленно поднимался ухмыляющийся темным, словно окровавленными, губами силуэт. В руке у писклявого был крепко зажат «флотский кольт» образца 1851 года, напряженное и испуганное выражение лица сменилось зловещей радостью.

Обернуться Алика не успевала, никак. Да она, возможно, и не подозревала об опасности, о своей смерти, принявшей на этот раз облик низкорослого худощавого мужчины с гнилыми зубами и редеющими волосами, слипшимися на лбу. Она ничего об этом не знала.

Тогда я просто плавно потянул спусковой крючок и выстрелил от бедра.

И промазал. Выстрел окутал меня синим вонючим дымом, и писклявый заорал, завертелся волчком и рухнул опять на землю, но было видно, что пуля попала ему в руку, рванула рукав старой рыжей куртки из бизоньей шкуры и чиркнула по плечу. Это наверняка было больно, и неожиданно и кроваво, но вряд ли смертельно или даже опасно. Но я выиграл время, и он не успел спустить курок, и Алика все еще была жива. Смерть испарилась из глаз последнего ублюдка, и теперь он был просто тем, кем был — орущим и матерящимся бандитом. А с такими парнями я отлично знал всякие приемы.

— Один — один... На излете достала, — выдохнула Алика, тяжело поднимаясь на ноги и используя винтовку как костыль. Я вдруг понял, до чего она измотана. Это я провожу свои опасные дни в непонятной беготне под открытым солнцем, выпуская юшку из всякого отребья рода человеческого. А она с этим отребьем до сегодняшнего дня имела совершенно другие отношения. Но ведь держалась как-то до сих пор — на своей неумемной гордости, наверное.

— Умница, — сказал я вполголоса и провел рукой по затянутой в плотные штанишки попе, прежде чем вообще понял, что делаю. Она коротко вздохнула и закусила губу, подарив мне долгий пьяный взгляд. Забыл сказать: когда воюешь с превосходящим противником и в результате кладешь из всех, а сам не получаешь ни единой царапины, это чертовски

возбуждает. Хотя что значит «долго»? Вся наша стрельба заняла, наверное, меньше одной минуты.

Я подошел к раненому ближе. Алика успела раньше, и потому хозяйственно присвоила вылетевший из вражьей руки «кольт» себе. Тяжеловат он для нее будет, но пускай. Парень корчился в траве и уже не столько ругался, сколько подвывал, то ли от боли, то ли от ужаса. С побелевших губ на травинки срывались капельки слюны.

— Привет, Билли, — сказал я. Сам не знаю, отчего у меня вырвалось именно это имя. Вероятно, я ошибся — у парня в глазах не появилось и искры узнавания. Впрочем, там вообще мало что было — только страх, отчаяние и совсем-совсем мало какой-то дикой случайной надежды на то, что вдруг все же обойдется. Иными словами, он выглядел точно как несмышленная школьница старших классов перед самым первым экзаменом на взрослость.

— Мистер... — выдохнул он, отнимая ладонь от раненой руки. Из горловины рукава побежала тонкая красная струйка — все-таки задел я его, но вряд ли сильно. Даже лицо не побледнело, он просто все еще в шоке. — Мистер... не стреляйте, прошу!

— Это же ты собирался позабавиться с моей девушкой, правильно? — спросил я ласковым голосом. По крайней мере, мне он казался таковым, но свою точку зрения навязывать не имею намерения. — Это же ты караулишь здесь запруду, чтобы горожане медленно подыхали от жажды стараниями твоего пухлого шерифа, я ничего не путаю?

Он побледнел — на этот раз по-настоящему, без обмана, как стена — и мелко засучил ногами, зачем-то пытаюсь отползти от меня. Полагаю, будь в нем хоть капелька чести, он бы попытался встать, принять смерть лицом, как подобает мужчине. Так сделал когда-то капрал Васкес, толстый и потливый мексиканец, своей смертью купивший жизнь трем непутевым солдатам. В крайнем случае, он мог бы погибнуть, смеясь и проклиная меня, как это сделал лейтенант Куртц. Но этой капельки в моем нынешнем пленнике не нашлось.

— Я... я не хотел... Мать божья! Я не хотел! Шериф заставил меня! Он... он угрожал! Запугивал! Честное благородное слово, клянусь! Я случайный человек здесь, это все те мерзавцы, которых вы уколошили, а я ни в чем не виноват, все эти чертовы ублюдки, они... вы даже не представляете... Не стреляйте, мистер, умоляю вас!

«Здесь нет невинных».

— Но ведь я и не собираюсь стрелять, Билли, — мягко сказал я.

Он громко сглотнул и скосил глаза.

— Не собираетесь?

— Разумеется, нет. Что за варварство, парень, откуда в тебе этот пессимизм? Жизнь прекрасна, и в ней есть место для новых и интересных сюрпризов. Стрелять... Нет, для тебя у меня заготовлено нечто совершенно иное. Строго говоря, даже не совсем для тебя: попади я с первого выстрела, ты пропустил бы всю потеху. Но нет, значит нет.

Я чуть распахнул плащ и показал Билли то, что было под ним. Раненый взвыл.

— У всех свои скелеты в шкафу, парень, — сказал я. — И мои пахнут как барбекю.

* * *

— Могу я поинтересоваться, откуда у тебя взялась та связка динамитных пашек? — нарушила молчание Алика некоторое время спустя, когда мы уже покинули речную долину,

а в ушах перестало звенеть эхо от взрыва.

Я открыл рот, подвигал челюстью и несколько раз энергично сглотнул, чтобы окончательно восстановить слух.

— Полагаю, можно сказать, что это был подарок от тех сил, Горацио, которые и не снились вашим мудрецам. Также можно сказать, что он был последним — динамита у меня больше нет. Дальше придется обходиться своими силами.

Чтобы спустить шашку с подожженным фитилем на точно отмеренный участок дна осушенного русла, нам понадобилась длинная веревка и груз. Веревку мы изъяли у одного из убитых. А грузом выступил наш старый знакомый Билли. Правда, для этого его пришлось сначала связать, а потом еще и угостить добрым ударом по голове. Но груз из него получился на загляденье, тяжелый и устойчивый — да и связка сработала как часы. Впрочем, не совсем как часы: разорвалась она значительно громче, уши нам обоим заложило весьма добротнo, а несколько мелких осколков долетели до меня и рассекли кожу под глазом. Алика обошлась без потерь.

Когда рассеялось пыльное облако, стало ясно, что дело сделано — в запруде оказалась серьезная брешь в шесть футов шириной. Немного, разумеется, но вода, устремившись в нее под напором, вскоре сделает свое дело. Оставшиеся камни, скрепленные илом и глиной, размочит, и река снова войдет в свое старое русло.

Мы сделали это. Сделали то, что должны были. Плюс разжились немалым количеством трофеев: ружьями, револьверами, грудой разномастных патронов и мутной бутылкой довольно дрянного спиртного.

— Кстати, о своих силах, — прочитала мои мысли Алика. Она покачивалась в седле уже с некоторым напряжением — сказывалось отсутствие привычки. — Мы же сделали все по уговору, верно? Дали городу воду, подарили жизнь. Бескорыстный поступок, все без обмана. Что случится теперь?

— Честно говоря, — проворчал я, — я надеялся, что в тот же самый момент разверзнутся небеса, вниз прольется поток света и спустятся крепкие парни в белых сомбреро и ракетных ранцах, которые с песнями наденут на нас цветочные венки и заберут... ну, куда-нибудь. Согласен даже на мой родной мир, только бы не оставаться здесь. Но, по всей вероятности, этого пока не произошло. Ничего, будем ждать.

— Я согласна, — откликнулась девушка. Быстрыми движениями плеч она разминала себе шею — увлекательное зрелище. — Подождем. Не то, чтобы у нас были какие-то другие варианты. Может, прокатимся еще куда-нибудь, только через пару деньков? Моя мягкая слабая дерьер, прошу прощения за откровенность, сейчас жаждет одного — полежать на уютной кушетке, а не того что ты, наверное, подумал. Впрочем, к тому, о чем ты подумал, мы тоже можем вернуться. Чуточку позднее.

— Здравая идея.

Несколько минут мы продолжали путь в молчании. Солнце уже почти касалось горизонта, изрезанного черными в его красноватом свете горами.

— Однако, честно сказать... — я окинул озабоченным взглядом грудку трофеев, навьюченных на третью, заводную лошадку, которую я беззастенчиво позаимствовал у покойного белого ковбоя, — Если мы будем продолжать работать в том же духе, нам определенно не помешал бы третий. Оруженосец или вроде того. Отчего бы нам не взять третьего, Алика? Может, эту твою Мишель из публичного дома?

Алика фыркнула.

— Вряд ли. Мишель зарабатывает за неделю столько, сколько нам не снилось и за год. И кстати, чтобы ты знал, Мишель — это он, а не она.

— Что?

— Люди бывают разные. И нравится им разное. И ведут они себя по-разному. Я знаю нескольких таких. Например, Мишель.

— Тьфу, черт!

— А что? — она поглядела на меня невинными, озорными глазами. — Это имеет какое-то значение?

— Чертовски верно, имеет!

— То есть, будь ты по-прежнему убежден, что он — женщина, ты бы ухаживал за «ней», говорил любезности, услужливо подносил бы зажженную спичку? А теперь будешь только плевать и рычать «черт»?

— Тебе-то что с того?

— Мне? — она задумалась. — Нет, мне ровно ничего. Когда мне кто-нибудь нравится, я беру и укладываю его... или ее... себе в постель. Я в ладах с самой собой и не думаю долго, потому что знаю, что взаимная симпатия куда важнее каких-то там идиотских размышлений насчет «мальчик или девочка». Тот, кто не думает слишком много, живет дольше — и счастливее. Но я вижу, до чего тебя перекосило. Звучит неправильно, по-твоему?

— Да.

— Боже мой, до чего же ограниченное мышление. Из какой отсталой средневековой дыры ты выбрался, парень?

Я не ответил. Я внимательно смотрел вперед. Там, застилая низкие вечерние облака, тек по воздуху густой черный дым.

Горел город.

В том, что случилось, нельзя винить никого. Никого, кроме нас самих. Да и не в моем это характере — винить других людей за свои решения. Сами, все сами. В общем, мы решили въехать в город. Но только не сразу.

— Что это значит? — спросила Алика, прищуренными глазами наблюдая за дымными облаками, расплывающимися по оранжевому закатному небу. Голос у нее сделался напряженным.

— Если исключить версию, что кто-то из наших воняющих мочой и навозом друзей заснул в борделе с сигарой во рту, — задумчиво сказал я, — то остается предположить, что это хороводят парни, прибывшие в Роуэн-Хилл по мою душу.

— Ты не говорил, что за тобой погоня или что-то в этом роде.

— Потому что не предполагал, что они доберутся сюда так быстро, ждал их здесь минимум дня через два. Точнее, не ждал, собирался сдернуть задолго до этого. Да и вдобавок не думал, что ты сможешь мне помочь в этом вопросе, чего уж там.

— И до сих пор не думаешь?

Я внимательно рассмотрел ее, эту невысокую хрупкую девушку, которая за минувшие несколько часов принесла мне больше пользы, чем все остальные обитатели этого гиблого места, вместе взятые.

— Я бы предпочел, чтобы ты не ввязывалась в то, что случится здесь в совсем скором времени. Это не твоя драка, да и вряд ли нынешние парни будут похожи на простаков с запыры — это настоящие волкодавы, и биться они будут всерьез.

Алика подбоченилась.

— Это все?

— Мне бы не хотелось, чтобы с тобой что-то случилось, — сказал я честно.

— Ха! Вот это признание! Что случилось с суровым, как ковбойский ботинок, парнем, которому перерезать чужую глотку — словно куриное крылышко разгрызть? Или пробудилась твоя условно прекраснотлика душа?

— Ничего не случилось, да и душа по-прежнему спит вечным сном где-то на холодном заснеженном полюсе. Мы всегда скалим клыки внешнему миру. Просто потому, что он внешний, и значит, чужой. Но наша жизнь состоит не только из мерзкого стального оскала. Есть еще и то, что находится внутри. Свое. Родное.

— И я, значит... — протянула Алика. Я очнулся.

— Застряла где-то между этими двумя крайностями. Да. Именно так.

Девушка криво усмехнулась. Наваждение рассеялось. Мы все еще двигались неспешным шагом в направлении горящего Роуэн-Хилла — оставалось до него еще, наверное, минут пятнадцать спокойной езды, и руке у меня были вожжи и револьвер, а в голове спокойствие. Банды о «Куилинна оказалось недостаточно для того, чтобы распрощаться с Отстойником, к ней добавилась дамба, лишившая горожан воды. Но и одной дамбы тоже мало — теперь мне придется разбираться с целой оравой головорезов из Сан-Квентина, причем безо всякой гарантии успеха.

Мне — потому что Алика останется здесь. Я не буду впутывать ее в свои дела, несмотря ни на что. Я хочу, чтобы она жила. Я хочу... а, черт с ним. Я так хочу — и точка.

Воздух отяжелел и начал пахнуть горьким металлом, в нем принялись мельтешить

частички черной сажи. В лицо повеяло нагретым воздухом, словно рядом дышало что-то огромное и живое, насмешливо наблюдающее за двумя глупыми людскими фигурками. Не такая уж приятная мысль, если как следует задуматься.

Воздух разрезал вопль. Мужчина. И не так уж далеко.

— Это твои парни развлекаются? — Алика старалась выглядеть спокойной, но голос все равно предательски подрагивал. — Или...

— Без обмана, — подтвердил я. — Поеду разберусь.

— Я с тобой.

— Нет.

— Послушай...

— Не думай, что я забочусь о тебе, девочка. — Это вышло не совсем натурально, но так даже лучше. Пусть она подумает, что вот эти деревянные нотки в моем голосе — от безразличия. — Это мои дела, понимаешь? Лично мои, и тебе там делать нечего. Сообразила теперь?

— Нет, — у нее оказался точно такой же деревянный голос. До чего равнодушная птица мне попала. — Я и не думаю. Вот только... я тоже хочу на выход. Отчаянно хочу, Лейтенант. Пожалуй, даже больше, чем ты.

— Не понял.

— Тебе для того, чтобы выбраться, нужно было разбить запруду — да и то не сложилось. Потому что ты убил каких-то чужих людей. А я... я когда-то убила собственного ребенка.

Вокруг медленно перемещался горячий темный воздух, солнца уже не видно, а небо в вышине — красное.

— Я была под кайфом, — лицо Алики неподвижно, будто маска из папье-маше. — А малышке Лиззи только исполнился годик, и она все время кричала. Помню, мне ничего так сильно не хотелось, только чтобы она наконец-то перестала кричать. Я выбегала из дома — мы жили на острове, вокруг пальмы и океан, полный штить, но ее визгливый крик доставал меня и там. А может, это в небе кричали чайки.

— Не желаю это слушать, Алика.

— Так заткни уши, — посоветовала она. — Потому что я все равно расскажу. Все это дерьмо давно пора вытащить на свет Бо... в общем, на воздух. Она визжала, моя маленькая Лиззи, а я ходила по песку вдоль прибоа — никакой гальки и ракушек, очень удобно — и молилась. Молилась, чтобы эта мерзкая дрянь наконец-то заткнулась. И на воде была эта длинная яркая дорожка. Такой классный кайф, закаты... Мне нравилось жить на острове.

Впереди снова кто-то закричал, уже громче.

— Примерно так, — согласилась Алика. — В общем, в один из не лучших своих дней я смешала кокс с вискарем, и получившаяся смесь подсказала мне нужный выход, очень простой и своевременный.

— Будь я проклят, если продолжу слушать твои бредни.

— Да ты и так проклят, сэр ковбой — впрочем, я уже закругляюсь. Я разбила ее маленькую кудрявую головку об угол кровати, а потом унесла на берег — она была совсем легкой, почти что невесомой — и похоронила в наспех выкопанной яме, которую потом слизал прилив. Я ничего не чувствовала — горя или сожаления. Я даже не плакала. Ни тогда, ни потом, когда протрезвела, да и вообще никогда с тех пор. Видимо, просто не дано. А потом... впрочем, я уже говорила насчет своей смерти. Теперь ты понимаешь, сколько мне

еще торчать здесь — шлюхе-детоубийце?

— Вечно, если тебе интересно мое мнение.

— Именно. Но если бы мне удалось, если бы мне только удалось... искупить. Да. Лейтенант!

Я ощутил что-то вроде жалости. В ней не было раскаяния, не тот тип — но провидение иногда играет и более странные шутки.

— Черт с тобой, пошли. Но ты не будешь — и я говорю серьезно — не будешь высовываться вперед, что бы ни случилось. Это понятно?

— Так точно, мой генерал! Отдала бы честь, да только где она, давно потерянная... Собираешься проверить, кто это кричит?

— Нет. — Алика удивленно вскинула брови. — Кто это кричит, я и без того знаю. А вот поговорить с теми парнями, что заставили его это делать — вот с ними я бы поговорил. У меня имеется для этого инструмент.

Мы въехали в черту города — здесь все было не так страшно, как казалось поначалу, неведомые поджигатели знали свое дело, и горели всего несколько домов, аккуратно отделенные от остальных грудями черного пепла. Крики теперь звучали, не смолкая — явно с центральной площади. Парни, судя по всему, питали известную тягу к театральности. Что ж, не будем их разочаровывать.

Я резко вдохнул полной грудью густое, богатое канцерогенами и болью варево. Спешился, но лошадь привязывать не стал — дойди пожар или стрельба до этого места, хотя бы у нее должен быть шанс остаться в живых. Животные не виноваты в людских разборках, хотя некоторые люди по своему развитию недалеко от них ушли; да только это факт скорее отягчающий, чем оправдывающий. Подцепил на плечо патронную сумку — основной наш трофей с перестрелки на заприуде. Кивнул тоже спешившейся Алике — она разжилась еще одним карабином.

— Ну, пошли.

Улицы курились плотным темным дымом. Улицы вымерли. На стенах играли красноватые отблески. В нос лез запах жарящегося бекона. Но не могли же они...

Последний переулок вел напрямиком на площадь, но мы затаились не в самом горлышке, а чуть дальше, за двухколесной тачкой, груженной какими-то тюками. Обзору она ничуть не мешала. Итак, двадцать метров на двадцать пять, выложенных сероватым мостовым камнем. Кое-где стояли тяжелые каменные же вазы, в которых когда-то, наверное, были цветы. В центре — пересохший фонтан в форме неизвестного цветка. По бокам — офис шерифа, больница, колокольня, магазинчик Часовщика и склад чего-то, горевший сейчас малость тускловатым, но жарким пламенем. Впрочем, это не единственное горящее сооружение на площади.

— Боже мой... — прошептала Алика.

Те, кто прибыл в Роуэн-Хилл в наше отсутствие, не теряли времени даром. Они модифицировали фонтан в центре, добавили несколько железнодорожных балок, пропитанных креозотом и связанных так, что получилось что-то вроде грубого и массивного креста. Под ним, в каменной фонтанной чаше, эти деловитые парни сложили несколько — наверняка заранее припасенных, здесь такого ни за что не сыщешь — вязанок хвороста. А после того, как сложили — подожгли. Вязанки уже подергивались синими дымными пальцами и весело потрескивали.

На самом кресте они повесили Льюиса Батхорна, Скользящего Бата, моего неудачливого

спутника. Дурацкий его котелок кто-то сорвал с головы, и сальные волосы облепили голову спутанным венцом. Запыленный сюртук был расхристан, рубашка заляпана кровью, а к грязным истоптанным ботинкам уже тянулись жадные языки огня. Руки ему привязали с понятием, чуть ниже уровня плеч, чтобы не умер раньше времени. Но привязали колючей проволокой, чтобы и не думал вырваться.

Очередной вопль прокатился по площади и растаял в темнеющем небе.

— Мистер Батхорн, вы великолепно справляетесь, — сказал один из стовщих на площади. — Ваша помощь в этом щекотливом вопросе и в самом деле... как бы правильнее выразиться... неоценима.

Их было там с дюжину, наверное. Семеро крепких парней в запыленных регланах, с мощными дробовиками в сильных руках, один смутно знакомый седоватый джентльмен в черном костюме-тройке, одна девушка в охотничьем костюме. Изабелла, та самая прекрасная и духовная медицинская сестра из Сан-Квентина.

Три высокие плотные тени в бесформенных балахонах возвышались за их спинами, чуть в стороне. Мне показалось, что я даже уловил красный механический отблеск нечеловеческих глаз. От этих темных неподвижных фигур веяло какой-то немислимой замогильной жутью. Ребята собрались в полном составе.

И за ними наблюдали. На улицах не было ни души, но я чувствовал блеск глаз в подворотнях и в темных провалах окон — горожане наблюдали за происходящим. Не вмешивались и не поддерживали его, но наблюдали.

Скользкий Бат завыл. Огонь уже добрался ему до щиколоток.

— Еще немного, — успокаивающим голосом сказал тот, что был в черном костюме. Чем-то он смахивал на доктора. — Ваш друг, опасный колдун и преступник, неподалеку. Он уже идет сюда. И скоро все закончится.

— Чертова магия, — сплюнул один из «великолепной семерки». — Ненавижу колдунов. Ничего нет хуже них. Таких только сжигать, правильно решил господин доктор.

Батхорн дернулся и выпучил глаза.

— Нет никакой магии, ни белой, ни черной! — проревел он, словно ставший на задние лапы медведь, бессмысленный, смешной и тощий. — Все, что вы видите сейчас вокруг себя, и в чем принимаете участие — людское невежество, жестокость да несколько жуликов! Много, много невежества!

— Боюсь, вы ошибаетесь, мистер, — вежливо сказал мужчина в черном костюме. — Здесь нет никакого невежества, лишь точный расчет. Да, точный научный расчет.

— Твой друг? — прошептала Алика. — Там, на кресте.

— Нет... Думаю, нет. Жаль, что эти парни считают иначе.

— Сволочи!

— Не могу спорить. Но во всяком случае, теперь ясно, почему их нужно остановить. Осталось понять — как.

— Есть мысли?

— Постоянно. Но это подождет.

Выстрел ворвался диссонансом в остальные звуки на площади — потрескивание пламени, вопли Батхорна, смешки «великолепной семерки», дыхание жаркого ветра. Он был один, отрывистый, резкий и громкий, и в каком-то смысле решающий. Скользкий Бат дернулся, уронил голову на пробитую грудь и замер. Пламя — уже на уровне колен — на секунду тревожно замерло, но потом обрадовано рванулось вверх.

Семерка боевиков оскалилась стволами в окутанное дымом наружное ничто. Я потерял элемент внезапности.

— Он рядом! — громко сказала Изабелла. Бледное лицо поворачивалось в разные стороны. — Я чувствую, он совсем рядом! Но что-то не так...

Но я почти не следил за происходящим. В груди ворочалось тупое горячее жжение, впиваясь клыками в живое пульсирующее мясо, раздирая длинными ядовитыми щупальцами внутренние органы, сжигая потоком химического пламени в черные обугленные головешки все, чем я был, что представлял и чего хотел, и оно двигалось все выше и выше, обращая кровь в пар, мышцы в отварное мясо, а мозг...

— Лейтенант! — я ощутил касание прохладных пальцев сперва на плече, потом на лбу. Алика была здесь. Конечно, Алика. Умная, расчетливая, смешливая грешница Алика. Я все еще оставался ее лучшим шансом. — Лейтенант, что с тобой?

— Мистер Ленарт! — насмешливо, но четко сказал человек в костюме. Я узнал его, хотя и не сразу, он все-таки больше ассоциировался с белым халатом. Доктор Химмель. — Вижу, реабилитация продвигается весьма успешно, по правде говоря, вы показываете замечательные результаты! Но все же попросил бы прекратить эту игру в ковбоев и индейцев и проследовать с нами. Вас ждет Сан-Квентин. Выйдите на свет!

Он не должен быть здесь, он не принадлежит этому месту. Как он вообще здесь очутился?

— Серьезные отклонения в анимаграмме пациента, — сказала Изабелла. Ее красивое лицо было сейчас озабоченным и совсем чужим. — Восстановление идет с опережением графика. И ускоряется... прямо сейчас.

Доктор возвысил голос.

— Сейчас вы выйдете из своей засады, мистер Ленарт, и подойдете ко мне! Бояться нечего!

Императивная речь, вот как это называлось. Приказ, которого нельзя послушаться. Я понял, что против своей воли распрямляюсь и встаю, и что мышцы мне больше не подчиняются. Ну, почти не подчиняются.

— Не плачь по мне Жозефина, — успел сказать я, покидая наше убежище. — И не высовывайся.

— Я не умею плакать, Лейтенант, — сказала она грустно.

Может, потом она добавила что-то еще, здесь сложно оставаться уверенным, меня захватили другие дела. Переставляя ноги, будто заводная кукла, я вышел на площадь.

Гудело и бесновалось пламя в высохшем фонтане, омерзительно пахло сгоревшим мясом.

— Великолепно, мистер Ленарт, — одобрил доктор Химмель. Боевики избегали на меня смотреть, только сплевывали на мостовую, да переругивались рычащими низкими голосами. Стволы их дробовиков больше не смотрели наружу, они изучали бульжники под скошенными каблуками их сапог. Опасность миновала, можно было расслабиться.

Но темные фигуры — Храбрец, Дамаскинец и Милостивец — не исчезли! Наоборот они рассредоточились по площади, перекрыв пути отхода. Черные балахоны колебались от движений воздуха, закопченные небеса отражали красные блики.

Доктор со своими людьми не были заодно с существами в черном! Более того, все указывало на то, что они их вообще не замечали!

Шаркая подошвами, я остановился перед Химмелем. Прекрасная Изабелла смотрела на

меня, словно на ожившего покойника. Нет, не так: словно на покойника, который в последний момент оказался обыкновенным человеком. Только очень грязным и вонючим, может быть.

— Просто замечательно, — повторил доктор, потирая руки. — Перед тем, как вы отдадите мне свое оружие и позволите связать руки — исключительно для вашей безопасности, уверяю! — может быть, зададите какие-нибудь вопросы? Боюсь, в дальнейшем это может оказаться затруднительным.

Вопросы у меня были, много вопросов. Вот только все они должны были сопровождаться действиями с моей стороны, а также пальбой из огнестрельного и посвистом холодного оружия. С этим были трудности. Поэтому я разлепил склеившиеся от жары и гари губы и выдал самое простое:

— Зачем я вам нужен?

— О-о-о, — с удовольствием протянул доктор Химмель. — Какой хороший вопрос. Подводит сразу к сути и не требует долгих прелюдий. Должен сказать, я не люблю прелюдий, мистер Ленарт.

— Женщины от вас, должно быть, без ума.

— Я врач, — строго сказал он. — Профессионал. Мне щедро платят за исполнение моих врачебных обязанностей, которые состоят в реабилитации психически... поврежденных агентов Корпуса Спокойствия. В точности про вас, мистер Ленарт, не так ли?

— Это было в другой жизни.

— Нет никакой другой жизни, она всегда одна, и моя, например, чертовски ценна, поэтому я стараюсь делать ее максимально комфортной. Я выполняю свою работу так хорошо, как только могу. Мне нужно привести вас в порядок, и я это сделаю. Даже несмотря на то, что вы как-то умудрились открыть проход в этот дьявольски неуютный мир.

— Вы не ответили на вопрос. К чему все эти сложности? Почему просто не плюнуть на психически поврежденного идиота — пускай себе бродит по неуютному проклятому миру, баюкая в пустой башке замороженные остатки души. Корпус спишет все, а на мое место поставят большого и надежного киборга. Он железный, он не подведет, да и на любые ситуации реагирует быстрее и правильнее. Зачем вам мой бракованный компьютер?

— Человеческий мозг — не компьютер, — мягко сказал доктор Химмель. — Человек не ведет цифровой обработки данных, не вычисляет координаты и вероятности, не делает резервного копирования памяти. Но действует зачастую более умело, удачно и успешно, чем любой киборг. Как? Почему? Мы считаем, что к этому имеет отношение такая малоизученная до сих пор субстанция, как душа. На латыни — анима.

— Чушь.

Он вытащил из кармана пиджака что-то круглое, бело-красное, и бросил мне. Я поймал его в воздухе и недоуменно нахмурился. Бейсбольный мяч? Что за ерунда?

— Если я брошу бейсбольный мяч киборгу, он просчитает его траекторию, вычислит количество гидравлической жидкости, необходимой для того, чтобы высококачественные сервомоторы подняли его правильную железную руку и осуществили захват. Затраченной для этих действий энергии хватило бы для того, чтобы в течение дня освещать небольшой коттедж в хорошем районе. Но я бросил мячик, и вы поймали его. Просто подняли руку и поймали. Никаких вычислений, минимум энергии. Как это получается? Ясно одно — наш способ мышления не имеет к компьютерам никакого отношения. И он почти наверняка связан с метафизикой.

— Как насчет алхимии? Философского камня? Флогистона?

— Мы предполагаем, что душа дает человеку возможность подключаться напрямую к облачному хранилищу данных, известному в просторечии как Рай, а в исключительных случаях и запрашивать помощь тамошнего системного администратора — метафорически, конечно, выражаясь. Мы намерены изучить этот феномен и скопировать его. Для этого нам нужны вы, мистер Ленарт. Нам нужна ваша душа.

Он говорил медленно и убедительно. Он гипнотизировал меня. И я поддавался его словам, его мягкому, рассудительному голосу. Понемногу, да, но неумолимо: если уж начал отступать, остановиться становится не так уж просто. Фактически, остановиться в таких условиях можно только упершись спиной в стену.

— Привет, ребята!

Великолепная семерка дернулась, заметалась. Прошляпили они нужный момент, бывает.

Из темного переулка, единственного, не перекрытого существами в черном, вышла Алика. Одна, без патронной сумки, без оружия. Поражающие белизной ладони были пусты и открыты, каштановые волосы распущены. Кожа покрыта пылью и сажой, конечно, но в остальном она выглядела, словно скромница, внезапно попавшая на бал-маскарад Дракулы, но не желающая ударить в грязь лицом.

— Меня послала Мишель, это из веселого дома на холме, — продолжала щебетать она, широко улыбаясь, — а что здесь, собственно, происходит? Если вы уже закончили, то можете пройти за мной — первые три девочки бесплатно!

Она мыслила просто и дерзко: что сработало один раз, вполне могло сработать и во второй. Она жертвовала собой, отвлекала внимание, давая мне возможность среагировать. Вот только реагировать я не мог — слова доктора Химмеля держали крепко. И значит, все было зря.

— А если вы предпочитаете мальчиков, — Алика улыбнулась еще хитрее, — то и в этом случае Мишель найдет, чем вам угодить. Нужно только...

— Доктор! — оборвала ее Изабелла. Она смотрела на девушку в упор. — Костюм!

— Верно, — согласился тот после секундной паузы. — Не бордель. Вероятно, операция прикрытия. Взять ее!

Хлопнул выстрел. Но не со стороны боевиков. Откуда-то сверху.

Снайпер на колокольне.

Алика остановилась. Не было всего этого киношного дерьма, когда выстрелом человека отбрасывает на три метра, ничего такого. Винтовочная пуля проходит насквозь, разрывает в кашу внутренние органы и летит дальше, разрушаясь о воздух и расплющиваясь в итоге о стены и землю.

Ноги у нее подкосились. Из груди, там, где было едва видимое входное отверстие, потекла густая красная влага, совсем немного. Пробитое сердце больше не качало кровь.

Девушка упала на спину, неловко подвернув ноги. Небо над ней стало черным, как сажа.

— Алика!

Снова подул ветер, сперва неуверенно, но с каждой секундой все сильнее. Тьма опускалась на нас сверху. Она хранила все загадки, все события, все ответы — и готовилась принять еще больше. Совсем скоро. Прямо сейчас.

Я сделал шаг, потом еще один. Помедлив, сделал третий и опустился на колени перед телом девушки. Она еще жила. Сердце остановилось, мозг переживал кислородное

голодание, медленно отключаясь и рассыпая вокруг слабые электрические импульсы. Но она еще жила — то сочетание сознания, психического профиля и воспоминаний, которые часто называют личностью. Она узнала меня.

— Все-таки не черта у нас не вышло, лейтенант, — прошептала Алика. На лице у нее сами собой проявлялись белые вертикальные полосы, рассыпанные по земле волосы выглядели рыжеватыми в свете пожаров. — Правда в том, что и не могло выйти. Слишком уж мы завязли во всем этом дерьме... И даже фиг заплачешь — у дождя и то лучше выходит. Вот только здесь... здесь не бывает дождей.

— Ты плачешь. Ты плачешь... сейчас, Алика.

Наверное, я и сам плакал. Но я видел слезы на ее чумазых щеках, измазанных грязью и кровью. Я видел.

Она улыбнулась. Едва-едва, но я увидел. А потом перестала улыбаться и замерла.

Грудь словно взорвалась изнутри. Голова стала невесомой, словно ее наполнили гелием или черным, сверкающим на солнце вакуумом. Идеальный передатчик.

— Прочные эмоциональные связи-мотиваторы, — задумчиво сказал доктор Химмель. — Вот еще один фактор, которого киборги не поймут никогда. Впрочем, я тоже.

Прямой контакт с заоблачным хранилищем данных. Получение информации. Обработка показаний. Расчет траекторий.

Мне стало ясно, почему многие религии придают такое значение раскаянию. Раскаяние значит не только что ты понял, как больше никогда нельзя поступать. Оно значит также и то, что теперь ты знаешь, как поступать нужно, и что может случиться, если забудешь о главном.

Ты потеряешь все.

Раскаяние и искупление.

— Анимиграмма, доктор! — пронзительно закричала Изабелла. — Показания зашкаливают! Его душа вышла на рабочий режим!

Вычислительные мощности недостаточны. Отправлен запрос администратору сети. Обработка запроса.

Я пожертвовал собой, чтобы спасти ее, а она пошла на верную смерть ради меня. Взаимная жертва без всяких гарантий.

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за други своя.»

— Настройка на прием... — ошеломленно пробормотал доктор Химмель. Он больше не выглядел задумчивым. — Дьявол! Снимите его, быстро! Да не боевыми, идиоты! Седативные, живо!

Запрос одобрен. Передача оптимизированных данных.

«Бояться нечего, мистер Ленарт».

Я начал двигаться. Тело поначалу слушалось плохо, но мозг, получив доступ ко всему необходимому инструментарию, быстро перестраивался, покрикивая и подгоняя неповоротливые мускулы, кости и нервы.

— Огонь! — низким голосом, смешно растягивая слова, закричал доктор Химмель.

Мой дебютный заряд отправился на вершину колокольни, адресованная человеку, выпустившему первую пулю в этой перестрелке. Пулю, без которой вполне можно было бы обойтись. Нужно было обойтись. Он опрокинул его, пробивая голову и припечатывая к колоколу позади. Послышался печальный гулкий звук.

Двенадцать лучше, чем шесть.

— Снимите его!

Я продолжил движение, теперь уже в полностью автоматическом режиме, не обращая внимания на стелющиеся по воздуху дымные дорожки из частичек пороха летящих мимо зарядов на медленно проворачивающиеся барабаны моих револьверов, отправляющие в последнее задание патроны-камикадзе 44 калибра на ослепительные огненные хлысты, сминаящие в кашу озлобленные и испуганные лица, понимающие, что происходит что-то не то, и они опаздывают или даже уже опоздали на прекрасную Изабеллу, с закатившимися глазами оседающую на руки орущему что-то доктору на неподвижные черные изваяния, застывшие по краям площади и не сделавшие не единого движения за последние несколько минут.

Что же им нужно на самом деле?

Ответа не было, но я и не искал его. Мои мысли занимало другое.

Алика ЛаБо и Алиса Дрейк. Такие непохожие, рожденные и подготовленные для разных путей-тропинок в заросшей бурьяном пустоши жизни. Наркоманка и проститутка, убившая собственного ребенка — и специальный агент Корпуса Спокойствия, до последнего вдоха спасавшая чужих детей. Мне бы и в голову не пришло их сравнивать, если бы...

Если бы они обе не отдали свои жизни ради кого-то. Кого-то чужого, с кем они ничем не были связаны, кроме разве что легкой внешней симпатии и сильного внутреннего желания помочь и сохранить. Иными словами, они выполняли профессиональные обязанности бога. Похоже, этот парень совсем обленился, раз нуждается в подмене даже в таких пустяковых делах.

У меня кончились патроны, я бросил револьверы в кобуры — оба попали в цель — и мягким движением поднял с земли чье-то оружие. Шестизарядный складной дробовик Берджесса — очень редкая, но чертовски красивая штука. Вполне подойдет сейчас.

Алика сказала: «Правда в том, что у нас и не могло ничего получиться». Она знала, что обречена, и все равно помогла мне. Первый заряд ушел между двумя из оставшихся трех боевиков, зацепив всего одного, но я передернул пистолетную рукоять и завершил дело.

Так же поступила и Алиса на той пошедшей вразнос атомной станции. Не могла не понимать опасности. Но не могла и не войти в реакторную комнату и опустить графитовые стержни практически вручную. Второй патрон 12 калибра отработал так, как и было задумано — перебил шею последнему из «великолепной семерки», бросил его назад, оставив голову болтаться на похожих на мочалку остатках позвоночника и кожи.

И даже после всего этого Алика все равно не получила шанса выбраться. Вместо этого она получила медную оболочечную пулю прямо в сердце.

«Слишком глубоко мы завязли в этом дерьме».

Стрельба закончилась, потому что все стрелки выбыли из игры, но игра все еще продолжалась — на доске оставались фигуры.

Я повернулся к доктору, продолжавшему сжимать в руках бесчувственную Изабеллу.

— Я не виноват... — пролепетал он. — Против тебя лично я ничего не имею. Но я... я профессионал, я должен был... несмотря ни на что...

— Да, — сказал я. Одно и то же. Всегда одно и то же.

— Ты должен понять, это же и в самом деле могло стать революцией в науке... человек, имеющий возможность напрямую обращаться к...

— Заткнись.

— Не убивайте меня, пожалуйста, мистер Ленарт... Алекс...

— Заткнись!

Он замолчал, как отрезало. Я отложил бесполезный дробовик.

В чем заключается правда? Каким образом найти гарантированно справедливый выход? Вот это вопрос. Мутный, словно речная вода поздним летом. Правда — самое запутанное понятие на земле. Хуже него в этом смысле, наверное, только бог. Впрочем, в нынешнем свихнувшемся мире каждый психопат мнит себя как минимум Всевышним, и не мое дело разубеждать его в этом вопросе.

— Пошел к черту.

— Что?

— Убирайся отсюда. С ла чика эрмоса или без нее, мне плевать. Оставь меня одного. И быстро.

Он поднялся. Несколько секунд, дергая щекой, смотрел на Изабеллу, но, наверное, решил, что она слишком тяжела. А перед ним была долгая дорога.

— Вот в этом и есть разница, доктор, — сказал я. — Мы тянули друг друга даже тогда, когда проще было сдохнуть.

— А?

— Пристрелю к чертовой матери, если не исчезнешь сейчас же.

Он принялся поворачиваться — уже куда более осмысленно. Но тут за спиной обнаружился кто-то из черных — кажется, Милостивец, и доктор снова остолбенел. На этот раз он его видел, сомнений не было.

— А-ва...

— Ты мне надоел, — черный одним движением свернул Химмелю шею и обернулся ко мне. — А ты... стал куда интересней, чем раньше. Мистеру Свету это понравится.

— Понятия не имею, о чем ты.

— Что тут непонятного? Отстойник, в котором мы находимся, это вроде оранжереи для всяких ублюдков. Бездарные остаются тут навечно, но таланты... таланты постепенно созревают и становятся тем, кого мистер Свет может использовать. Идеальные инструменты.

— Не припоминаю, чтобы изъявлял желание работать на какого-то мистера.

— При чем здесь твое желание? Имеет значение только то чего хочет он. А он желает прибрать тебя к рукам. Или ты против?

— Так точно, против.

— Тебя забыли спросить. Мы давно за тобой присматриваем, как ты помнишь. Эти идиоты из Корпуса гонялись за тобой по всей пустыне, заставляя тебя приобретать необходимые качества — рассудительность, осторожность... даже необходимую жестокость. Это важно в нашей работе. Ну, а точку в конце твоего созревания поставила эта сучка из публичного дома. Кто бы мог подумать?

— Не называй ее сучкой.

— Еще одно слово, и ты пожалеешь, что не отбросил копыта на той атомной станции. Рядом с тупой рыжеволосой дурой, которая своей недалекостью предотвратила то, что мы готовили несколько лет...

Складной дробовик сам прыгнул мне в ладони, но Милостивец вдруг оказался совсем не так, где был еще секунду назад, а словно бы материализовался прямо за моей спиной. Он чувствительно двинул мне кулаком по затылку.

— Восемь секунд, парень. Не забывай.

Я дернулся снова, и даже успел нажать на спуск, но все это было впустую, черная фигура растаяла в воздухе, а в следующий миг раздался выстрел. Что-то хрустнуло в коленной чашечке, нога подогнулась, словно сломанный колос, я попытался опереться на оружие, но чертов дробовик сложился циркулем, и я растянулся на земле. Глянул на ноги — из левой, раздробленной, словно лепестки цветка, торчали белые осколки костей.

Милостивец образовался рядом — темный, словно башня, и такой же недостижимо высокий.

— Не задумывался, почему все твои друзья непременно умирают? Ответ прост: твои друзья — всего лишь люди, а люди смертны. Тебе следовало бы обзавестись менее уязвимыми в этом смысле приятелями. Кстати, насчет колена не волнуйся, для мистера Света исправить такое — пара пустяков.

Я не ответил, потому что был занят очень важным делом — пытался раскрыть дробовик и нацелить его на темную башню перед собой. Милостивец хмыкнул было, но осекся.

С черного неба ударил вниз луч света, разогнавший тучи и прибивший дым к земле. От луча исходил ровный низкий гул, темная, изъеденная коррозией земля от контакта с ним шипела и испарялась.

— Десантник, — с досадой сказал кто-то из черных. Я не видел точно, кто. — Какого черта?

В столбе света вырисовывалась гигантская фигура, состоящая из протуберанцев. В руках она сжимала огненный жезл, а за спиной раскрывались и трепетали крылья из чистой плазмы. Черные силуэты сгрудились, будто готовясь отражать нападение.

Фигура коснулась земли, отключила ракетный ранец и навела на них ствол автоматической винтовки.

— Остыньте, парни. Я забираю этого ковбоя.

— Невозможно, — проскрипел кто-то из черных. — Он нужен нам!

— А ты попробуй мне помешать, чертов андроид! — заржал гигант. — Нет, правда! Мне очень интересно посмотреть на твои внутренности — там тот же куриный ливер и трубуха, что и раньше, или вам напихали в брюхо что-нибудь новенькое?

Несколько секунд все четверо молчали. Я щелкнул металлическим замком-скобой.

А потом вокруг стало свободнее. Темная троица исчезла, будто ее и не было.

— Бад Лейн, — весело сказал десантник, протягивая мне похожую на лопату руку. — Специалист широкого профиля. Ты как, не имеешь желания поработать на меня?

Я осторожно поднялся, опираясь второй рукой на оружие с последним так и не израсходованным зарядом, и прислушался. В городе было тихо — ни криков, ни топота ног, ни ругательств. Впрочем, не совсем тихо — поблизости кто-то словно бы наигрывал на гитаре медленный и печальный мотив. Так странно... лоудаун-блюз, музыка социальных низов, звучала в этом горящем, разваливающемся на куски месте, точно величественная симфония или благородный церковный хорал.

— Зависит от работы, — прохрипел я. Этот парень выглядел психом почище многих из тех, с которыми я водил шашни раньше, но он был живым, осязаемым, и он был понятным. А мне нужно было куда-то податься, верно?

Здоровяк задумался.

— Работа... работа будет разная. Кого-то пристрелить, кого-то и вовсе убить, — непонятно пояснил он. — Грабежи, угоны, налеты на банки — ассортимент очень широк, но в любом случае гарантируется опасность и веселье. Гремучая смесь! Кстати, о смесях:

коллектив у нас подобрался толковый и дружный, оплата сдельная, плюс компания предоставляет жилье, питье и жратву — у меня имеется в собственности довольно неплохой бар-мотель.

Голова кружилась, и не только от потери крови. Бад озабоченно поглядел на меня.

— Тебе нужна медицинская помощь, парень. Счастье, что у нас в баре есть доктор. Разумеется, в хорошем смысле этого слова. И кстати: я тут немного подслушал ваши беседы: одним из ряда дополнительных бонусов на твоей новой работе является возможность — теоретическая! — связаться с погибшими близкими. Просто так сказал, подумал, может, тебе будет интересно. Ну так как?

Я не думал долго. Чертовы андройды все-таки добрались до меня, и строить длинные планы не было теперь никакой возможности. Но это было хоть что-то. Новая надежда. Стартовая площадка. Иногда это все, что нам нужно.

Надежда — это колонна, на которой держится мир. Надежда — сон человека, который вот-вот проснется.

— Согласен.

— Бравое решение!

— Но у меня есть вопрос.

— Валяй, но имей в виду, что примерно через сорок секунд ты потеряешь сознание. Формулируй сжато.

Это не так уж легко, ненужные слова проскальзывали сквозь язык скользкими рыбками.

— В этой чертовой пустыне солнце сожгло мне весь мозг. В твоём мире... как там обстоят дела с этим вопросом?

Десантник расхохотался.

— С этим, думаю, проблем не будет! Видишь ли, в Городе-минус-один солнца нет совсем. Особенности климата, сам понимаешь.

— Мне это подходит. Ненавижу свет.

Огромная фигура с ракетным ранцем за спиной кивнула, перекинула через плечо фигуру поменьше, с легкостью подпрыгнула на пару метров вверх, залихватски свистнула, включила двигатели, и вскоре растаяла в темном, без малейшего проблеска, небе Отстойника.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Персонажи говорят по-английски, и имя, которым Батхорн представился герою, звучит как Slippery Bath («Скользкая ванна»). Это звучит похоже на Slippery Butt — «Скользкая жопа».

«Если дела пойдут на юг» — это не то, что вы подумали, а калька с английского «if things go south» — если все станет совсем плохо, короче.